

78.3
Л45

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Т. 136

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992**

Т. к. 95

551734

**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока**

РПМ, с.473а, т.1060000, 14.12.88

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1992

В материалах сборника обобщены теоретические и практические результаты изучения современного состояния и перспектив развития библиотечной профессии в различных регионах страны.

Сборник адресован преподавателям, аспирантам библиотечных факультетов вузов культуры, руководителям библиотечного дела.

Редколлегия 136-го сборника научных трудов:

Е. Я. Зазерский (отв. редактор), *Г. А. Тишкин* (зам. отв. редактора), *А. Н. Ванеев*, *Л. В. Трапезникова*, *Г. М. Шарпило* (отв. секретарь).

Научные редакторы:

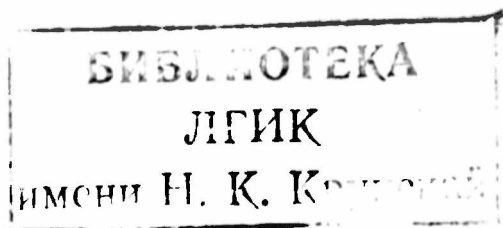
Е. Я. Зазерский профессор,
А. В. Соколов, профессор.

Рецензенты:

А. Н. Ванеев, докт. пед. наук, профессор (С.-П.ГИК им. Н. К. Крупской),

Б. Ф. Володин (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

ISBN 5-7196-0509-6

551734

РАЗРАБОТКА БИБЛИОТЕЧНОЙ ПРОФЕССИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ИТОГИ И ПРОБЕЛЫ

«Библиотечная, библиографическая, научно-информационная, архивная и прочие виды социально-коммуникационной деятельности традиционно рассматриваются как вспомогательные по отношению к материальному и духовному производству. Социальный престиж библиотечно-библиографической профессии нельзя назвать высоким. В то же время общественная значимость библиотечного дела и его социальная ответственность чрезвычайно высоки. Библиотечные фонды суть хранилища общественного знания, и общественный прогресс непосредственно зависит от эффективности использования исторически накопленных человечеством знаний для решения текущих задач... проблема организации и использования общественного знания может рассматриваться в ряду других глобальных проблем современной цивилизации» (1, с. 29). Высказанное положение разъясняет многое в библиотечно-библиографической деятельности, выявляет наиболее общие и значимые предпосылки ее изучения. В самом деле, библиотека и информация, библиотека и культура, библиотека и общество, — это и связь времени, и сиюминутная острая потребность.

Изучение профессии советского библиотекаря прошло ряд этапов.

Первый, самый краткий, но весьма интенсивный и яркий — *20-е годы*, когда советский библиотекарь в ряду других «политпросветовских» профессий стал предметом совместных исследований библиокологов и методистов, психологов, физиологов, медиков, использовавших специальные психотехнические методики. В этой связи важно учитывать, что, начиная с 1922 года, советские психотехники ориентируются на создание собственного подхода к изучению профессиональной деятельности, разработка принципов и методов которого шла в рамках двух основных направлений. Одно из них было связано с решением задач профотбора и профконсультации, профутомления и профобучения, рационализации рабочих мест, реконструкции и проектирования профессий. В этом направлении развернулись работы методического и практического характера, основанные на исчерпывающем описании и тщательном психофизиологическом анализе различных профессий. Задачей второго направления было создание психологической классификации профессии, в ходе которого вырабатывались принципы их психологи-

ческой систематизации. К концу 20-х годов, в условиях, когда методические и теоретические основы советской психологической науки еще не оформились, психотехникам впервые удалось подойти к изучению профессиональной деятельности с учетом многообразных внешних факторов, специфичных для конкретных видов труда и в определенной мере детерминирующих их характер. Принципы, методы и приемы психологического изучения профессиональной деятельности составили специальный подход — профессиографию, сущность которой сводилась к разработке описательно-технологической и психофизиологической характеристик. В результате профессиографирования составлялись профессиограммы — сводки социально-экономических, технологических и психофизиологических данных о профессии и организации труда, а также психогаммы — своего рода портреты профессий, представляющие каждую из них группой психологических функций, актуализируемых конкретной деятельностью (2, с. 18—19). Схемы профессиографирования позволили осуществлять сбор, описание, многоаспектный анализ и систематизацию материала; состав вопросов схемы определялся с учетом цели исследований, в русле которых изучался и библиотечный труд. Этому способствовало заинтересованное участие руководителей библиотечного дела, профсоюзов, общественности.

Изучение опиралось на трактовку библиотечной профессии как пропагандистской и культурно-просветительной деятельности, как части идеологической работы в целом, имело своими истоками те требования, которые предъявлялись к работникам народного просвещения внешкольного образования в трудах В. И. Ленина и программных документах Коммунистической партии. Реальное воплощение в жизнь этих целевых установок потребовало немалого труда и времени, вначале — чтобы дать ясные перспективы идеологическим предпосылкам библиотечной работы, а затем — воспитать библиотечкарей, говоря словами Н. К. Крупской, ответственными и активными участниками социалистической стройки. Особое внимание на этом этапе обращено на проблему социальной установки; анализируются характерные черты труда и быта библиотечкарей, обсуждаются задачи и пути подготовки кадров, способных решать новые по сути и невиданные прежде по масштабу задачи.

В экспериментальных исследованиях 20-х годов, проводившихся совместно с психологами, физиологами, гигиенистами, при изучении библиотечного труда применялся богатый арсенал методов, в том числе метод включенного наблюдения, трудовой, пробы на внимание, скорость, реакции, утомляемость. В конце 20-х годов, как показывает анализ публикаций, успешно начатые разработки прерываются. Печать последующих лет практически не содержит свидетельства анализа профессиональной деятельности библиотечкаря в исследовательском ключе. Общество переживает такие формы развития, которые не предполагают опоры на науку,

исключают критический анализ существующего опыта. Укрепляется вера в универсальную эффективность административно-командных методов. Общая ситуация не могла не отразиться на библиотечной профессии и ее изучении с тем весьма существенным отличием, что еще в течение некоторого времени библиотечное дело в системе Наркомпроса развивалось под руководством Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, их единомышленников.

Этот факт, а также состоявшиеся экспериментальные разработки, полученные в них выводы и рекомендации позволяют считать **20-е годы этапом создания истоков и предпосылок формирования библиотечной профессиологии, хотя она и не выделилась тогда в какой-то целостный комплекс и изучалась главным образом в русле проблематики НОТ и — частично — библиотечной психологии.** Подробнее об изучении библиотечной профессии и труда в 20-е гг. см.: (3).

Начало следующего, второго, этапа связано с возрождением в нашей стране научного статуса социологии и психологии, с укреплением теоретических оснований библиотековедения как общественной науки. Первые прикладные разработки по работе с кадрами, составленные с использованием результатов социологических обследований, появляются в ГПНТБ СО АН СССР и ГБЛ уже в конце 60-х годов. Наиболее отчетливо о необходимости научного подхода к профессиональной деятельности заявляет первая всесоюзная конференция по НОТ, состоявшаяся в 1971 г. и предложившая конкретную исследовательскую тематику по этой проблеме (4). Самые широкие масштабы приобретает социологический подход при изучении тенденций формирования кадров массовых библиотек РСФСР. Это исследование, проведенное ГПБ им. Салтыкова-Щедрина и ЛГИК, опиралось на солидную методологическую основу, включало в качестве ведущей концепцию ценностных ориентаций и позволило выявить не только профессиональные, но и социально-экономические причины отставания библиотечного дела от задач культурного строительства. Впервые было заявлено о необходимости материального обеспечения потребностей молодых специалистов, о проблеме жилья, свободного времени, бытовых удобств.

Библиотековеды, осваивающие спустя 50 лет методику профессиографического анализа, поначалу не использовали в полной мере теоретических результатов предшественников, доказавших необходимость дифференцированного изучения библиотечного труда, учета его производственных, психофизиологических особенностей, зависимости характера реальной деятельности от вида работы, участка. О существенном их значении напомнило исследование «Специалист — библиотека — библиография».

Продвижение тормозилось и неразработанностью ряда методологических вопросов, без разрешения которых невозможны были эмпирические обследования, сопоставление особенностей деятельности с точки зрения сходства, различия, степени сложности. Сре-

ди первоочередных теоретических задач были обоснованные классификации видов библиотечного труда и применение научных методов его анализа. В эти годы в исследованиях читательских интересов, психологических и социально-психологических аспектов массовой и межличностной коммуникации все шире используют психологические и социологические методы. Развитие психологии и социологии позволяло более активно применять их достижения и для изучения библиотечного труда, профессии; предполагалось, что данные, характеризующие библиотечный труд, по-новому осветят психологические проблемы восприятия и переработки информации, обогатят социально-психологические теории установки, лидерства, профессиональной и социальной адаптации.

Исследования в области психологии труда, социальной психологии и дифференциально-психологического анализа профессий расширили возможности использования полученных результатов и при создании профессиограмм. Принципы их составления, методы сбора, описания и анализа профессиографического материала библиотековедение черпало из арсенала психологии труда, в рамках которой на рубеже 60-х и 70-х годов были осмыслены и сформированы теоретические принципы изучения и описания профессиональной деятельности (5, 6). Задание же определения критериев для отбора методов, поиски наиболее приемлемых, то есть соответствующих специфике именно библиотечной профессии, способов ее изучения и описания — осознавались как непосредственно библиотековедческие. Были рассмотрены возможности приложения к библиотечно-библиографической деятельности таких методов сбора профессиографических данных, как наблюдение, трудовой библиографический; взвешивалась продуктивность метода трудных моментов или критических ситуаций для выявления характерных ошибок и типичных причин, для анализа накопленного материала и установления «узких» мест деятельности, верности технологических решений. Рекомендовалось при систематизации полученных сведений применять схемы, графики, диаграммы, технологические карты. Главное внимание на этом этапе уделялось выявлению особенностей использования общенаучных и социально-психологических методов с учетом характера труда, библиотечной профессии (7). В частности, отмечалось, что метод наблюдения, применяемый на начальном этапе исследования деятельности, наиболее эффективен для сравнения производительности труда, помогает вычленивать элементы, положительно и отрицательно влияющие на темпы и качество выполняемой работы, но он ограничен тем, что не позволяет выявить слабо поддающиеся учету факторы: направленность и тип внимания библиотекаря во время общения с читателем, напряженность мыслительных процессов в зависимости от сложности запросов, частоты и неравномерности их поступления. Такие моменты предлагалось изучать при помощи специальных психологических проб на внимание, запоминание, скорость реакции; приводились конкретные примеры удачного заимствования мето-

дик ситуационного, проблемного, задачного обучения, включающих элементы тестирования. Рекомендовалось осваивать и в комплексных исследованиях применять социологические методы беседы, интервью, анкетирования, с помощью которых возможно более полное и всестороннее изучение социально-психологических проблем библиотечно-библиографической деятельности, мотивов ее выбора, отношения к работе и профессии, а также уточнение содержания внешне правильных и недостижимых для прямого наблюдения моментов,— определение подхода и стиля общения с различными читателями, процесс творческого отбора необходимого материала для улучшения комплектования, целенаправленного информирования, дифференцированного обслуживания (См.: 7, с. 95—96). Следует признать, что многие разработки того времени носили полупросветительный характер, стремились восполнить пробелы научной подготовки и полное отсутствие исследовательских кадров; поиски в этой области велись наощупь: преподавателями с целью обоснования объема и содержания специальной подготовки кадров в учебных заведениях, методистами и руководителями — для укрепления основ управления, воспитательно-образовательной работы с кадрами в условиях библиотек.

Среди теоретических разработок наибольшей полнотой и обоснованностью отличается схема, предложенная А. В. Соколовым в связи с обобщением итогов автоматизации и механизации библиотечно-библиографических процессов, поскольку она включает не только производственные, но и личностные факторы эффективности труда (8). Предлагались и другие подходы, обобщения. Подробнее об этом см.: (9). Многочисленные публикации отражали те или иные эмпирические наблюдения, отдельные положения и взгляды, каждый из которых в определенной степени уточнял сложившуюся трактовку библиотечной профессии, но не вскрывал ее существенных характеристик. Первое упорядочение разноплановых и разнохарактерных разработок позволило к концу 70-х годов выделить три основных комплекса проблем, соответствующие трем сферам функционирования библиотечного специалиста: сфера подготовки кадров, сфера их использования, (то есть профессиональная трудовая деятельность) и сфера переподготовки и повышения квалификации (5, 10).

В 70-е годы была осознана важность активного изучения библиотечной профессии и положено ему реальное начало. Исследования не укладывались в рамки единого направления, были разноплановы, многопроблемны, не равны по масштабам, зачастую носили инициативный характер; не было системы публикаций о методике, ходе, результатах изучения, которое развивалось главным образом вширь. Как показывает статистический анализ, на десятилетие между постановлением ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) и утверждением «Положения о библиотечном деле в СССР» (1984 г.) пришлось свыше 50% от общего

числа послевоенных публикаций по проблеме. В 1975—1985 гг. материалы о библиотечных кадрах составили 7, 3% общего числа публикаций научного сборника «Советское библиотековедение» и 9, 3% «Научных и технических библиотек СССР». Эти цифры свидетельствуют скорее об интересе и внимании к проблеме, о ее актуализации, нежели о целенаправленности усилий.

Более скоординированным мог бы стать исследовательский процесс в первой половине 80-х годов, когда изучение библиотечной профессии впервые было включено во всесоюзный пятилетний межведомственный план НИР по библиотековедению, теории библиографии и истории книги. Но тогда этот план еще не был координационным, а только сводным, поэтому согласование многих, в том числе профессионалистических, исследований шло по пути группировки заявленных тем, а задача консолидации усилий по их разработке вокруг научного центра, способного возглавить ее организационно и методологически, не решалась.

Тем не менее изучение двух, связанных планом тем «Разработка профессиограммы специалиста библиотечно-библиографического дела» и «Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров» завершилось существенными результатами: в Московском и Ленинградском институтах культуры были выполнены и обобщены в кандидатских диссертациях профессионалистические разработки, касающиеся профессионально-личностных качеств специалиста крупной библиотеки, особенностей деятельности библиотекаря как руководителя чтением, влияния автоматизации и функции библиотекаря. К ним примыкают изыскания в проблематике профессионального чтения и другие *.

Крупнейшие библиотеки страны опубликовали сборники статей, рекомендации, документы, учебно-методические материалы, отражающие сложившуюся практику управления кадрами и повышения их квалификации. Широкий круг проблем обсуждался на конференциях, семинарах, совещаниях, посвященных библиотечной профессии, научной организации труда. Наиболее ориентированными на эти вопросы были всесоюзные конференции ЛГИК им. Н. К. Крупской «Психология чтения, читателя и библиотечно-библиографической деятельности» и межведомственный семинар «Психологические и социологические аспекты деятельности научно-технических библиотек и органов НТИ», проводившийся РНТБ Латвийской ССР.

Среди наиболее серьезных теоретических результатов начала 80-х годов, имеющих значение для профессионалогии, необходимо назвать концепцию Ю. Столярова, который представил эволюцию взглядов на роль библиотекаря, осознаваемую обществом достаточно отчетливо, по меньшей мере, с середины XVII века, и наме-

* Подробный анализ завершенных диссертаций представляет большой самостоятельный интерес, но выходит за пределы нашей задачи — охарактеризовать особенности и тенденции исследовательского процесса в целом.

тил направления ее дальнейшего изучения. Вывод о том, что неправильно квалифицировать библиотекаря только лишь как посредника между книгой и читателем (документом и абонентом по Ю. Н. Столярову), ибо он осуществляет связи между всеми элементами системы «Библиотека», был поначалу понят только как констатация функционально-технологической дополнительности деятельности библиотекаря — своего рода клея для системы. В действительности взгляд был значительно более широкий: библиотека предстала как открытая система с учетом многообразия связей с обществом (11).

Особенно ценным для профессиологии является направление, доказывающее особенности субъекта (а не только объекта) партийности в библиотечном деле, поскольку реальное воплощение она получает в конкретной деятельности библиотекаря и библиографа (12). Как бы провидя актуализацию этих вопросов в наши дни, Ю. Н. Столяров с привлечением большого фактического материала раскрыл теоретическую несостоятельность и практическую неосуществимость объективистских подходов, проявляющихся, в частности, в «бестенденциозности» отбора литературы, аргументированно критиковал также и леводоктринерские утверждения классовости каждой истины. Крайние выражения этих взглядов, как известно, приводили прежде в одних случаях к беспринципному, механическому включению в фонды публичных библиотек книг, отражавших взгляды черносотенцев и других ультрареакционеров, а в других — к отбору и пропаганде книг, созданных только рабочими и крестьянами, независимо от художественной ценности их произведений. Специальному анализу подверг Ю. Н. Столяров критерий общечеловеческой — научной, культурной, эстетической — ценности литературы, документов. Сбор и хранение источников исчерпывающей информации рассматриваются им, в полном соответствии с ленинским учением о культуре, как предпосылка последующей оценки и переработки. Такой подход вместе с советскими библиотекарями разделяют сегодня и ведущие специалисты Запада: «Мы не можем служить „и нашим, и вашим“, рассчитывая, что „плохие“ книги не принесут читателю вреда, в то время, как „хорошие“ принесут им несказанные блага. Ни один уважающий себя библиотекарь не позволит вручить читателю книгу, если известно, что это приведет к антиобщественным последствиям. Может быть, широта взглядов — это не больше, чем маска, которая скрывает невежество», — в этом афористически ясном высказывании Дж. Ширы (14, с. 83) отражается направление мыслей передовых зарубежных библиотекарей, отвергающих концепцию нейтралитета и осознающих, что публичная библиотека не может осуществлять свою деятельность в изоляции от событий, происходящих в мире. Активную позицию в защите читателя от агрессивности идей тоталитаризма фиксируют многие уставы библиотечных объединений; в частности, ассоциация библиотекарей Великобри-

тании в специальном «Кодексе поведения» обязуются не пропагандировать материалы, поощряющие дискриминацию по расовым, этническим, религиозным или половым признакам (13, с. 102). Конечно, тема эта слишком значительна и заслуживает специального обсуждения, но, говоря о гранях профессионального самосознания, открывающихся при пристальном изучении субъекта библиотечного дела, невозможно игнорировать социально-политические проблемы. Тем большее значение они приобретают, когда библиотекари рассматриваются как некая социально-профессиональная общность.

Определенные резервы для развития этого направления в 80-е годы дало исследование библиотеки как социального института (15). Выявив мобильность, способность библиотеки, сохраняя неизменной сущностную специфику, моделируя фондом значимые черты культуры и структуры деятельности создающего ее человека, целостно воздействовать на личность, служить ее формированию,— В. Р. Фирсов определил библиотеку как традиционный и успешно эволюционирующий институт социализации. Это позволило раскрыть и охарактеризовать сущность и предназначение библиотечной профессии в более общей форме: «Социальная роль библиотечной профессии, фиксирующая ее место в общественном разделении труда, состоит в содействии социализации личности методами руководства чтением на основе научной организации общественного книгопользования» (16, с. 4). По мере совершенствования общественных отношений возрастает значение именно таких ненормативных средств социализации,— этим в значительной мере определяются перспективы библиотечной профессии. Что касается практического профессиографирования, то вслед за разработкой научно-методических основ и условий создания библиотечных профессиограмм (17) началась их разработка, в которой активно участвовали преподаватели и аспиранты ЛГИК — исполнители соответствующей темы всесоюзного плана НИР на 1981—1985 гг. Особенно велика заслуга Т. В. Вороновой, которая одна из первых привлекла внимание к необходимости изучения библиотечной профессии, а затем в качестве научного руководителя аспирантов и соискателей подготовила группу кандидатов наук, специализирующихся в этой области. К середине 80-х годов методика профессиографирования была достаточно отработанной, схемы профессиограмм апробировались как в отношении специальностей (комплектование, каталогизация, работа с фондами, обслуживание читателей и др.), так и профессии в целом. Очевидно, что существующий перечень может быть расширен, дополнен по мере развития новых специальностей, в частности, это успешно подтверждено в отношении организатора-методиста по механизации и автоматизации. Естественным завершением прикладных разработок должен стать сборник профессиограмм, сопровождаемых рекомендациями, соответствующими целям их приложения: подбор, расстановка кадров, повышение квалификации и т. п.

По мере изменения технологических условий, уточнения иных факторов развития специальностей, существующий опыт профессиографирования позволяет проводить как корректировку, так и реорганизацию методик изучения и описания характеристик, суммируемых профессиограммой.

Внедрению результатов изучения, повышения интереса специалистов отрасли к проблеме активно содействовала в последнее десятилетие периодическая печать, целенаправленно в этом плане работала редколлегия журнала «Научные и технические библиотеки СССР», специальный тематический выпуск которого (1977, № 1), судя по ссылкам и цитированию, до сих пор не утратил актуальности; имеется и много иных публикаций по этой теме. Данные профессиологических исследований использовались в научных, учебных целях, в управлении кадрами: они введены в программы, лекционные курсы, новые учебники, словари, справочники. Были изданы первые обобщающие труды и основанные на исследованиях рекомендации (18). В печати отмечалось успешное развитие этого направления библиотековедения (19), однако исследователями успокоенность руководителей библиотечной науки не разделялась: «несмотря на довольно активное развитие, обусловленное, с одной стороны, актуальностью проблематики, общим к ней интересом и вниманием, а с другой — кажущейся легкостью изучения явлений якобы столь знакомых и обыденных, налицо тревожные симптомы. Это своего рода бег на месте, иллюзия научных результатов, получаемых вновь и вновь при изучении сходных объектов на основе одних и тех же методик. Чтобы симптомы не превратились в тенденции, необходимы новые, углубленные методические разработки» (20, с. 10). Преодоление тупиковой ситуации виделось в выходе за пределы внутрипрофессиональной проблематики, в рассмотрении библиотечно-библиографической деятельности, труда библиотекаря и библиографа в более широком контексте. Одним из новых подходов стал анализ общности библиотекарей как социально-профессиональной группы. В сопоставлении с теоретическими положениями социальной психологии уточнялись необходимые конституирующие признаки: выявилось устойчивое место библиотечной профессии в системе общественных отношений и разделения труда, наличие в ее составе многочисленных специалистов, необходимых повсеместно и поэтому распределенных по всей территории страны, большей частью лично не знакомых и не находящихся в непосредственных деловых контактах. Отмечалось, что мощными специфическими регуляторами деятельности и факторами профессионального сплочения выступают профессионально значимые ориентации, традиции, нормы, язык; в труде формируются определенные типы внимания, памяти, речи, восприятия и их сочетания, складывается своеобразный социально и профессионально обусловленный тип личности (21, с. 5).

Понимание необходимости более активного содействия повышению самосознания, единства библиотекарей, их профессиональ-

ного мастерства заставило пристальнее и детальнее рассмотреть существующую практику поддержания, совершенствования и развития библиотечно-библиографической деятельности. Поскольку главными регуляторами профессиональной ориентации всегда считались системы специального образования и повышения квалификации кадров, то большая часть разработок и рекомендаций посвящалась улучшению именно этих систем. Анализ позволил установить особое значение для развития библиотечной профессии еще одной важной системы — специальной печати, которая оставалась практически вне поля зрения исследователей. Между тем, даже обзорное изучение показало, что печать далеко не в полной мере выполняет объединяющую, регулятивно-нормативную миссию. Этот вывод привел к постановке и проведению исследования библиотечной печати с профессиологических позиций (22).

Кратко суммируя основные итоги второго этапа библиотечной профессиологии, хронологически охватывающего время с начала 70-х годов до середины 80-х, — можно определить его как период разработки современной методологии, активного накопления исследовательских результатов, формирования специальной терминологии *. В эти годы в ориентации исследователей относительно предмета изучения наблюдается очевидная эволюция. В 70-е годы как бы продолжилось прерванное надолго изучение психофизиологических характеристик, необходимых для успешного освоения профессии и совершенствования в ней. Очевидна тесная связь с психотехникой и психологией труда. Главным результатом исследований видится профессиограмма. К концу 70-х годов в комплекс профессионально-личностных качеств включают и сферу мотивации, все большее значение с начала 80-х годов придается социально-психологическим и социально-экономическим факторам развития профессии. В последнее время на первый план выступает поиск закономерностей формирования профессионального сознания, путей объединения библиотекарей как профессионалов, участвующих в социализации человека. Все активнее обосновывается перспектива библиотечной профессии как профессии гуманитарной; это направление развивается в рамках концепции экологии культуры, в борьбе с технократическими перекосами. Несмотря на разрозненность сил, слабое кадровое обеспечение, библиотечная профессиология развивается во всех трех основных направлениях: она изучает связь профессии со специалистами, с трудовыми коллективами и с обществом.

Уделяя внимание методологии библиотечной профессиологии, пытаюсь выйти за пределы внутрипрофессиональных ее проблем в социально-психологические и социально-политические области изучения, исследователи 70—80-годов готовили переход к качест-

* Вопросы терминологии здесь сознательно не затронуты, поскольку подробно рассмотрены в статье А. В. Соколова и А. С. Чачко в настоящем сборнике.

венно более глубокому анализу, к новому уровню обобщения.

В настоящее время, когда развернуто исследование «Библиотечная профессия: состояние и перспективы», есть все основания считать его началом следующего, третьего этапа развития библиотечной профессиологии — целенаправленного и скоординированного ее исследования на основе общих теоретико-методологических и методических решений. Уже на самой начальной, по сути организационной стадии, исследование, возглавляемое ЛГИК, характеризует черты, позволяющие рассчитывать на высокие результаты. Это — широкомасштабность и в смысле проблематики, и в смысле охвата. По сути впервые библиотечная профессия изучается во множестве ипостасей и аспектов. Всесоюзный характер достигается и широтой географии, и привлечением специалистов многих ведомств. Выгодно отличает исследование своевременная публикация и обсуждение его научных оснований: программы, гипотез, методик, рабочих материалов и т. д.

Как видно из программы и технического задания этой комплексной научной темы в ней планируется разработка таких основных направлений: кадровые ресурсы библиотечного дела (здесь выделяются библиотечные, библиографические кадры и профессорско-преподавательский состав специальных учебных заведений, а также их студенты и учащиеся); профессиональная мобильность и миграция библиотечных кадров; профессиональное сознание; социальный статус и престиж профессии; библиотечный труд (преимущественно в экономическом аспекте).

В исследовании будут применены общенаучные методы и принципы анализа (историзм, системный подход, аналогия, обобщение), а также социологические и психологические методы (опрос, интервью, экспертные оценки, контент-анализ текстов), изучение библиотечных документов и др.

Разработанный ЛГИК им. Н. К. Крупской теоретико-методологический подход и инструментарий способны обеспечить изучение поставленных конкретных проблем. Необходимый уровень задан представлением о том, что осуществляется фундаментальное исследование, призванное создать научную базу для конкретно-социологического изучения библиотечной профессии (23).

* * *

Чтобы проведенная нами ретроспекция не осталась лишь материалом к истории библиотековедения, а реально помогла будущим исследователям, необходимо отметить наиболее типичные, как нам представляется, просчеты и упущения, попытаться соотнести их с перспективными задачами сегодняшнего дня. Известно, что библиотечная профессиология развивалась, преодолевая серьезные сложности, обусловленные разобщенностью исследователей, иници-

ативным характером многих разработок, кажущейся случайностью избравшихся проблем. Считается, что в этом — одна из причин того, что уровень обобщения, необходимый для подлинно научного подхода к управлению кадрами, — все еще не достигнут. Наиболее явными причинами такого положения видятся организационные неувязки — отсутствие единого исследовательского центра в ранге проблемной комиссии или головной организации, и, как следствие, разобщенность, локальность большинства разработок. Так, несмотря на призывы печати, всесоюзных конференций и совещаний провести в 12-й пятилетке на основах кооперации фундаментальное исследование «Библиотекари как социально-профессиональная группа», потребовалось немало времени, чтобы появились первые проработки программно-методических решений этой темы. Не изжитая фрагментарность может быть объяснена не только организационными недоработками, но и реальной сложностью объекта изучения, отсутствием методик комплексного анализа, трудностью их применения.

Но не следует забывать и о том, что продвижение научной мысли существенно тормозилось и в связи с недооценкой проблематики библиотечной профессиологии со стороны руководителей ведомств, учреждения которых обладали научным статусом, имели реальных исполнителей и наибольшие исследовательские заделы. В условиях административного планирования науки библиотечная профессиология развивалась в крупнейших библиотеках зачастую вопреки так называемым приоритетным темам. Взгляд на нее, как на нечто нежелательное, в крайнем случае — второстепенное, — приводил к тому, что нередко научные рекомендации, доведенные до уровня организационных документов, не использовались; в качестве типовых нормативов внедрялись такие, которые не основывались на исследованиях, не имели расчетов и аргументации. Все это не способствовало престижу профессиологии, тем более, что реальная практика работы с кадрами в основном расходилась даже с официальными директивами. Утвержденные квалификационные характеристики, должностные инструкции мало влияли на практику подбора, расстановки, аттестации и выдвижения кадров. Многие проблемы, в том числе высокая сменяемость, малая заинтересованность, недостаточная личная культура и слабое влияние библиотекарей на характер массового чтения, проистекали, среди прочего, из пороков администрирования и из общей неудовлетворительной социокультурной ситуации времен застоя, которые, среди прочего, привели к тому, что в библиотеках оказалось много случайных, не готовивших себя к этому людей, в том числе руководителей. Коллективы, перегруженные неспециалистами, функционировали менее эффективно, что объясняется не только отсутствием профессиональных знаний, но и непониманием социальной сущности библиотечного дела, присущих ему ориентаций, норм, языка. Опыт показал, что воспитание библиотечного специалиста не ме-

нее важно, чем образование. Система переподготовки и повышения квалификации хотя и компенсирует указанные недостатки, но требует дополнительных усилий и времени. Многие негативные явления неоднократно были предметом профессионального обсуждения в печати и на конференциях; в социологических обследованиях они выявлялись в связи с выяснением отношения к труду, профессии, в том числе и аспекте взаимоотношений с руководителями, товарищами по работе. Но в решении практических проблем еще не был сделан шаг от их констатации к вскрытию механизма торможения, к предложению радикальных путей преодоления его.

Не удивительно, что в библиотечной профессиологии, несмотря на определенное развитие и понимание актуальных проблем, немало пробелов и упущений. Вне поля зрения исследователей остался ее исторический аспект. Из многих вопросов только подготовка кадров получила определенное отражение в изданных документах и материалах по истории библиотечного дела в СССР. Отдельные экскурсы, справки, очерки, встречающиеся в диссертациях и статьях, редко вводили в научный оборот архивные и другие документальные источники, характеризующие проведение в стране исследования библиотечной профессии и труда. Они не имеют в полной мере сопоставимого и целостного характера, причем эти пробелы касаются и хронологии (поскольку нет опубликованных данных о целых периодах) и региональных аспектов исследований (по-видимому, есть большие резервы для изучения проблемы в республиках и областях).

В библиотечной профессиологии отсутствует необходимая источниковая база. Нет системы сбора и репрезентации статистических данных о кадровом потенциале библиотечного дела. Разрозненно, по несопоставимым методикам и нерегулярно велись социологические обследования библиотечных коллективов, специалистов, студентов, абитуриентов; не было единого центра или службы анализа собранных данных. Не реализовано предложение о том, чтобы регулярный многоаспектный анализ состава кадров стал постоянной обязанностью соответствующих методических центров.

Отсутствует и экспериментальная база, с 20-х годов не проводилось экспериментальное изучение библиотечного труда; даже новейшие разработки по нормированию проведены без учета утомляемости, восприятия, типичных технологических ошибок. Между тем, очевидно, что только солидный психофизиологический анализ позволяет уточнить теоретические представления о специфических проявлениях профессионально-личностных качеств, необходимых в библиотечном деле.

Отсутствие теоретически выверенных прогнозов развития библиотечного дела на значительную перспективу приводит к сумятице в отношении будущего профессии. Особенно тревожит усиление технократических тенденций при разработке проблематики библиотечного образования, управления кадрами и совершенство-

вания технологии, в рамках которой шло прежде изучение многих специфических аспектов профессиологии. Меняя местами цель и средства деятельности, выражая восторг по поводу возможностей техники как таковой, далекие от библиотечного дела люди выхолащивают социально-психологическое содержание из комплекса вопросов НОТ. Наиболее очевидно это стало после IV Всесоюзной конференции (Вильнюс, дек. 1986 г.) по этой проблеме, где вопросы работы с кадрами «выпали» из повестки дня.

Большого, чем прежде, внимания потребуют новые аспекты традиционных направлений профессиологии. На стыке с читателеведением начато обоснование для современных условий особенностей руководства чтением, организации информации, управления книгоиспользованием. Важным является анализ и разработка рекомендаций о взаимодействии библиотекаря с ЭВМ, оценка и уточнение его места в компьютерной технологии и автоматизированной системе. Необходимы научные решения о повышении информативности библиотечной печати и ее роли в профессиональном чтении библиотечных специалистов.

Многие из названных и ряд других важных задач реализуются в исследовании ЛГИК.

В завершение хотелось бы указать еще на один, может быть не всегда заметный, но реально действующий и важный результат профессиологических исследований. Сам факт внимания науки к личности библиотекаря-комплектатора, каталогизатора, методиста стимулирует его самоуважение, не слишком воспитанное официальным призванием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А. В. Уровни теоретического обобщения библиотечно-библиографического знания // Социально-информационные проблемы библиотековедения и библиографоведения. — Л., 1986. — С. 10—32.

2. Иванова Е. М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. — М., — Изд-во МГУ. — 1987. — 208 с.

3. Чачко А. С. Истоки и предпосылки формирования библиотечной профессиологии // Науч. и тех. б-ки СССР. — 1988. № 8. — С. 3—12.

4. Тематика исследовательской и методической работы по НОТ в библиотеках // Научная организация труда в библиотеках: Материалы науч. и практ. конф. Сентябрь, 1971 г. — М., 1972. — С. 114—119.

5. Галкина О. И. Об изучении профессий в свете психологии труда // Вопросы психологии труда и профессионального обучения: Науч.-метод. сб. ВНИИПрофтехобразования. — Л., 1969. — Вып. 13. — С. 8—37.

6. Платонов К. К. Профессиография: ее значение и методика работы // Соц. труд. — 1976. № 4. — С. 74—79.

7. Чачко А. С. Научные методы изучения библиотечного труда // Сов. библиотекосведение. — 1976. — № 4. — С. 89—96.

8. Соколов А. В. Автоматизация библиографического поиска. — М. — Книга, 1981. — 107 с.

9. Чачко А. С. Современные разработки научной классификации видов библиотечного труда // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1978. — № 10. — С. 11—16.

10. Ефимова Л. Г. Библиотечная профессия как предмет изучения: Обзор информ. — М., 1978. — 43 с.

11. Столяров Ю. Н. Партийность как основополагающий методологический

принцип библиотековедения и библиотечного дела: Учебное пособие.— М., 1979.— 67 с.

13. *Ашервуд Р.* Исследование социальных ролей функций публичной библиотеки // Роль книги и чтения в культурном развитии: Материалы междунар. семинара.— М., 1987.— С. 96—107.

14. *Шира Дж. Х.* Введение в библиотековедение.— М.: Высш. школа.—1983.— 256 с.

15. *Фирсоя В. Р.* Библиотека как социальный институт: Теоретико-методологические аспекты повышения ее роли в развитом социалистическом обществе. Автореф. дисс. канд. пед. наук.— Л., 1984.— 15 с.

16. *Чачко А. С.* Библиотечная профессиология: актуальные проблемы и новые аспекты // Науч. и техн. б-ки СССР.—1987.— № 12.— С. 3—8.

17. *Чачко А. С.* Проблемы совершенствования работы с кадрами крупной научной библиотеки (проф.— личностные качества библиотечных специалистов): Автореф. дисс. канд. пед. наук.— Л., 1979.—14 с.; Чачко А. С. Научно-методические условия создания библиотечных профессиограмм // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1980.— № 10.— С. 17—21; Воронова Т. В. Состояние и пути решения проблемы // Профессиональная специализация и вопросы совершенствования подготовки библиотечных работников: Сб. науч. трудов.— Л., 1984.— С. 5—15.

18. *Чачко А. С.* Библиотечный специалист: особенности труда и профессионализации.— Киев //— Наук. думка.— 1984.— 192 с.; Профессиональная специализация и вопросы совершенствования подготовки библиотечных работников: Сб. науч. трудов.— Л., 1984.—132 с.; Подбор, расстановка и повышение квалификации кадров: Сб. документов и учебно-метод. материалов.— К., 1982.—194 с.

19. *Инькова Л., Осипова И.* Научные исследования: пути интенсификации // Сов. библиотековедение.—1985.— № 2.— С. 44—60.

20. *Чачко А. С.* Библиотечная профессиология: некоторые итоги и задачи развития.— Науч. и техн. б-ки СССР.—1984.— № 10.— С. 6—12.

21. *Чачко А. С.* Библиотекари как социально-профессиональная группа: к разработке программы исследования—//Науч. и техн. б-ки СССР.—1986.—№ 8.— С. 3—8.

22. *Чачко А. С.* Система изданий по библиотечному делу в СССР: проблемы изучения и совершенствования в свете решений XXVII съезда КПСС//—Науч. и техн. б-ки СССР.— 1986.— № 12.— С. 9—13; Чачко А. С. Современные проблемы библиотечной печати//—Сов. библиотековедение.— 1987.—№ 2.— С. 72—75; Чачко А. С. Роль профессиональной печати в перестройке библиотечного дела//— Науч. и техн. б-ки СССР.— 1988.— № 11. С. 3—9.

23. *Зазерский Е. Я., Соколов А. В.* Библиотечная профессия сегодня и завтра (программа исследования) // Сов. библиотековедение.—1988.— № 2.— С. 18—30.

А. В. СОКОЛОВ, А. С. ЧАЧКО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИБЛИОТЕЧНОЙ ПРОФЕССИОЛОГИИ

Без надежного методологического обоснования попытки изучения современного состояния и перспектив развития библиотечной профессии сводятся к сбору разобщенных массивов эмпирических данных и умозрительным рассуждениям относительно того, каким должен быть «настоящий библиотекарь». Из-за методологической беззаботности обширные и трудоемкие опросы различных категорий библиотечных работников, так же как всестороннее раскрытие кадрового состава отдельных библиотек, не обеспечивают получения подлинно научного знания, оставаясь на эмпирическом уровне.

тельно-констатирующем уровне. В связи с разворачиванием всесоюзной НИР «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» методологические проблемы библиотечной профессиологии приобрели для нас особую остроту. Методологическое осмысление затруднялось тем обстоятельством, что библиотечная профессиология находится в периоде своего становления в качестве научной и учебной дисциплины. Тем не менее мы вынуждены взять на себя инициативу в постановке проблем библиотечно-профессиологической методологии и — более того — попытаться найти хотя бы предварительное решение некоторых из этих проблем.

До последнего времени методология рассматривалась как философское учение о методах познания и преобразования действительности, основанное на применении мировоззренческих принципов к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике в частности (1, с. 18—24). Сейчас в отечественной философии получила признание более широкая, «деятельностная» трактовка понятия методологии, в соответствии с которой методологическая проблематика не ограничивается осмыслением на философско-мировоззренческом уровне научно-исследовательских методов, а распространяется на деятельность в целом. Известный советский методолог Э. Г. Юдин писал: «Методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В таком понимании методология образует необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации» (2, с. 31). Отсюда следует, что в содержании любых научных дисциплин, изучающих тот или иной вид человеческой деятельности (в том числе и в библиотековедении, изучающем библиотечную деятельность) правомерно различать два вида методологического знания: практическую методологию и исследовательскую методологию.

Предметом практической методологии, следуя Э. Г. Юдину, можно назвать структуру, логическую организацию, методы и средства практической деятельности. В библиотековедении практическая методология распределена между всеми прикладными дисциплинами, изучающими те или иные виды (процессы, операции) библиотечной деятельности. Особенно большой удельный вес практического методологического знания содержится в учении о работе с читателями, фондоведении, учении о библиотечных каталогах и библиографическом описании. Профессиональные знания библиотекаря в значительной степени есть знания практико-методологические. Профессиограммы различных библиотечных работников представляют собой характерный продукт библиотечной практической методологии.

Предмет исследовательской методологии — структура, логическая организация, методы и средства научно-исследовательской деятельности. В данной статье речь пойдет об исследовательской методологии библиотечной профессиологии, т. е. о структуре, ло-

гической организации, методах и средствах изучения библиотечной профессии. Следует подчеркнуть, что **методология не есть учение о методах** (средствах). Недопустимо также отождествлять понятия «методология», «методический аппарат», «методический арсенал» и т. д. Методология представляет собой учение, а система методов (методический арсенал, аппарат) — одна из составляющих предмета этого учения (центральная, но не единственная).

Проблематику исследовательской методологии библиотечной профессиологии можно охарактеризовать следующим образом:

— определение объекта и предмета библиотечной профессиологии, ее места в системе библиотековедческого знания, ее внутренней структуры;

— формирование понятийно-терминологической системы, базирующейся на ограниченном числе категорий (не определяемых в данной дисциплине предельно широких по объему исходных понятий);

— утверждение определенных образцов (эталонов) организации исследовательской деятельности;

— отбор, систематизация, определение областей использования важнейших средств и методов исследования.

В данной статье сосредоточим свое внимание на первых двух группах методологических проблем, имеющих кардинальное значение для становления библиотечной профессиологии. Начнем с терминологических проблем, помятуя, что львиная доля научных споров возникла из-за разного понимания одних и тех же слов.

Определение исходных понятий (категорий) библиотечной профессиологии — первоочередная и насущная задача этой молодой дисциплины. Дело в том, что будучи обращена к полифункциональной и многотипной библиотечно-библиографической деятельности, она имеет тенденцию втягивать в круг своих интересов практически все разделы библиотековедения и многие — библиографоведения. Установление определенных пределов подобной «научной экспансии» — одна из методологических проблем. Забывая об этой проблеме мы рискуем растворить, а не вычленить новое теоретическое знание.

Другая, пока не до конца преодоленная опасность в развитии профессиологии, — это сведение ее проблематики лишь к внутриспециальным, технологическим аспектам, которые также необходимы, но недостаточны. В этом случае она оказывается тавтологичной и неинтересной, не продуктивной. Не исключена и другая крайность — потеря специфики, увлечение общесоциологическими, психологическими, экономическими результатами, которые подтвердят существующее знание, но не продвинут нас в анализе особенностей библиотечной профессии. На данном этапе более пристальное внимание к терминологическому аспекту библиотечной профессиологии важно еще и потому, что прежде, когда не шла речь о ее самосознании и методическом обеспечении, этим вопросам не придавалось должного значения, терминология развива-

лась стихийно и противоречиво. Слабость терминологического оснащения, перенос обыденных значений на научные понятия вносили сумятицу и в организационную сферу, создавали предпосылки для того, чтобы объяснить все недостатки работы с кадрами и причины снижения престижа библиотечной профессии, — только упущениями науки.

Лишь в середине 70-х годов начинает выделяться соответствующая проблематика, которая еще не обозначается как самостоятельная научная область. Однако по мере накопления эмпирических данных о библиотечных кадрах, возникла потребность в их осмыслении, а значит, и потребность в соответствующей терминологии. Поначалу при изложении всего разнообразия проблем, подходов и методов ошибочно использовался термин «библиотечная профессиография», что сводило научно-практические результаты к важной, но не единственной задаче профессиологии — составлению профессиограмм (предполагалось даже, что одной профессиограммы).

Путаница в использовании терминов стирает существенные различия между всесторонним исследованием профессии (профессиология) и описанием содержания профессиональной деятельности, составленным методом профессиографии. Эти различия имеют не только внешний, но и более глубокий теоретико-методологический характер. В частности, поиски исторических истоков ведутся на такой хронологической глубине, когда не существовало научных оснований профессиологии, — ни психологии труда, ни социологии труда, ни библиотековедения. Кроме того, постановка в центр изучения только разработки профессиограммы или модели специалиста затеняло другие, не менее важные задачи профессиологии.

Понятие «библиотечная профессиология» впервые фиксируется в специальной литературе десять лет назад; в это время оно еще не осознавалось как обозначение новой научной дисциплины. Один из первых исследователей Л. Г. Ефимова считала, что «назрела необходимость введения специального термина для обозначения всего комплекса проблем, связанных с изучением профессии, — профессиология. В отличие от профессиографии, назначение которой — описание профессии в прикладных целях, область профессиологии — более широкий спектр проблем: закономерности исторического развития профессии, специфические методы ее исследования, научная классификация видов профессионального труда, прогнозирование изменений социально-психологического облика профессионала» (3, с. 21). Как видно из этого первого определения, оно фактически построено на попытке развести области приложения профессиологии, для которой формулируется краткий перечень научных проблем, и профессиографии с ее практическими задачами.

Попытавшись разграничить понятия и области приложения соответствующих терминов, автор далее в тексте не придерживается предложенной системы: термин «библиотечная профессиография»

употребляется и в значении «научной дисциплины» (3, с. 23), и «сложной комплексной проблемы» (3, с. 27).

Но — все же первое слово сказано, и можно было начать разработку терминологической системы. Со всей необходимостью эта задача возникла в 1978 году при составлении схемы, определившей структуру библиографического указателя «Кадры научных библиотек 1970—1978» (4). Библиотечная профессионалогия в нем рассматривается как научная дисциплина, развивающаяся с использованием достижений базовых и смежных наук; особое значение придается применяемым методам. Об этом свидетельствует построение раздела XII «Научно-методические основы библиотечной профессионалогии», которая объединяет подразделы: «Библиотечноеведение и библиографоведение», «Социология», «Психология», «Науковедение», «Методы исследования». В этот раздел включено более ста библиографических описаний, то есть одна шестая часть всего корпуса учтенных указателем публикаций. Материалы по прикладным вопросам описания профессии и ее специальностей собраны в разделе V «Профессиональные требования к кадрам научных библиотек» и отражены в подразделах: «Руководитель библиотеки и библиотечного подразделения», «Методист», «Комплектатор», «Каталогизатор», «Систематизатор», «Специалист по обслуживанию читателей», «Специалист по справочно-библиографическому обслуживанию», «Смежные профессии». Еще более конкретную направленность имеет раздел XIII «Профессиональные исследования и работа с кадрами в ЦНБ АН УССР».

Развернутый анализ и обоснование терминов здесь заменены логикой построения структуры указателя, группировкой и систематизацией материала, но подход очевиден. Специалистам понятно и то весьма важное обстоятельство, что рубрикатор указателя не терпит неопределенности; необходимость научной классификации публикаций ускорило терминотворчество.

Существенное продвижение в раскрытии содержания библиотечной профессионалогии связано с известным исследованием Ю. Н. Столярова, в котором библиотекарь рассмотрен как элемент четырехзвенной системы «библиотека», объединяющий и связывающий все другие элементы. Здесь впервые сказано о необходимости теоретической разработки учения о библиотечных кадрах как равноправного раздела библиотековедения, указано на потребность в специальном вузовском курсе, посвященном библиотечным кадрам, вкратце очерчен круг охватываемых им вопросов: роль библиотекаря в обществе; «библиотекарь» как элемент системы «библиотека», его внутренние и внешние связи; библиотечная профессия и специальность, профессиональные требования к библиотекарю; проблемы профессиональной этики; профессиональное чтение; права и обязанности библиотекаря, трудовое, хозяйственное, административное право (5, с. 150—152). Ю. Н. Столяров сделал вполне логичный вывод о том, что создание библиотечной профессионалогии — не менее крупная и важная проблема государственного

значения, чем другие библиотековедческие проблемы, разработка которых предусмотрена всесоюзным планом, а ее решение имеет не только локальное, но и общесистемное значение, поскольку библиотекарь осуществляет все связи в системе «библиотека».

Этот вывод имел очень важные последствия не только для обоснования актуальности развития профессиологии как научной и учебной дисциплины, но и для определения места составляющей ее проблематики в системе библиотековедения. Библиотечная профессиология приобретает новый статус (учение), в качестве ее синонимов используется «кадроведение», «учение о библиотечных кадрах». Она выводится за сугубо прикладные, организационно-управленческие рамки, диктовавшиеся прежними представлениями о профессиограмме, и становится областью, принадлежащей не только курсу «Организация и управление библиотечным делом», но и «Общему библиотековедению», так как ее объект имеет общесистемное значение.

Дальнейшее истолкование это понятие получило в специальных научно-методических рекомендациях в помощь работе по подбору и расстановке кадров, где подробно раскрыто также содержание других, в том числе общеупотребляемых терминов: профессия, специальность, квалификация, функциональное и квалификационное разделение труда, подбор, расстановка кадров, даны определения терминосистемы должностных документов: функциональные обязанности, должностная инструкция, квалификационная характеристика. Эти рекомендации задумывались и использовались как практическое и учебное пособие. (6).

Центральный термин «библиотечная профессиология» определен как «комплексная теоретико-прикладная дисциплина, рассматривающая в системе широкий круг проблем библиотечной профессии: ее социальную роль и престиж в обществе, формы подготовки кадров в учебных заведениях, особенности их подбора, расстановки и рационального использования в библиотеках, а также тенденции развития библиотечных специальностей. Основной задачей библиотечной профессиологии является разработка перспективной модели библиотечных специалистов, создание библиотечных профессиограмм для широкого круга организационных и воспитательно-образовательных задач: профориентация молодежи, совершенствование подготовки кадров в вузах, повышение их квалификации на практике, содействие профадаптации молодых специалистов, обоснования рационального подбора и расстановки кадров, целенаправленной деятельности по формированию профессиональной пригодности библиотечных специалистов» (6, с. 13).

Дано и рабочее определение профессиограммы как наиболее полного и систематизированного описания основных характеристик библиотечной профессии или ее отдельных специальностей с точки зрения требований, предъявляемых работнику (6, с. 15).

Из этих представлений в основном исходит и одно из специальных исследований: «Библиотечный специалист: особенности

труда и профессионализация» (7). Некоторое продвижение состоит в том, что здесь проблема рассмотрена и в функциональном, и в социальном аспектах, анализируются профессионально необходимые психологически значимые предпосылки успешного труда, условия достижения мастерства; не случайно специальная глава посвящена структуре трудового коллектива библиотеки. Таким образом предмет изучения расширен, это и специалист, и трудовой коллектив, где он работает.

В терминологическом плане показательно замечание о том, что «в рамках библиотекведения и библиографоведения в настоящее время формируется новая теоретико-прикладная дисциплина — библиотечная профессиология. Ее основы заложены коллективными усилиями исследователей и преподавателей вузов, руководителей и методистов, практиков-библиотекарей и библиографов... Она опирается также на достижения информатики и книговедения, использует результаты и методы социологии, психологии труда, педагогики» (7, с. 100).

Термин «библиотечная профессиология» постепенно вытеснил из специальных текстов термин «библиотечная профессиография», когда речь шла о науке, научной и учебной дисциплине, но точность в их употреблении не была достигнута. Свой вклад в существовавшую путаницу, к сожалению, внесли и словари по библиотечному делу: они ошибочно зафиксировали термин «библиотечная профессиография» для обозначения «научной библиотекведческой дисциплины, изучающей содержание, формы и специфику трудовой деятельности библиотечных работников» и сузили объект исследований (8, с. 8; 9, с. 25—26).

В самые последние годы появляется ряд публикаций, специально посвященных профессиологии, некоторым ее итогам, актуальным и новейшим задачам, истокам и предпосылкам возникновения, в которых сделан ряд исследовательских шагов по определению современного взгляда на теорию, состояние и перспективы развития новой дисциплины (10—13). Основываясь на этих результатах и на принадлежащем психологии труда общетеоретическом подходе, согласованном с системой понятий психологической науки, мы рассматриваем библиотечную профессиологию как «комплексную научную и учебную теоретико-прикладную дисциплину, объектом которой является библиотечная профессия, изучаемая в рамках библиотекведения с использованием достижений смежных наук. Ее предмет — взаимодействие библиотечной профессии с обществом, трудовыми коллективами, специалистами. Проблематика охватывает широкий круг вопросов, который в настоящее время включает: изучение социальной роли и места библиотечной профессии в обществе; анализ особенностей этой профессионально-социальной группы, в том числе вопросов труда и профессионализации специалистов; выявление кадрового состава библиотечных специалистов, его соответствие профессиональным требованиям; разработку системы непрерывного образования и других

систем поддержания, совершенствования и развития профессии, в том числе таких, как библиотечная печать, профессиональное чтение, библиотечные объединения и их ассоциации; содействие повышению самосознания библиотекарей, их социальному престижу в обществе, ориентации молодежи на библиотечную профессию. По мере углубления исследований этот перечень должен уточняться» (12, с. 3).

Что касается профессиографии, в том числе — библиотечной, то это комплексный метод психологии труда, используемый для анализа и описания профессий с учетом их особенностей. Результаты анализа оформляются в виде профессиограмм на основе определенной схемы, включающей социально-экономическую, производственную, квалификационную, психофизиологическую (психограмма) характеристики, а также медико-гигиенические противопоказания к труду (12, с. 3). Не имея возможности в данной статье раскрыть содержание всех понятий, применяемых в современных профессиологических исследованиях, остановимся здесь только еще на одном — на модели личности профессионала — поскольку оно также пока используется не совсем верно.

Под моделью личности профессионала в психологии понимается модель, отражающая структуру наиболее существенных способностей личности к конкретной профессии. Различаются теоретическая (идеальная) и эмпирическая (реальная) модели. Теоретическая модель получается на основе кодифицированных норм (положений, уставов, инструкций), отражающих существующие требования к профессионалам, а также путем обобщения мнения экспертов. Эмпирическая модель создается на основе сведений о структурах личностей достаточного числа профессионалов, успешно справляющихся со своей деятельностью (для сравнения — плохо справляющихся). (12, с. 6—7). В системе понятий психологической науки предмет профессиологии определен как взаимодействие профессии с обществом, коллективами и специалистами (13, с. 5).

Теперь обратимся к одной из наиболее важных и вместе с тем весьма сложных методологических проблем — проблеме определения предмета исследования библиотечной профессиологии. Как уже отмечалось, библиотечная профессиология представляется нам комплексной библиотековедческой дисциплиной, широко использующей достижения смежных наук, и прежде всего — социологии, экономики, психологии. При выборе предмета формирующейся науки возникло три альтернативы:

— социологическая — считать предметом библиотечную социально-профессиональную группу, профессию, часть интеллигенции;

— экономическая — рассматривать библиотекаря как совокупного работника, рабочую силу, кадровый (трудовой) ресурс библиотечного производства;

— психологическая — раскрывать индивидуального библиотекаря или библиотечный коллектив в качестве субъектов-носителей особых профессионально-психологических качеств.

Все три альтернативы были отвергнуты как односторонние. Осмысление существа дела привело к выводу, что нужная глубина и целостность исследования будут достигнуты лишь тогда, когда во главу угла будут поставлены не частнонаучные понятия «социально-профессиональная группа», «кадровые ресурсы» и т. п., а межнаучная категория «человеческий фактор». Таким образом в качестве предмета исследования следует назвать человеческий фактор библиотечного дела, и этот выбор представляется принципиальным методологическим решением. Несколько слов, обосновывающих этот выбор.

Понятие «человеческий фактор» вошло в научный обиход после XXVII съезда КПСС. В новой редакции Программы КПСС записано, что ускорение социально-экономического развития страны «партия связывает с повышением роли человеческого фактора» (15, с. 140). Какое содержание вкладывается в понятие «человеческий фактор»? Приведем мнения авторитетов.

Ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Р. Г. Яновский подчеркивая, что «нельзя допустить, чтобы понятие „человеческий фактор“ воспринималось только как пропагандистский термин, а рассуждения о нем становились данью моде» (16, с. 3), связывает его с выявлением и использованием в интересах социализма творческих возможностей людей. Человеческий фактор действует во всех сферах общества, он имеет политическую, социальную, психологическую и идеологическую стороны (17, с. 6—7).

Президент советской социологической ассоциации академик Т. И. Заславская, задаваясь вопросом «Что же такое человеческий фактор производства, экономики, общества?» — отвечает: «С нашей точки зрения, это совокупный субъект общественной жизни, имеющий сложную структуру. Иными словами, эта система взаимодействующих, занимающих разное положение классов, слоев и групп, деятельность и взаимодействие которых обеспечивает прогрессивное развитие общества» (18, с. 13).

Ведущий деятель нашей психологической науки Б. Ф. Ломов полагает, что «когда речь идет о человеческом факторе, то имеется в виду вся совокупность свойств человека (социальных, психологических, биологических), которые так или иначе проявляются в его деятельности и тем самым влияют на процессы, протекающие в обществе» (19, с. 4).

Сказанного достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что «человеческий фактор» — это понятие межнаучное, обобщающее содержательно сходное понятие общественных наук. По сути дела оно представляет собой новую категорию исторического материализма. Обращение к этой категории оправдано и необходимо тогда, когда предмет исследования выходит за пределы частной науки и рассматривается комплексно, в единстве экономических, социологических, психологических и прочих аспектов. Потребность в подобном многоаспектном и углубленном «человековедческом» исследовании назрела в советском библиотековедении. Поэтому

категория «человеческий фактор библиотечного дела» представляется оправданной в библиотечной профессиологии. Под **человеческим фактором** библиотечного дела понимается организационно оформленная система профессиональных социальных групп, обеспечивающих функционирование, воспроизводство и творческое развитие библиотечного дела.

Человеческий фактор — системный объект, имеющий сложную структуру, в которой различаются: профессиональные группы, непосредственно обеспечивающие функционирование библиотек всех типов и видов (работники библиотек); социальные группы, осуществляющие воспроизводство библиотечных кадров — преподаватели и учащиеся высших и средних учебных заведений; группа библиотечников, состоящая из библиотекарей-исследователей и педагогов высшей школы, призванных творчески развивать библиотечное дело.

Согласованная деятельность перечисленных групп необходима для жизнеспособности библиотечной системы как социального института, включающего практику, управление, образование и науку. Чтобы человеческий фактор успешно функционировал на уровне практической деятельности, он должен быть соответствующим образом обучен и воспитан в системе образования, должен владеть результатами, полученными библиотечным образованием. Фрагментарность многих исследований заключалась в том, что они упускали из виду преемственные и причинно-следственные связи, сосредоточивая внимание либо на библиотекарях массовых библиотек, либо на работниках научных библиотек, либо на абитуриентах и студентах. Педагогический же корпус и состав библиотечников специально не изучались.

Утверждение человеческого фактора как предмета исследования библиотечной профессиологии не означает дегуманизацию последней, т. е. отказ от учета индивидуальных личностно-психологических особенностей профессионалов библиотечного дела. Человеческий фактор понимается не как бездушный функциональный узел в механизме библиотечного производства, а как обобщающая профессиологическая категория, вобравшая в себя все богатство социально-экономических и психолого-гуманистических подходов.

Разумеется, в одной статье невозможно охватить всю методологическую проблематику библиотечной профессиологии. Исследовательский инструментарий профессионально-библиотечных исследований заслуживает особого рассмотрения. Мы намерены посвятить ему специальную публикацию, используя опыт методического обеспечения всесоюзной НИР «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания. — Л.: Лениздат, 1972. — 263 с.

2. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки.— М.: Наука, 1978.—391 с.
3. Ефимова Л. Г. Библиотечная профессия как предмет изучения: Трудовая деятельность и повышение квалификации библиотечных кадров: Обзор. информ.— М., 1978.—43 с.
4. Кадры научных библиотек: Библиогр. указ. 1970—1978.— Киев, 1979.—92 с.
5. Столяров Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход.— М.: Книга.—1981.—255 с.
6. Подбор, расстановка и повышение квалификации кадров: Сб. докум. и учеб.-метод. материалов.— Киев, 1982.—194 с.
7. Чачко А. С. Библиотечный специалист: особенности труда и профессионализации.— Киев:— Наукова думка, 1986.—192 с.
8. Управление библиотечным делом: Терминологический словарь.— М., 1985.—47 с.
9. Библиотечное дело: Терминологический словарь.— М.: Книга.—1986.—224 с.
10. Чачко А. С. Библиотекари как социально-профессиональная группа: К разработке программы исследования // НТБ СССР.—1986.— № 8.— С. 3—8.
12. Чачко А. С. Библиотечная профессиология: актуальные проблемы и новые аспекты // НТБ СССР.—1987.— № 12.— С. 2—8.
13. Чачко А. С. Истоки и предпосылки формирования библиотечной профессиональной логики // НТБ СССР.— 1988.— № 8.— С. 3—12.
14. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий.— М.: Высш. шк., 1984.— 174 с.
15. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986.—352 с.
16. Яновский Р. Г. Человек в условиях ускорения социально-экономического и духовного развития страны // Вопр. философии. 1987. № 3. С. 3—10.
17. Яновский Р. Г., Сбытов В. Ф., Доброхотов Л. М. Человеческий фактор научно-технического прогресса.— М.: Политиздат, 1986, 250 с.
18. Заславская Т. И. Решающее условие ускорения социально-экономического развития // ЭКО. 1986. № 3. С. 10—19.
19. Ломов Б. Ф. Система наук о человеке // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 1. С. 1—5.

Е. Я. ЗАЗЕРСКИЙ, А. В. СОКОЛОВ,
Л. Н. АФАНАСОВА

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ ПРОФЕССИИ

В нашей статье опубликованной в 1988 г., излагалась программа комплексного исследования, современного состояния и перспектив библиотечной профессии. За прошедшие полтора года определен объем работы в первой очереди исследования, завершающейся в 1990 г.; подготовлены две редакции методических материалов, опробованных в библиотеках разных типов; проделана организационная подготовка к широкомасштабным социологическим анализам (уточнен состав участников, проведен их инструктаж, выбраны регионы). В результате появился исследовательский инструментарий, представляющий собой совокупность инструктивно-методических материалов, сборников форм, опросников и опрос-

ных листов. Благодаря этому все основные рабочие операции регламентированы, обеспечивается согласованный сбор и единообразная обработка данных различными коллективами исследователей. В библиотековедении столь детальная разработка исследовательского инструментария не практиковалась. Думается, что уже в силу этого наш опыт заслуживает внимания.

Объекты изучения и организация работы

В соответствии с программой НИР были установлены следующие первоочередные объекты исследования:

— коллективы библиотек четырех типов: а) государственных массовых, б) детских Министерства культуры СССР, в) областных или краевых, АССР; г) специальных (низовые академические, в) научно-технические, г) вузовские).

— преподавательский состав библиотечных факультетов институтов культуры и их филиалов, а также библиотечных техникумов и библиотечных отделений КПУ;

— учащиеся высшего и среднего звена библиотечной школы.

В дальнейшем предполагается охватить сотрудников библиотек профсоюзных, школьных, ПТУ и средних специальных учебных заведений, центральных академических, научно-технических, республиканских и таких гигантов, как Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина и ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Особое внимание планируется уделить внебиблиотечным библиографическим службам, где трудится многочисленный отряд библиотекарей-библиографов.

Изучаются такие характеристики указанных выше трех групп коллективов:

— социально-демографический состав — фактические данные о возрасте, образовании, национальности, оседлости и т. д.;

— профессиональная миграция (стабильность и мобильность) библиотекарей-практиков и преподавателей;

— профессиональное сознание и прежде всего готовность к активному участию в перестройке библиотечного дела.

В организационной структуре НИР выделено три уровня:

А. Головная организация — ЛГИК им. Н. К. Крупской — обеспечивает: подготовку исследовательского инструментария и апробацию его совместно с организациями-соисполнителями, централизованную обработку и обобщение данных, полученных в разных регионах, составление итоговых отчетов, рекомендаций по результатам НИР и публикацию материалов исследования в виде сборников статей.

Б. Региональные исследовательские центры — библиотечные факультеты или крупнейшие научные библиотеки регионов — участвуют в отработке методики исследования, занимаются сбором эмпирических данных, систематизируют и обрабатывают их в соответствии с едиными методиками, осмысливая полученное с

учетом региональной специфики, представляют обобщенные местные результаты головной организации. Подчеркнем, что неукоснительное соблюдение единых методических требований ни в коей мере не ограничивает инициативу в проведении частных НИР, лежащих в русле библиотечной профессиологии.

В. Библиотеки и средние библиотечные учебные заведения регионов — рассматриваются не как пассивный объект изучения, а как партнер, который предоставляет служебную документацию, заполняет фактографические формы и опросные листы, участвует в экспертных оценках, обсуждении полученных научных результатов по своему объекту и региону в целом.

В апреле 1989 г. в Ленинграде прошло рабочее совещание соисполнителей НИР, на котором присутствовали представители 20 регионов — баз исследования: РСФСР (Ленинград, Казань, Куйбышев, Краснодар, Пермь, Челябинск, Тюмень, Омск, Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Улан-Удэ, Хабаровск); Украина (Киев, Харьков, Николаев); Белоруссия (Минск); Казахстан (Алма-Ата); Узбекистан (Ташкент); Эстония. Их выбор обусловливался наличием библиотечных факультетов или библиотек, готовых взять на себя функции региональных исследовательских центров. Разумеется, возможно подключение к исследованию новых регионов. Отсутствие московских библиотек объясняется специфической ситуацией с ними в столице, требующей особых организационных подходов.

Все соисполнители обеспечены исследовательским инструментарием, проведены учебные занятия по его использованию. Предусмотрен выезд представителей головной организации на места для оказания помощи в проведении исследования. Принят следующий план работы: июнь 1989 — июнь 1990 гг. — сбор эмпирических данных; сентябрь-декабрь 1990 гг. — их обработка и обобщение; январь 1991 г. — конференция по итогам первой очереди НИР.

Общая характеристика исследовательского инструментария

Инструментарий формировался в соответствии с исследовательскими задачами. В НИР предусмотрен сбор данных двух родов: фактические показатели о социально-демографическом составе, профессиональной миграции, состоянии профессионального сознания библиотекарей-практиков, преподавателей и учащихся; их мнения по актуальным профессиональным вопросам (что отражает социально-психологический климат и облегчает правильное понимание собранных фактов). В связи с этим используются следующие методы:

- анализ служебной документации (штатных расписаний, движения кадров, распределения выпускников и т. п.);
- информационные опросы, когда респондент выступает источником сведений о себе и об окружающей социальной среде;

— экспертные опросы, в ходе которых респонденту предлагается высказать мнение по тому или иному поводу, которое рассматривается исследователями как авторитетное;

— тестовые опросы, помогающие определить личностно-психологические качества респондента.

В нашем исследовательском инструментарии информационные и экспертные опросы ведутся по единому опроснику, дифференцированному по категориям респондентов. Проведение интервью на этапе сбора исходных данных не предусматривается.

Библиотечные работники в зависимости от функциональных обязанностей, трудового стажа и образования подразделяются на категории:

а — обслуживающие читателей и имеющие стаж более трех лет (не являющиеся молодыми специалистами);

б — с трехлетним и более длительным библиотечным стажем, фактически занятые библиографической деятельностью независимо от должности (библиограф, редактор, инженер, библиотекарь и т. д.);

в — выполняющие внутрибиблиотечную работу (стаж более трех лет);

г — методисты с библиотечным стажем более трех лет;

е — руководители библиотек, филиалов с числом сотрудников более двух, отделов крупных библиотек и ЦБС;

к — работающие в библиотеках, где не более двух штатных единиц (филиалы ЦБС, академические, научно-технические библиотеки и др.);

м — молодые специалисты, имеющие библиотечное высшее или среднее специальное образование и стаж работы менее трех лет;

и — без библиотечного образования (библиотечный стаж более трех лет);

ю — молодежь, готовящаяся к поступлению в среднее или высшее учебное заведение (не обязательно для получения библиотечного образования).

Преподаватели высшей и средней специальной школы подразделяются в зависимости от тех предметов, которые они читают:

ф — информационно-технические и естественнонаучные дисциплины («Информатика», «Технические средства библиотечной работы», «Основные проблемы естественных и технических наук» и т. п.);

ц — библиотековедческие, библиографические, книговедческие дисциплины;

щ — общественно-политические и общенаучные курсы.

Студенты высших и средних учебных заведений дифференцируются по форме обучения:

з — учащиеся без отрыва от производства (вечерний и заочный курс);

о — учащиеся с отрывом от производства (очники).

Каждой группе адресован свой опросник, к которому прилагается столько опросных листов, сколько в ней предусмотрено категорий: опросник «Библиотекарь» (47 вопросов) с 9 опросными листами (листы А, Б, В, Г, Е, К, М, Н, Ю), опросник «Преподаватель» (47 вопросов) с 3 опросными листами (Ф, Ц, Щ), опросник «Учащийся» (34 вопроса) с листами З и О.

Технология опроса такова. После распределения, допустим, сотрудников библиотеки по категориям А, Б, В... и т. д. каждому из них вручается опросник «Библиотекарь» и опросный лист, соответствующий его категории. На опросном листе указаны номера адресованных ему вопросов и номера предлагаемых на выбор ответов. После заполнения опросный лист возвращается исследователю вместе с опросником. Преимущество использования опросных листов в том, что достигается экономия при тиражировании опросников, ибо их можно применять многократно; в процессе обработки удобнее оперировать листами, а не сброшюрованными опросниками.

Особое место принадлежит тестовому стратиграфическому опроснику С, служащему для диагностирования профессиональной страты библиотекарей-практиков. Идея стратификации² в нашем исследовании реализуется впервые, она играет центральную роль в системе рабочих гипотез, верифицируемых нами, поэтому остановимся на ней особо в следующем разделе.

Руководящим документом служит брошюра «Инструктивно-методические материалы НИР Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» (64 с.), в которой описаны цели и задачи исследования, имеющийся инструментарий, последовательность и организация работы, рабочие гипотезы и способы их верификации. Структура исследовательского инструментария включает 5 сборников форм:

1. «Библиотека» — для фактических данных об отдельной библиотеке ЦБС (8 форм),
2. «Региональная система библиотек» — для сводных фактических данных о библиотеках региона (16 форм);
3. «Высшая школа» — для фактических данных о библиотечной высшей школе (14 форм и 3 таблицы);
4. «Средняя школа» — для фактических данных о библиотечной средней школе (9 форм и 2 таблицы);
5. «Результаты опросов и верификация гипотез» — для обобщения результатов опросов и верификации рабочих гипотез — (30 форм и 34 таблицы).

Рабочие гипотезы

Если для определения социально-демографического состава или миграционных движений изучаемых профессиональных групп гипотетический метод не требуется, то при раскрытии профессионального сознания и механизма профессиональной миграции без

этого метода не обойтись. В нашей НИР было выдвинуто 19 гипотез, объединенных в пять пакетов: общие гипотезы (3), частные гипотезы библиотекарей-практиков (7) и библиографов (1), частные гипотезы научно-педагогических кадров (4) частные гипотезы учащихся (4). Для выявления механизма миграции приняты 5 гипотез. Таким образом, в первой очереди НИР верификации подлежат 24 гипотезы. Кроме того, предусмотрен сбор данных, относящихся к 12 гипотезам, верифицируемых во второй очереди исследования (после 1990 г.).

Ряд общих гипотез открывает гипотеза **стратификации кадров**. Она обусловлена стремлением оценить степень активности человеческого фактора в библиотечном деле. Ясно, что требуемая для перестройки активизация людей должна осуществляться избирательно, с учетом сознательности тех или иных кадровых слоев (страт). Согласно гипотезе стратификации, в любой профессиональной общности людей существуют пять страт, различающихся с точки зрения профессиональной активности.

Альфа³ — Авангард (лидеры, новаторы), которому библиотечное дело обязано импульсами, побуждающими к движению, новаторскими идеями, творческим поиском. Отличительная особенность авангарда в том, что его составляют люди, преданные своему делу, но не удовлетворенные его традиционным состоянием.

Гамма — Гвардия (классные специалисты, мастера своего дела, отлично освоившие современную технологию, овладевшие профессиональным мировоззрением, пользующиеся заслуженным признанием и авторитетом), в отличие от Авангарда не склонна решительно преобразовывать традиционно сложившееся состояние дел, довольствуясь его рационализацией, улучшением, усовершенствованием.

Сигма — Средняки (специалисты, ограничивающиеся удовлетворительным выполнением своих служебных обязанностей, следуя принятым образцам) в трудовой и общественно-политической деятельности скорее пассивны, вместе с тем дорожат профессиональной принадлежностью.

Бета — Балласт (по диплому и опыту работы относятся к профессионалам, но не обеспечивают ожидаемой отдачи из-за объективных или субъективных причин).

Пи — Пилигримы (случайно приобщившиеся к профессии работники, не связывающие свои жизненные планы с продолжительным пребыванием в данной среде).

Конечно, между слоями нет четких границ, напротив, обязательна диффузия, переход отдельных специалистов из одного слоя в другой. С точки зрения общественной полезности первые два слоя являются антиподами последних двух слоев, но слои Альфа и Пи объединяет то, что они включают мобильных, динамичных работников, не склонных долго застаиваться на месте. Очевидно, что объектами активизации должны быть не слои Альфа и Гамма (они не нуждаются в повышении профессиональной активности), не

слой Пи (его активизировать бесполезно), а слои Бета и, главным образом, Сигма.

Решающее значение для верификации гипотезы стратификации имеет разработка надежной методики выявления принадлежности конкретного специалиста к тому или иному профессиональному слою. Инструментом здесь служит тестовый опросник С, который предназначен для библиотекарей-практиков. Надо полагать, что возможна стратификация преподавателей и учащихся по принципу, указанному профактивности, но соответствующего инструмента у нас пока нет.

Другая общая гипотеза, имеющая немаловажное значение для подготовки библиотечных кадров — гипотеза двойственности профессиональных требований. Традиционно принято считать библиотечную профессию по сути своей педагогической и относить к профессиям типа «человек-человек». Это, несомненно, справедливо для библиотекарей-библиографов, непосредственно работающих с читателями, но выглядит натяжкой по отношению к тем, кто занят комплектованием, хранением и организацией фондов, библиографированием, каталогизацией, т. е. имеет дело непосредственно с литературой, и лишь опосредованно — с запросами читателей. Таких библиотечно-библиографических работников правомерно отнести к профессионалам типа «человек—знаковая система» с филологической ориентацией.

При функциональном разделении труда, принятом в крупных библиотеках, двойственность (несовпадение требований к работникам педагогической и филологической ориентации) может не ощущаться. Но в мелких и средних библиотеках, где распространены совмещение функций и взаимозаменяемость, двойственность может проявиться в полной мере. Для проверки гипотезы двойственности предусмотрено деление библиотекарей-практиков на категории А, Б, В, Г, Е, К, охарактеризованные в предыдущем разделе.

И третья общепрофессиональная гипотеза — дифференциация профессионального сознания работников библиотек разных типов. Предполагается, что сотрудники массовых, детских, универсальных научных и специальных библиотек отличаются некоторыми существенными особенностями своего профессионального сознания. Это касается: признания (или непризнания) педагогической сущности библиотечной работы; представления о будущем библиотечного дела; отношения к библиотечной науке; понимания социальной роли библиотек; взглядов на проблемы автоматизации библиотек.

В опроснике «Библиотекарь» предусмотрен стандартный блок «профессионально-мировоззренческих» вопросов, который позволит по различиям в ответах сотрудников библиотек разных типов судить о справедливости гипотезы. Если она подтвердится, то следует вести подготовку учащихся, ориентируясь на типы библиотек, а не на комплексы литературы, как в настоящее время.

Частные гипотезы выдвинуты относительно библиотекарей-практиков. С их помощью выясняются социально-демографические и психологические факторы, определяющие стратификацию кадров; специфичность профессионального сознания работников библиотек с не более чем двумя штатными сотрудниками или совместителями⁴; преэминентность молодого и старшего поколений библиотекарей; реальные потребности в отраслевых знаниях работников библиотек разных типов; место и роль сотрудников с небиблиотечным образованием (категория Н).

Для выявления профессионального статуса библиографов выдвинута гипотеза о самостоятельности библиографической профессии. Бытует убеждение, что любой библиотекарь должен быть библиографом, однако обратное утверждение, неверно, ибо библиографы встречаются не только в библиотеках. Библиографоведение существует как самостоятельная научная дисциплина, а не как отрасль библиотековедения. Тем не менее большинство работников библиотек, включая самих библиографов, придерживается мнения, что библиограф — функциональная специализация библиотекаря. Предстоит узнать, оправдано ли это суждение.

При изучении научно-педагогических кадров выдвинули такие гипотезы: между практикой и наукой существует отчуждение; имеет место несогласованность высшего и среднего образования; отсутствует научная организация преподавательского труда; остается слабым сотрудничество и взаимопонимание между преподавателями различных курсов. Обобщение фактических данных и мнений научно-педагогических кадров по этим проблемам покажет пути реорганизации библиотечной науки, направления перестройки библиотечного образования.

Для разумного построения учебного процесса представляется целесообразной верификация следующих «студенческих» гипотез: в процессе обучения, при переходе с курса на курс наблюдается ослабление профессиональной ориентации; недостаточна подготовленность учащихся к учебе в режиме самоуправления; для подготовки работников современных библиотек форма обучения без отрыва от производства предпочтительней; специальная подготовка в библиотечном образовании должна быть первичной, а общенаучная — вторичной.

Есть основания полагать, что из-за ведомственной монополии на подготовку библиотечных кадров с последующим распределением выпускников преимущественно в библиотеки системы Министерства культуры СССР следует ожидать повышенный уровень эмиграции кадров именно оттуда⁵. Пакет миграционных гипотез включает следующие пять предположений: библиотеки всех типов располагают одними и теми же источниками поступления кадров, но продуктивность их различна; психологическая установка на эмиграцию библиотекарей ниже реальных показателей текучести (решение об уходе из библиотеки часто принимается не из-за разочарования в своей профессии, а из-за неблагоприятных социально-

экономических условий); на различных участках работы в библиотеке существует стабильное ядро квалифицированных специалистов, обеспечивающих ее деятельность (размывание этого ядра заметно снижает престиж данной библиотеки); специалисты, получившие образование без отрыва от производства, менее охотно меняют место работы, чем выпускники дневных отделений; значительна «утечка» специалистов с библиотечным образованием из библиотечной сферы.

Методические решения

При проведении социологических исследований часто возникает соблазн собрать сведения, не «работающие» непосредственно на верификацию принятых рабочих гипотез, но представляющиеся исследователю интересными, полезными, любопытными и т. п. Из-за недостаточной методической строгости в первых редакциях опросников было до 100 вопросов, адресованных одному респонденту. Время заполнения опросников и трудоемкость их обработки оказались неоправданно большими по сравнению с полезностью полученной в итоге информации. Поэтому при окончательном утверждении содержания опросников отбирались те вопросы, продуктивность которых определилась при пилотажных обследованиях, были исключены «открытые» вопросы, а варианты ответов на «закрытые» вопросы ограничивались двумя или тремя. Таким образом, была достигнута приемлемая по трудоемкости алгоритмическая безмашинная процедура первичной обработки данных непосредственно в регионах. Отказ от машинных методов продиктован уровнем технической вооруженности соисполнителей на местах. Однако при централизованном обобщении собранного материала в головной организации предусматривается использовать ЭВМ и соответствующие программные средства.

При информационно-экспертных опросах нередко один и тот же вопрос задается нескольким категориям библиотекарей с целью выявить сходство и различие в их суждениях. Например, вопрос **«ОЩУЩАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПЕДАГОГОМ, РУКОВОДИТЕЛЕМ ЧТЕНИЯ?»** с вариантами ответов: «1. Да, так как я выполняю педагогическую по существу работу; 2. Нет, не считаю свою работу педагогической», адресован библиотекарям-практикам А, Б, В, Г, Е, К, Н, работающим в библиотеках разных типов. Всем библиотекарям, преподавателям и студентам предлагается вопрос **«КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ БИБЛИОТЕЧНОЙ МОЛОДЕЖИ?»** с вариантами ответов «1. Молодежь не уступает старшему поколению; 2. Старшее поколение более активно». В предлагаемых ответах представлены две противоположные точки зрения. Респонденту предлагалось отметить тот ответ, который кажется ему более приемлемым, даже если он не согласен с ним полностью. Если оба ответа кажутся неприемлемыми или вопрос представляется не-

понятным либо неправильно поставленным, респонденту рекомендуется вычеркнуть вопрос из его опросного листа.

При составлении тестового стратиграфического опросника (С-опросника) мы исходили из того, что состояние профессионального сознания определяется следующими четырьмя психологическими феноменами:

— идентификация личности с профессией (владение типичным мировоззрением, профессиональный патриотизм, заинтересованность в профессиональных делах, соответствие профессиографическим требованиям, оптимистическое представление о библиотеке будущего);

— удовлетворенность избранной профессией, местом работы, должностью, собственной квалификацией, условиями труда;

— установка на мобильность (готовность к смене места работы на более престижное, интересное, лучше оплачиваемое занятие в рамках библиотечного дела или вне его);

— новаторство, стремление к перестройке, общественная активность, самосовершенствование (учеба, профессиональное чтение, самообразование и т. д.).

В С-опроснике выделено соответственно 4 блока вопросов, ответы на которые позволяют судить о степени того или иного психологического феномена у данного респондента в соответствии с трехзначной шкалой: да (выражен ярко) — неопределенно — нет (не выражен). На основании предварительных тестовых опросов были выявлены состояния того или иного феномена, типичные для разных профессиональных страт. Так, для страты Гамма (Гвардия) характерна идентификация с профессией, не свойственна неудовлетворенность профессиональной деятельностью, отсутствует установка на миграцию и нет ярко выраженной активности. Представители страты Альфа (Авангард), отчетливо идентифицируя себя с профессией, в то же время, в отличие от страты Гамма, не проявляют успокоенности и отличаются активным стилем поведения. Аналогично были установлены типичные показатели для остальных страт, которые приняты нами за эталон. Сравнивая реальные показатели тестируемого с эталонами, можно определить его страту. Опыт тестирования около 1000 библиотекарей различных библиотек подтвердил работоспособность описанной методики.

Важным методическим решением нашего исследования является регламентация сбора и обработки фактических данных при помощи детально разработанных форм. Сборник форм «Библиотека» предназначен для библиотек следующих видов: массовых государственных (городских и сельских ЦБС), областных (краевых, АССР) универсальных научных, детских государственных, академических, научно-технических, вузовских. Формы заполняются исследователями совместно с руководителями библиотеки на основе учетно-кадровой документации и тестовых опросов по С-опроснику.

Сборник «Библиотека» заполняется на каждую библиотеку, выбранную для обследования в качестве представителя библиотечной системы региона (в среднем регионе предполагается обследовать 50 библиотек). В сборнике содержатся:

- паспортчика библиотеки (ЦБС);
- сведения о штатном расписании, где помимо данных об образовании, возрасте, стаже работы указывается страта, установленная для данного сотрудника в результате тестирования при помощи С-опросника;
- источники поступления кадров с учетом категории работника (А, Б, В, Г, Е, К) и стажа работы в данной библиотеке;
- показатели стабильности кадров различных категорий с учетом образования и формы обучения;
- данные о сменяемости и текучести⁶ кадров различных категорий;
- потребность в кадрах различных категорий и желательный состав кадров;
- информация об учащихся и потенциальных абитуриентах;
- материалы о повышении квалификации за истекший год.

Сборники форм «Библиотека» служат основой для заполнения сборника «Региональная система библиотек», который поступает в головную организацию. Он раскрывает динамику развития библиотечной системы в 60-х, 70-х, 80-х гг., средние показатели библиотек различных типов; среднестатистические данные о кадрах, в том числе по категориям и профессиональным стратам. По нему можно судить о профессиональной иммиграции и эмиграции кадров в массовых, детских, специальных, областных библиотеках, о стабильности их кадрового состава, потребности в кадрах библиотек региона. Подробнее удастся познакомиться с социально-демографическими характеристиками библиотекарей, их образовательным уровнем (в динамике) в связи с типами библиотек и профессиональными стратами. Собранные фактические данные послужат основой для различных управленческих решений как в масштабах региона, так и в масштабе страны.

Небезынтересно будет сопоставить социально-демографические параметры библиотекарей-практиков с характеристиками преподавателей и студентов, собранными при помощи сборников форм «Высшая школа» и «Средняя школа» (их наполнение идентично). Здесь отражены:

- паспортчика библиотечного факультета (отделения), включая состав кафедр, количество студенческих групп, динамику и структуру выпуска специалистов;
- преподаватели библиотечного факультета (научная степень, возраст, образование, стаж работы в библиотеке, научно-педагогический стаж и т. п.);
- источники поступления кадров;
- тематический план важнейших НИР в 1989—1990 гг.;

- паспортчика научно-исследовательского сектора (если он есть) и его штатные сотрудники;
- социально-демографические данные о студентах очного обучения;
- социально-демографические данные о студентах заочного и вечернего обучения;
- успеваемость и учебно-исследовательская работа студентов;
- потребители библиотечных специалистов;
- показатели миграции выпускников.

Надо надеяться, что сопоставление данных различных вузов и средних учебных заведений покажет доминирующие тенденции библиотечного образования, а также имеющиеся диспропорции и деформации.

5. Верификация гипотез

Верификация гипотез осуществляется в зависимости от их характера: часть верифицируется при помощи сбора и осмысления фактических данных, другая проверяется посредством анализа мнений респондентов. Так, гипотеза стратификации кадров проверяется практически — путем проведения тестовых опросов, результаты которых предъявляются руководству библиотеки для оценки их валидности. Если возникают расхождения в определении страты конкретного работника, они разрешаются либо путем обсуждения, либо повторным тестированием, либо (крайний случай) отказом от диагностирования. Гипотеза двойственности профессиональных требований к библиотекарям-библиографам верифицируется путем выявления фактического содержания труда работников, а также установлением личных склонностей и мнений по данному поводу. Как правило, верификация остальных гипотез сводится к сопоставлению фактических данных, содержащихся в сборниках форм, с результатами опросов различных категорий респондентов. В некоторых случаях предусмотрено проведение локальных экспериментов.

Порядок верифицирования регламентируется протоколами, содержащимися в сборнике «Результаты опросов и верификация гипотез». Окончательное решение исследователей фиксируется в «Итоговом протоколе верификации рабочих гипотез». Проверяются гипотезы соисполнителями независимо друг от друга, исходя из местного материала. Централизованная обработка полученных на местах результатов должна дать окончательный ответ на гипотетические предположения, поставленные в исследовании.

В настоящее время изучение библиотечной профессии вступило в фазу полевого социологического исследования. Опыт этого исследования, мы надеемся, послужит научной основой для выработки рекомендаций по реструктуризации деятельности библиотек, реорганизации библиотечной науки и реформы библиотечного образования. Конечно, масштабы этого опыта будут ограничены, так как за

пределами первой очереди НИР остались многие типы библиотек и библиографических служб. Но успешное завершение этой очереди, надо полагать, станет стимулом для продолжения начатого изучения современного состояния и перспектив библиотечной профессии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зазерский Е. Я., Соколов А. В.* Библиотечная профессия сегодня и завтра: Программа исследования // Сов. библиотековедение.—1988.— № 2.— С. 18—30.

2. Стратификация — слоистость, напластование, последовательность горизонтальных слоев.

3. Потребность в кодировании страт обусловлена деликатностью процедуры распределения людей по группам разной престижности. Поэтому во всех формах и инструкциях используются коды страт.

4. Актуальность изучения кадров таких библиотек определяется многочисленностью подобных учреждений. Известно, что среднее число сотрудников на одну государственную массовую библиотеку, включенную в ЦБС, составляет в РСФСР 2, 1, а в сельских филиалах 1, 12.

5. В республиках, готовящих библиотечные кадры в университетах, пединститутах и других учебных заведениях Госкомобразования миграционное движение кадров несколько иное.

6. Сменяемость — общее число сотрудников, уволившихся за год, включая уход на пенсию, рождение ребенка, болезнь; текучесть — количество сотрудников, уволившихся по собственному желанию (составная часть сменяемости).

М. К. АРХИПОВА, М. М. БОГОЛЮБОВА,
В. С. МИРОНОВ, Н. Н. ИПАТОВА, А. А. ТУРОВСКАЯ

ПЕДАГОГИ ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ

(Предварительные итоги социологического исследования)

Одним из направлений всесоюзного исследования «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» является изучение педагогических кадров специальных высших и средних учебных заведений.

Несмотря на очевидность прямой связи качества преподавания, определяемого прежде всего уровнем научной квалификации педагогов, с педагогическим мастерством преподавателей и их личностными качествами, эта группа специалистов — научно-педагогические кадры — до сих пор не была предметом специального исследования. Не изучены также условия труда преподавателей вузов и техникумов, безусловно влияющие на качество обучения.

Поэтому целью исследования является изучение наличного состава научно-педагогических кадров, выявление возможностей их активизации в совершенствовании подготовки библиотечных кадров.

На первом этапе исследования выдвинуто пять рабочих гипотез, затрагивающих наиболее острые проблемы научно-педагогических кадров, а именно:

Гипотеза 1: Между практикой и наукой существует отчуждение, заключающееся в отсутствии механизма внедрения научных выводов и рекомендаций в практику, оторванности научных исследований от потребностей практики, недоверие практиков к науке и ученым.

Гипотеза 2. Несогласованность высшего и среднего библиотечного образования, которая проявляется в дублировании содержания специальных курсов, отсутствии контактов между преподавательскими коллективами высшей и средней библиотечной школы, размытости специфики высшего и среднего образования и слабой преемственностью между ними. Кардинальным перестроечным решением в области библиотечно-библиографического образования могла бы стать организация интегральных учебных центров, обеспечивающих на единой научно-методической и материально-технической базе среднее, высшее образование и повышение квалификации библиотечных работников. Здесь можно было бы единым преподавательским коллективом по единым «сквозным» программам подготавливать библиотекарей-библиографистов высшей и средней квалификации, вести переподготовку специалистов с неблиотечным образованием. Именно такие центры могут стать центрами непрерывного образования.

Гипотеза 3. Отсутствие научной организации преподавательского труда, выражающееся в несоответствии нормативов реальным затратам времени, формализации и бюрократизации педагогической деятельности.

Гипотеза 4. Слабое сотрудничество и взаимопонимание между преподавателями различных курсов, которые особенно отчетливо видны в области общественно-научных и специальных дисциплин. Вследствие этого имеет место дублирование, несогласованность, и более того, — противоречивость между содержанием различных учебных предметов.

Гипотеза 5. Исследовательская деятельность в области библиотекведения и библиографоведения по сути дела развивается стихийно. Отсюда дублирование научной тематики различными учреждениями, случайный выбор тем, низкий научно-методический уровень исследований, отсутствие экспертных оценок и критического анализа полученных результатов, формальный учетно-регистрационный уровень управления НИР в республиках и стране.

Исходя из рабочих гипотез были разработаны опросники и методика анкетирования. В 1988 году в целях первичной апробации документов, прежде всего отработки методик анкетирования и анализа собранных данных, изучены сведения, полученные от преподавателей специальных и общенаучных кафедр Ленинградского, Казанского и Куйбышевского институтов культуры, а также Ленинградского библиотечного техникума (более 150 анкет).

Материалом для данной статьи являются ответы на опросники:
 Ц (преподаватели библиотечных и библиографических дисциплин);
 Ф (преподаватели информатики и технических средств);
 Щ (преподаватели общественно-политических и общенаучных дисциплин).

Конкретные данные о заполненных анкетах показаны в таблице 1.

Опыт опробования опросников показал, что в целом они соответствуют своему назначению: сбор данных для верификации рабочих гипотез, проверяемых в исследовании. Лишь некоторые вопросы будут уточнены по итогам этого эксперимента.

Собранные материалы, мнения и суждения преподавателей представляют собой самостоятельный научный интерес, так как позволяют впервые ввести в научный оборот некоторые факты, побуждают еще раз задуматься о путях совершенствования библиотечного образования, всестороннего изучения критериев оценки квалификации преподавателей, условий их деятельности. Вместе с тем анализ ответов свидетельствует о необходимости корректировки части вопросов (поскольку открытые вопросы часто остаются без ответа), а также большего числа альтернативных ответов. В целях получения объективной оценки качества подготовки кадров библиотечными учебными заведениями были использованы результаты опроса руководителей библиотек, методистов, опытных библиотекарей, (проводимого в рамках направления «Библиотечные кадры»). Сопоставление мнений по данному вопросу выявляет различные точки зрения преподавателей и библиотекарей-практиков.

Мнение библиотекарей-практиков относительно профессиональных качеств выпускников библиотечной школы неутешительные. Почти никто из них (по этой группе опрошено около 2000 человек) не признал современное качество подготовки библиотекарей-библиографов в «целом хорошим». Около одной трети прямо ответили, что подготовка не отвечает современным требованиям. Особых различий между выпускниками высшей и средней школы не отмечалось. Многие практики считают, что библиотечная молодежь в основном пассивна и инертна.

Таблица 1

Уч. заведение	Опросники			Всего
	Ц	Ф	Щ	
ЛГИК	23	7	41	71
Казанский ин-т культуры	13	7	10	30
Куйбышевский ин-т культуры	12	6	11	29
Ленинградский библ. техникум	15	2	9	26
Всего:	63	22	71	156

Педагоги не столь пессимистичны и категоричны. На вопрос «Как вы оцениваете современное качество подготовки библиотекарей-библиографов?» большинство преподавателей выбрало уклончивый ответ: «Масса молодых специалистов библиотечного дела неоднородна: есть активные и знающие, есть пассивные и некомпетентные». Этот вариант ответа выбрали 73 % преподавателей вузов и около 77 % ЛБТ.

В целом, хорошей подготовку считают лишь 4 % преподавателей вузов и около 19 % ЛБТ; не отвечающей современным требованиям — 23 % вузовских преподавателей (в ЛБТ таких нет). Последняя группа, таким образом, солидаризировалась с практиками.

Таким образом, большая часть преподавателей вузов критически оценивают результаты своей деятельности, а преподаватели техникумов ею удовлетворены.

Уточняет ситуацию ответ на вопрос «...Что бы вы изменили в библиотечном образовании?». Подавляющее большинство респондентов избрало позиции 2 и 3 («Не слишком много, но и не мало» и «Кое-что, но капитально»), по вузам такие ответы составили около 65 %, ЛБТ — 92 %. Изменить «все сначала до конца» хотели бы около 18 % преподавателей вузов и 4 % преподавателей ЛБТ. Полагают, что «Нет нужды в радикальных преобразованиях» около 5 % преподавателей вузов и около 4 % — ЛБТ.

Как видим, абсолютное большинство педагогов (95%) признает необходимость изменений в подготовке библиотечного образования, с этой позицией оценивается ими ход и темпы его перестройки.

На вопрос: «Как Вы оцениваете ход перестройки библиотечного образования», получены ответы, приведенные в таблице 2.

Преимущественно негативно оценен ход перестройки библиотечного образования и его темпы. Более половины опрошенных (около 60 % — преподаватели вузов и 69 % преподавателей ЛБТ) считают, что «надо быстрее ломать все отжившее». Лишь около 9% преподавателей вузов и около 4 % ЛБТ считают, что «перестройка идет в разумных пределах». 20 % и около 12 % (ЛБТ) — что «перестройка затормозилась».

Оказались консерваторами и избрали ответ «лучше бы все оставалось как было» всего несколько человек, один — преподава-

Таблица 2

Ответы	Опросники			Всего
	Ц	Щ	Ф	
1. Результаты положительны	1	7	—	8
2. Результаты незначительны	28	29	13	70
3. Результатов перестройки пока нет	24	30	8	62
4. Перестройка ухудшила дела	4	1	1	6

тель кафедры общественных наук института и три — ЛБТ.

Естественно, что перестройка специального образования самым тесным образом связана с необходимыми будущими изменениями в практике библиотечного дела. Как оценивают их преподаватели?

На вопрос: «Ощущаете ли Вы приближение кризиса библиотек»? большинство опрошенных (65 % преп. вузов и около 58 % преп. ЛБТ), ответили, что они «ясно осознают необходимость коренных преобразований в библиотечном деле», что их тревожит «утечка читателей», неудовлетворительное комплектование, слабая материально-техническая база, введение платных услуг. Кстати, подобную озабоченность проявили лишь 35 % руководителей библиотек и только 15% библиотекарей-практиков. Таким образом, преподавательская среда оказалась более чуткой к назревшей потребности в радикальных переменах.

96 % респондентов обосновывают падение социального престижа библиотеки и их работников недооценкой роли этих учреждений со стороны руководящих органов и широкой общественности, а также остаточным принципом планирования развития материально-технической базы библиотек и «оскорбительно низким уровнем заработной платы большей части библиотечных работников, особенно государственных библиотек». Лишь незначительное число преподавателей предполагают, что престиж профессии снижается закономерно и повысить его невозможно. Особенно тревожно, что этого мнения придерживаются преподаватели специальных кафедр (ЛГИК-2, Казань-1), однако подавляющая часть преподавателей считают необходимым повышение профессионализма библиотекарей-библиографов, прежде всего на путях гуманитаризации и компьютеризации библиотечного образования.

Перспективы перестройки библиотечного образования побуждают задуматься о путях совершенствования в целом, включающих уровень высшей и средней школы. Сформулированная в исследовании рабочая гипотеза: несогласованность высшего и среднего образования библиотечных работников — проверилась опросником Ц. Преподаватели библиотечных и библиографических дисциплин вузов и техникума единодушно считают, что контакты между преподавательскими коллективами высшей и средней школы необходимы и их надо усиленно развивать. Такую позицию занимают 79,3 % опрошенных преподавателей вузов и 100 % преподавателей ЛБТ.

Принципиально различным большинство участников опроса считают сам подход к постановке и организации образования. По их мнению, вуз дает больше теоретических знаний, более широкий общекультурный и профессиональный кругозор, техникум — обеспечивает овладение преимущественно практическими навыками и умениями. Однако разграничение вряд ли можно считать приемлемым. Библиотечное дело не нуждается ни в «чистых теоретиках», ни в практиках, не владеющих теоретическими знаниями. Выпуск-

ники вуза должны по крайней мере не хуже выпускников техникума владеть практическими умениями и навыками библиотечной и библиографической работы, особенно в плане получаемой ими в вузе функциональной специализации. Выпускники учебных заведений среднего звена, в свою очередь, не должны владеть лишь практическими знаниями, навыками.

Известно, что в библиотеках (особенно небольших) специалисты высшей и средней квалификации выполняют одни и те же функции, причем нередки случаи, когда выпускники вузов оказываются неконкурентноспособными по своим деловым качествам с выпускниками техникума. 18% преподавателей техникума считают, что взаимосвязи высшей и средней библиотечной школ нужны, и нынешний их уровень вполне достаточен. Лишь незначительная часть преподавателей вуза (27%) полагают, что высшая и средняя школа решают разные задачи и потому нет нужды особенно заботиться о взаимосвязях между ними. Выходит, что средняя школа более активна, более заинтересована, можно сказать, более прогрессивна в обеспечении единства библиотечного образования. Педагоги высшей школы более сдержаны, не отрицают полезность контактов, но и не спешат навстречу своим коллегам из средних учебных заведений.

Думается, что исторически сложившуюся разобщенность между двумя уровнями библиотечного образования нужно преодолевать. Совместное участие в исследовании «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» должно способствовать этому. Программой исследования предусмотрено специальное изучение проблемы согласования высшего и среднего библиотечного образования.

Для разрешения этой проблемы важно уяснить, чем высшее образование в принципе отличается от среднего.

Выработка четкого разграничения функции специального высшего и среднего образования тесным образом связана с необходимостью разработки должностных инструкций и профессиограмм специалистов среднего и высшего звена, постоянного соблюдения этих требований, учета различий в практической кадровой политике. Здесь, как и во многих аспектах перестройки специального образования, необходим определенный «заказ» практики библиотечного строительства с учетом перспектив развития библиотечного дела и библиографии.

Теоретическая и практическая разработка этого круга проблем создает основу решения вопроса о создании интегральных учебных центров, обеспечивающих на единой научно-методической и материально-технической базе среднее, высшее образование и повышение квалификации библиотечных кадров. Отношение к этому вопросу наглядно иллюстрирует таблица 3.

Большинство преподавателей специальных дисциплин (63,4 %) поддерживает идею организации такого интегрального учебного центра. Чем же, на наш взгляд, определяется необходимость взаи-

Таблица 3

Учебное заведение	Всего	Да	Нет	Не знаю	Не ответили
ЛГИК	23	13	4	4	2
Казанский ИК	13	8	1	2	2
Куйбышевский ИК	13	9	—	—	3
ЛБТ	15	10	1	4	—
Итого:	64	40	6	10	7

модействия и взаимопонимания между педагогами разных уровней библиотечного образования?

1. Наши выпускники работают в одних и тех же библиотеках, выполняют во многих случаях аналогичные функции, и, если не будет согласована профессиональная подготовка, то нельзя обеспечить нормальное взаимодействие на практике.

2. Между высшей и средней школой имеется преемственность, так как многие выпускники средних школ становятся студентами библиотечных факультетов.

3. Повышение квалификации педагогов, совершенствование учебных планов и программ, обогащение содержания учебных курсов возможно только совместными усилиями, а не в отрыве друг от друга. Высококвалифицированные доценты и профессора высшей школы нуждаются в контактах с преподавателями среднего звена, потому что это один из каналов их связи с практикой, реальной жизнью, способ избежать «схоластического теоретизирования».

4. Нельзя совершенствовать систему библиотечного образования по частям: высшее в отрыве от среднего, очное в отрыве от заочного. Повышение квалификации в отрыве от самообразования и наоборот бессмысленно. Все элементы системы непрерывного библиотечного образования нужно рассматривать во взаимосвязи и системно. Система библиотечного образования должна быть единой интегральной системой непрерывного образования, органично и естественно включающей все уровни, формы и способы воспроизводства библиотечных кадров.

Одна из рабочих гипотез, верифицируемых нами, заключается в констатации слабого сотрудничества и взаимопонимания между преподавателями общенаучных и специальных дисциплин. Проведенные опросы дали следующие результаты. На вопрос «Хорошо ли Вы представляете содержание библиотечно-библиографических дисциплин?» только 5 человек (7,1%) из 70 обществоведов ответили «представляю по существу и в деталях», 3 (4%) — указали «не считаю нужным знакомиться», большинство вузовских преподавателей (50 %) отметили — «имею общее представление», 5 (7,1 %) — «не знаю, но собираюсь познакомиться». Примерно такая же картина и в ЛБТ.

Как же педагоги-обществоведы представляют свою роль в подготовке библиотекарей-библиографов? Лишь около 39 % преподавателей общенаучных кафедр вузов полагают, что читаемый ими курс способствует развитию знаний и умений содержательной обработки литературы, (ЛБТ — около 44 %) 48 % — педагогическому воздействию на читателя (в ЛБТ — 56 %). Остальные (около 31 % в вузе и около 20 % — в ЛБТ) формулируют направленность своего курса иначе, не связывая ее с обслуживанием читателя или работой с литературой. Кстати, около 19 % преподавателей специальных дисциплин вузов и около 33 % — ЛБТ отметили, что их курс «служит иным целям», чем работа с читателями и литературой.

Главную свою функцию преподаватели-обществоведы видят в расширении общего кругозора студентов, выработке научного мировоззрения, правильной ориентировке в общественно-политической жизни и т. д. Эти качества, бесспорно, очень важны для библиотекаря-библиографа. Достаточно сказать, что большинство преподавателей специальных дисциплин также на первое место среди качеств библиотекаря-библиографа ставят высокую общую культуру, а высокий профессионализм — лишь на второе место. Это озадачивает. По сути дела подобная позиция ставит под сомнение самостоятельность библиотечной профессии. Оказывается, что любой высокообразованный человек, даже плохо владея специфическими методами библиотечной и библиографической работы, может считаться хорошим специалистом. Общая культура, общественно-политические знания не должны в системе подготовки специалиста любой профессии заслонять профессионализма.

Нельзя не отметить, что преподаватели общенаучных кафедр отдают должное приобретению библиотекарем профессиональных знаний и умений (работа с книгой и читателем), наряду с высокой общей культурой. Это понятно. Им явно не хочется, придя в библиотеку, иметь дело с библиотекарем или библиографом культурным и образованным, но профессионально слабым.

Основная часть опрошенных (более 90 %) полагает, что определяющей в библиотечном образовании является гуманитарная основа, что она является незыблемой. Ответ «рано или поздно, но жизнь приведет к замене традиционной гуманитарной основы» был наименее приемлем: его избрали около 5 % опрошенных.

Почвой для консерватизма служит убеждение в незыблемости гуманитарной основы библиотечного образования. Половина опрошенных преподавателей, заглядывая в будущее, констатировала, что жизнь будет динамичнее, поэтому нужна в обновлении знаний будет острее, но вопреки этому выводу только одна треть считает, что нужно в связи с этим решительнее ориентировать библиотекаря-библиографа на самостоятельный поиск и осваивание профессиональных и общественно-политических знаний в условиях компьютеризации и роботизации.

Первичность и вторичность специальной и общественно-научной подготовки имеют не абстрактный, а прозаически конкретный интерес, так как определяют распределение учебных часов между курсами. Ясно, что более «первичному» нужно учить больше времени, чем «вторичному». На вопрос «Какое распределение учебного времени между специальными и общественными дисциплинами Вам кажется разумным?» были получены данные, наводящие на размышления.

В ЛБТ большинство преподавателей общественных дисциплин (!) отдало преимущество специальным дисциплинам, остальные согласились на паритет (поровну) и никто не потребовал увеличение часов. Подавляющее большинство преподавателей специальных дисциплин (90 %) заявили о желательности увеличения учебного времени на специальные дисциплины. Итак, признание «первичности» специальной подготовки в системе среднего библиотечного образования можно считать фактом.

Иная картина в вузе. Там первичность специальной подготовки ставится под сомнение. 40 % преподавателей общественных дисциплин и (удивительно!) 60 % преподавателей специальных дисциплин считают, что учебное время нужно делить поровну. Кстати сказать, в ныне действующем учебном плане так и сделано. Спрашивается, обосновано ли такое разделение учебного времени спецификой высшего и среднего образования или иными причинами? Поскольку и высшая и средняя специальная школа должна при перестройке своей работы ориентироваться на перспективы развития профессии, полезно провести специальные исследования проблемы с постановкой эксперимента, что позволит обоснованно решить эту «вечную» проблему для библиотечного факультета.

Поскольку в перестройке библиотечного образования главная роль принадлежит педагогическим кадрам, небезынтересным казалось нам обратить внимание на образ жизни преподавателей, их загруженность и социальную защищенность. На выявление этих вопросов была нацелена гипотеза 3. — отсутствие научной организации преподавательского труда, которое выражается в несоответствии нормативов реальным затратам времени, превалировании рутинных операций над творческими, в бюрократизации и формализации педагогической деятельности, неблагоприятных условиях труда.

Большинство вузовских педагогов (64 %) считает напряженность своего труда высокой (в ЛБТ — 38 %), некоторые — стрессовой (16 % преподавателей вузов и 12 % — ЛБТ). Лишь 19 % вузовских педагогов и 50 % ЛБТ считают ее нормальной.

Действующие нормативы на педагогическую работу в подавляющем большинстве ответов не одобрены: 69 % педагогов вузов и 46 % — ЛБТ сочли, что «они давно устарели и нуждаются в коренном пересмотре», 20 % (вузы) и 50 % (ЛБТ), что нормы нуждаются в частичной коррекции. Именно поэтому более 43 % вузовских педагогов признались, что они либо половину отпуска посвя-

щают работе, либо вообще больше работают, чем отдыхают. Среди преподавателей ЛБТ таких всего три человека из 26 опрошенных.

Для вузовских преподавателей оказалась характерной более интенсивная работа по подготовке к занятиям, чем для преподавателей техникума, хотя время на подготовку к лекционным занятиям в обоих случаях оказалось примерно равным и довольно большим: две трети затрачивают более 1 часа, а одна треть — от 30 минут до часа. Но этим не исчерпывается «незвонковая нагрузка». Оказалось, что преподаватели затрачивают в среднем 3—5 часов в неделю на общественную работу (есть люди, затрачивающие более 12 часов, но их единицы); столько же времени уходит на внеаудиторное общение со студентами. Вряд ли можно сомневаться в том, что имеет место перегрузка преподавателей. Думается, что даже эти предварительные данные свидетельствуют о потребности в социальной защите. В противном случае не приходится надеяться на повышение качества подготовки библиотечных специалистов.

Неоправданно большая часть времени уходит на различные собрания, заседания, совещания и другие непланированные мероприятия, из которых значительная часть оценена респондентами как бесполезная. (64 % преподавателей считают нерезультативным 2/3 посещенных ими мероприятиями). Что касается элементов формализма и бюрократизации в организации учебно-воспитательного процесса, то в данном случае предполагаемая гипотеза подтвердилась — свыше 51 % опрошенных педагогов подтвердили это своими ответами в анкетах. Конкретное проявление этих явлений педагоги видят прежде всего в излишнем бумаготворчестве (планы, отчеты, графики, заполнение различных журналов, форм), дежурства преподавателей и т.д.

Полученные результаты позволяют верифицировать выдвинутые гипотезы и использовать методику для проведения масштабного исследования, в результате которого будут получены более надежные и репрезентативные результаты. Кроме того, проведенный анализ полученных материалов позволяет откорректировать тексты вопросников для массового обследования.

Л. К. ГОЛУБЕВ, Н. Ю. КОЧЕТКОВ,
С. А. ПОРОШИН, А. В. СОКОЛОВ, Н. Г. ЧАГИНА

МОБИЛЬНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ

Общеизвестна высокая текучесть кадров в массовых библиотеках, доходящая до 30—40 % в год. Следствием ее является хронический дефицит квалифицированных библиотекарей и библиотечных работников вообще. Несмотря на усилия библиотечных учеб-

ных заведений, этот дефицит не уменьшается. Так, в государственных массовых библиотеках РСФСР насчитывается 104 тысячи рабочих мест, а учебные заведения Министерства культуры РСФСР ежегодно выпускают более 11 тысяч молодых специалистов библиотечного дела (из них 35 % с высшим образованием). Нетрудно подсчитать, что за 10 лет можно было бы полностью укомплектовать государственную библиотечную сеть. Но этого не происходит. Почему?

Причины, казалось бы, лежат на поверхности. Библиотекари массовых библиотек — одна из самых низкооплачиваемых категорий трудящихся в нашей стране, ряд процессов библиотечного труда отличается монотонностью, вместе с тем работа с читателями иногда требует повышенного нервного напряжения, неудобный рабочий режим. Эти причины усугубляются почти сплошной феминизацией библиотечной профессии и низким социальным престижем библиотечного дела.

Вместе с тем часто приходится слышать, что заработок далеко не в первую очередь определяет привлекательность профессии¹, что творческая библиотечная работа с читателями дает громадное удовлетворение, приносит общественный авторитет, а самое главное — огромную пользу обществу. Есть мнение, что решение проблемы текучести зависит прежде всего от того, какой нравственный смысл сумел увидеть в своей профессии молодой библиотекарь, насколько он сумел понять ее общественную значимость².

Проведенные нами обследования движения кадров в городских ЦБС показали, что источником текучести являются отделы обслуживания, где за 5 лет сменяется почти 2 / 3 сотрудников. В массовых библиотеках эти отделы, как правило, комплектуются девушками, «нарабатывающими» стаж для поступления в вуз, пенсионерами и другими временными работниками. Естественно, что каждый год «переменный состав» библиотеки меняется, и с этим по-видимому, пока придется примириться. Но главное, на наш взгляд, заключается не в текучести профессионально случайных работников, а в наличии практически в каждой библиотеке стабильного ядра опытных и квалифицированных библиотекарей-библиографов, обеспечивающих преемственность обслуживания читателей и выполнение ею своих социальных функций. Именно это ядро — библиотекари по призванию, патриоты профессии, тот человеческий фактор, от которого зависит современное состояние и будущее библиотечного дела.

Следовательно, мобильность нельзя изучать в отрыве от стабильности. Библиотечная профессия, как кстати, любая другая профессия, находится в постоянном движении. Неустрашим был отток специалистов библиотечного дела из массовых библиотек бывшего Минкульта СССР в библиотеки других ведомств. Это расплата за ведомственную монополию библиотечного образования. Столь же закономерен приход в библиотеки специалистов неблиотечного профиля (педагогов, филологов, инженеров, социоло-

гов, экономистов), в которых нуждается библиотечное производство. Бывает и так: библиотекарь с дипломом о высшем образовании вообще не попадает в библиотеку, он депрофессионализируется.

Профессиональная динамика библиотечного дела до сих пор не была предметом научного изучения. Этот пробел устраняется в комплексном всесоюзном исследовании современного состояния и перспектив развития библиотечной профессии³, где специально предусмотрено также и всестороннее рассмотрение профессиональной миграции библиотечных и библиографических кадров. Осуществление этого крупномасштабного исследования запланировано на 1988—1990 гг. Настоящая статья носит проблемно-постановочный характер и ее задача заключается в том, чтобы ознакомить библиотечную общественность с методологией планируемой НИР, а также с эмпирическими результатами, полученными нами в предыдущих исследованиях.

1. ЭМИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ.

Под профессиональной миграцией будем понимать мобильность работников, связанную с переменой профессии (межпрофессиональная миграция) или переходом в учреждение другого ведомства (межведомственная миграция). Должностные перемещения внутри библиотеки или переход в другую библиотеку того же ведомства будем считать внутриведомственной миграцией.

Чтобы не запутаться в миграционных каналах, важно учесть их направленность. Для этого нужна точка начала отсчета. В качестве такой начальной точки в нашем исследовании была библиотечная система Министерства культуры СССР. Тогда каналы, приносящие кадры в эту систему, становятся каналами иммиграции, а каналы утечки кадров — каналами эмиграции⁴. В итоге получается картина миграционных процессов, представленная на рис. 1.

Путем обработки документации по распределению выпускников библиотечных учебных заведений и трудовых книжек сотрудников библиотек можно получить немаловажные статистические данные. В том числе:

- структуру распределения выпускников библиотечной высшей и средней школы;
- иммиграционную структуру — сколько и по каким каналам поступает ежегодно сотрудников в библиотеки МК СССР;
- эмиграционную структуру — сколько и по каким каналам уходит ежегодно сотрудников библиотек МК СССР;
- баланс эмиграции и иммиграции;
- показатели стабильности библиотечных коллективов.

При этом очень важно рассматривать библиотечные штаты не суммарно, а дифференцированно по функциональным группам. В

нашем исследовании принято шесть групп: а) библиотекари, непосредственно обслуживающие читателей (группа обслуживания), б) библиографы, в) внутрибиблиотечная служба — комплектователи, каталогизаторы, г) методисты и исследователи, д) работники библиотек неблиотечного профиля, например, художники, техники, реставраторы, е) руководящие работники, включая заведующих отделами, филиалами ЦБС.

Количественно-статистические обследования должны дать наглядную картину современного движения библиотечных кадров, которую можно сделать сколь угодно детальной, но они не могут объяснить причины мобильности и стабильности, вскрыть их движущие силы. Для объяснения этого приходится обращаться к социологическим методам. Планируется использовать два метода: анкетный опрос и биографический метод.

С помощью анкетного опроса иммигрантов, т. е. специалистов неблиотечного профиля, работающих в библиотеках (педагогов филологов, историков и т. д.), можно уточнить мотивы их перехода на библиотечную работу, привлекательность библиотечного дела в их глазах, удовлетворенность новой специальностью и т. д. Но гораздо важнее для правильного развития библиотечной профессии выяснить потенциальную потребность библиотечного дела в выпускниках неблиотечных учебных заведений. Замкнутость библиотечной профессии в пределах дипломированных библиотекарей-библиографов малоперспективна. Опыт показывает, что многие из выпускников педагогических вузов становятся прекрасными библиотекарями. Подчас их знания художественной, исторической, общественно-политической, естественнонаучной литературы даже выше, чем у выпускников институтов культуры, плюс весьма ценные педагогические навыки⁵.

Кроме них, в библиотеках нужны экономисты, социологи, инженеры. В противном случае не приходится говорить серьезно ни о платных библиотечно-библиографических услугах, ни о библиотеке-клубе, ни о компьютеризации библиотек. Здесь уже мы выходим в область прогнозирования библиотечной профессии и пытаемся представить совокупного работника библиотеки будущего. Но это не менее важно для кадровой политики, чем знание современного состава библиотечных кадров.

Биографический метод заключается в анализе жизненного пути выпускников библиотечных учебных заведений. При достаточно представительной выборке за период 20—25 лет можно получить типичные «социальные портреты» стабильных библиотекарей и библиотекарей-мигрантов, в том числе — эмигрантов в неблиотечные сферы. Кстати, немаловажно узнать хотя бы перечень тех областей занятости, которые «питаются» за счет выпускников библиотечной школы. Ведь нельзя не считаться с фактами такого рода стихийной «утечки» специалистов.

В качестве первого приближения к реализации биографического метода в полном объеме можно считать анкетный опрос вы-

пускников ЛГИК, осуществленный Л. К. Голубевым в 1985—86 гг. Опрос дал интересные результаты, имеющие значение для раскрытия факторов мобильности и стабильности библиотечных кадров и позволил наметить задачи дальнейшего исследования.

2. ФАКТОРЫ МОБИЛЬНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ

Из совокупности личных дел всех выпускников ЛГИК дневного и вечернего отделений периода с 1966 по 1980 гг. было выбрано методом случайного отбора около 900 респондентов. Каждому была направлена анкета, содержащая 198 вопросов, касающихся трудовой деятельности (около 80 вопросов), быта и досуга библиотекаря (более 50 вопросов), общественно-политической деятельности (свыше 20 вопросов). Возврат составил всего 128 анкет, а 154 анкеты вернулись, не найдя адресата. Опыт показал таким образом, что заочный опрос выпускников не пригоден для реализации биографического метода. Из поля зрения исследователей выпадают эмигранты, покинувшие первоначальное место своего распределения, о котором известно в институте. Зато выявлена достаточно представительная совокупность специалистов библиотечного дела, относящихся к стабильному ядру библиотечной профессии, ибо 89 % респондентов, ответивших на вопросы анкеты, работают по специальности, полученной в институте. Из них 62 % — работники массовых, 26 % — научно-технических и 12 % — детских библиотек. Обработка их ответов позволила выявить главные факторы, определяющие стабильность и мобильность библиотечных кадров. По-видимому, дальнейшие исследования, охватывающие более широкий круг эмигрантов и иммигрантов библиотечного дела, позволят уточнить и дополнить состав миграционных факторов.

1. Возрастной фактор. В разные периоды жизни человеком решаются разные жизненные задачи, изменяются его ценностные ориентации, что оказывает свое влияние и на мотивацию трудовой деятельности.

Наиболее остро стремление к поиску своего места в жизни проявляется у молодых специалистов после завершения трехлетнего периода библиотечной работы. Почти половина (46 %) наших респондентов сообщили, что спустя три года после окончания института они перешли в другую библиотеку либо в пределах своего населенного пункта, либо с переменой места жительства.

В первые пять лет самостоятельной трудовой деятельности перед библиотечными специалистами (а это, как правило, женщины) возникает личная жизненная задача — создание семьи, рождение ребенка. Реализация этой задачи во многих случаях требует перемены места работы и жительства. Наше исследование еще раз подтвердило тот факт, что женщины, а не мужчины, решаются в ин-

тересах семьи сменить не только место работы, но и отказываются от приобретенной профессии.

В зрелом возрасте (30—45 лет) наиболее распространенным мотивом неудовлетворенности становится недостаточность получаемой зарплаты, о чем заявили 2/3 (66%) респондентов. Но лишь 12 % опрошенных выразили готовность сменить профессию по этой причине, остальные намереваются улучшить свое материальное положение с помощью дополнительных заработков или за счет изменения доходов мужа.

Перед уходом на пенсию решающее значение приобретают условия труда, а для многих, кроме того, повышение заработной платы, влияющее на размер пенсии. Надо сказать, что среди выпускников 1966—1967 гг. на вопрос «Состояние Вашего здоровья?» никто не ответил «хорошее», а 27 % считают свое здоровье плохим.

2. Экономический фактор, т. е. удовлетворенность материальным положением, часто выступает в качестве главного стимула текучести кадров в массовых библиотеках. Однако дело оказалось не столь простым, и решить его лишь путем увеличения заработной платы (меры, безусловно, необходимой) вряд ли возможно окончательно.

Конечно, не приходится отрицать существенную разницу как в условиях труда (режим работы, нервные перегрузки и т. д.), так и в уровне заработной платы между работниками массовых и специальных библиотек. Библиотекари, выполняющие работу одинаковой сложности, имеющие одинаковую квалификацию, но работающие в библиотеках разных отраслей народного хозяйства или разных предприятий, пользуются неравными социальными благами (жилье, дошкольные учреждения, путевки в санатории, дома отдыха и т. д.). Это бесспорный факт социальной несправедливости. Старший библиотекарь ЦБС (зарплата 125 руб.) пишет, что «размер заработной платы тормозит развитие духовных и физических сил»; заведующая отделом ЦГБ (зарплата 150 руб.) заявила: «Я убиваюсь на работе, а другие за эту зарплату работают на 30 % меньше». Далеко не все сотрудники специальных библиотек удовлетворены своим материальным положением. Заведующая НТБ (зарплата 140 руб.) заметила: «Среди гуманитарных профессий работу библиотекаря в последние годы считают самой непрестижной из-за низкой заработной платы».

Естественно, что экономический фактор играет немаловажную роль в эмиграции кадров (прежде всего — опытных, квалифицированных, перспективных) из массовых библиотек. Вместе с тем на вопрос анкеты «Считаете ли Вы, что размер Вашей заработной платы соответствует затратам Ваших духовных и физических сил в трудовой деятельности?» только одна треть опрошенных ответила «не считаю». Еще одна треть библиотечных работников ответила «считаю», т. е. согласилась с низким уровнем оплаты труда, а последняя треть уклонилась от конкретного ответа. Что означает такая позиция: благородное бессребрничество или трезвую

оценку? Ведь на многих участках библиотечного процесса нагрузки далеки от стрессовых.

Сопоставление ответов со шкалой социального времени респондентов позволило отметить несколько периодов, когда размер заработной платы слабо влияет на мотивы миграции. В начале трудового пути, как уже отмечалось, решающими оказываются личные мотивы и стремление к самоутверждению, а экономический фактор отходит на второй план (правда, не у всех молодых специалистов). В 36—40 лет библиотекарь достигает почти предела роста квалификации, и социальные перемещения вызываются чаще моральными, нежели материальными причинами. Люди предпенсионного возраста, особенно с ослабленным здоровьем, отдают предпочтение спокойным условиям труда по сравнению с выше оплачиваемой нервной работой.

3. Удовлетворенность трудом — весьма значимый моральный фактор, определяющий стабильность кадров. Респондентам было предложено прямо ответить на вопрос об удовлетворенности трудом, выбрав один из шести вариантов ответа. Крайние точки зрения: полное безразличие к работе и полная поглощенность работой были отвергнуты всеми. 63 % опрошенных сообщили, что они чувствуют себя уверенно на своем рабочем месте, 30 % разумно сочетают трудовую занятость и досуг, 7 % удовлетворены работой, но истинное удовольствие им доставляют досуговые занятия.

Большинство респондентов отметили, что они быстро (в течение 1 года — 2, 5 лет) адаптировались к условиям работы в библиотеке. Причем 40% оценили свою подготовку в институте как «вполне достаточную», а 56% — как «достаточную для работы в занимаемой должности». С возрастом представление о сложности библиотечных процессов трансформируется. В группе 20—27 лет подавляющее большинство библиотекарей охарактеризовали свою работу в качестве «сложной» и «средней сложности». В возрастной группе 35 лет и старше выполняемая работа воспринимается как «средней сложности», а многие считают ее «простой». И старшая, и младшая группа единодушно отметили, что 30—40 % выполняемых ими операций мог бы сделать человек, не имеющий специального образования. Отмечалась также значительная доля рутинных действий. Библиотекари 40 лет и старше, как правило, не видят перспективы должностного роста, но допускают возможность профессионального совершенствования в смысле овладения более сложным профессиональным трудом.

Удовлетворенность трудом специалиста связана с его личными ожиданиями относительно выбранной профессии. Несмотря на то, что большинство респондентов сознательно выбрали библиотечную профессию, руководствуясь склонностью к гуманитарной деятельности, любовью к литературе, стремлением к работе с людьми, почти 1 / 3 (32 %) на вопрос анкеты «В какой мере Ваша профессия соответствует Вашему призванию, возможностям, способностям?» ответили «соответствует частично». На уточняющий вопрос

«Назовите профессию, род деятельности, занятия, которые более соответствуют Вашему призванию» были названы профессии журналиста, переводчика, адвоката, врача, киноведа и др. Неполная самореализация — потенциальный мотив профессиональной миграции, правда не обязательно реализуемый практически.

Об удовлетворенности достигнутым положением свидетельствует тот факт, что никто из респондентов не выразил заинтересованности в поступлении в аспирантуру, хотя все признавали необходимость повышения квалификации и продолжения профессиональной учебы. Но делать это они хотели бы без отрыва от производства.

Несомненное влияние на удовлетворенность трудом и на профессионально-миграционные процессы оказывает социально-психологический климат, сложившийся в коллективе библиотеки. Это влияние требует специального исследования. Полученные нами ответы оказались неоднозначными. Подавляющее большинство респондентов ответило, что в их библиотеках сильно развиты взаимная требовательность, добросовестное отношение к делу, дисциплинированность. Однако личная симпатия друг к другу сильно развита лишь в половине коллективов. Встретились и ответы вроде такого как «в библиотеке я одна».

4. **Идентификация с профессией** заключается в психологическом отождествлении себя с социально-профессиональной группой, овладении профессиональным сознанием, профессиональным образом действий и т. д. Очевидно, что если человек стал «подлинным библиотекарем», внутренне слился с библиотечной профессией, то ему противопоказаны и чужды эмиграционные намерения. Для оценки степени идентификации данного дипломированного работника с его профессией нужна особая методика, которая нами не применялась. Только некоторые вопросы анкеты в какой-то степени отражали фактор идентификации.

Например, задавался вопрос: «Какие личные качества, по Вашему мнению, важны для библиотекаря и в какой мере (очень важно, не очень важно, совсем не важно) по отношению к труду?» Среди очень важных большинство респондентов, помимо достаточно очевидных и желательных для любой профессии таких качеств, как трудолюбие, ответственность, профессиональный подход к делу, отметило еще сознание необходимости выполнения черновой работы — черта, типичная для «подлинного» библиотекаря.

О самооценке престижности профессии, а значит, и о полноте самоидентификации с нею позволяет судить вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети унаследовали библиотечную профессию?» Большинство респондентов ответило отрицательно. Даже в старшей возрастной группе (45—50 лет), достигшей пика своей карьеры и обладающей большим опытом библиотечной работы 48 % ответили «не хотелось бы», а 32 % — «затрудняюсь ответить».

5. **Выводы.** Профессиональная миграция — явление неустранимое, но управляемое. Неустранимость обусловлена действием ес-

тественного возрастного фактора и капризной неустойчивостью фактора удовлетворенности работой. Управление миграционными процессами, очевидно, может быть обеспечено экономическими методами, а также путем соответствующей профессиональной ориентации и профессионального воспитания. Проведенная нами работа требует дальнейшего продолжения и уточнения. Что, по нашему мнению, следует сделать в первую очередь?

1. Собрать и обработать статистические данные относительно миграционных процессов в библиотечном деле, определить баланс эмиграции и иммиграции и т. д. (см. выше). Эти данные позволят получить исходную информацию для выработки управленческих решений в области подготовки и распределения библиотечных специалистов и нужных библиотечному делу кадров «небиблиотекарей».

2. Выявить каналы и мотивы межпрофессиональной и межведомственной эмиграции библиотекарей — библиографов и иммиграции «небиблиотекарей» с целью рационального регулирования этих процессов.

3. Определить причины мобильности и стабильности кадрового состава в зависимости от функциональной специализации (обслуживание читателей, комплектование, каталогизация и т. д.) и типа библиотеки (массовая, универсальная научная, детская, специальная). Дифференцированный подход к миграционным процессам — необходимое условие разумного управления ими.

4. Поскольку профессионально-миграционные процессы сильно зависят от территориальных условий и протекают иначе в городе, чем на селе, а в крупнейшем городе иначе, чем в крупном или среднем, необходимо учитывать территориальный фактор, что многократно увеличивает масштабы и трудоемкость исследования.

5. Успех планируемой работы зависит, во-первых, от надежности и продуктивности методического обеспечения, которое должно быть разработано централизованно ЛГИК как головной организацией; во-вторых, от участия в исследовании библиотечных факультетов, расположенных в разных регионах страны и поддерживающих тесную связь своими выпускниками.

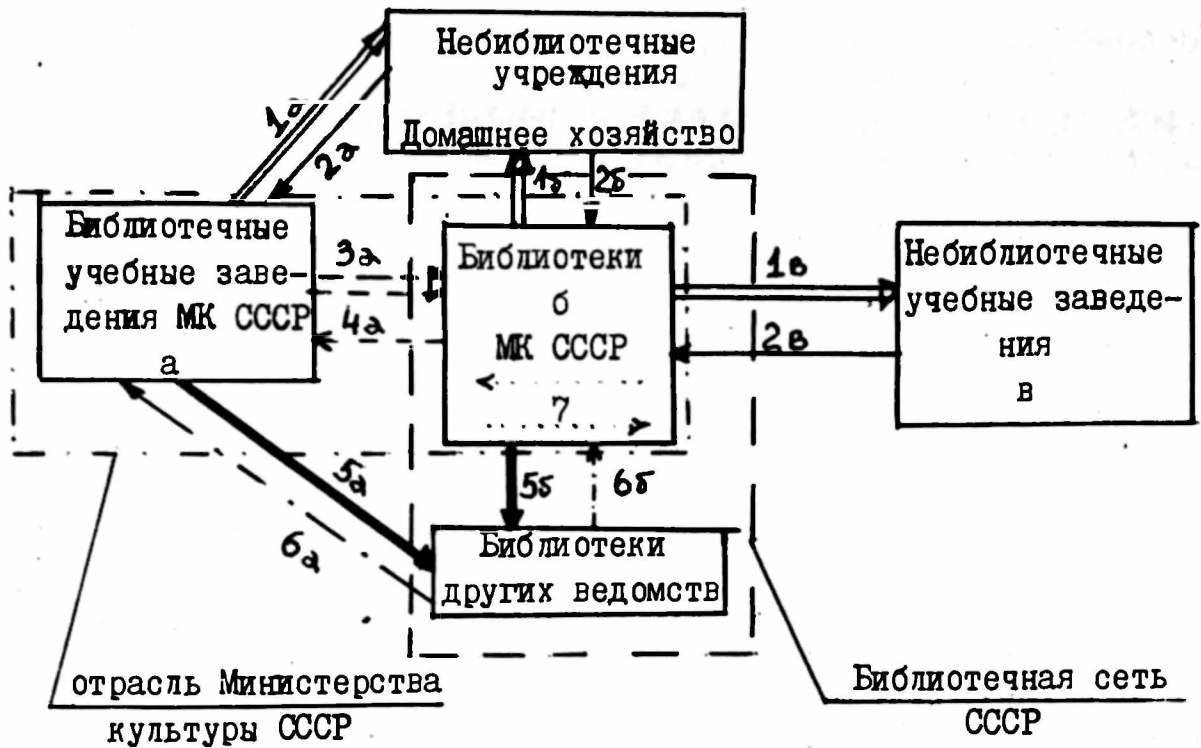
Настоящую статью можно рассматривать как приглашение к библиотечным учебным заведениям, библиотекам и отдельным специалистам принять участие в исследовании мобильности и стабильности библиотечных кадров, основная проблематика и методологическая основа которого описаны выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кожухова Е.* Спрос на личность: Публицистические заметки о творческих началах библиотечной профессии // Библиотекарь. 1980. № 10. С. 10—13.

2. *Докучаев А.* Профессию выбираем мы — профессия выбирает нас // Библиотекарь. 1980. № 3. С. 16—18.

3. *Зазерский Е. Я., Соколов А. В.* Библиотечная профессия сегодня и завтра // Сов. библиотековедение. 1988. № 2. С. 18—30.

Условные обозначения

1. \Rightarrow Межведомственная межпрофессиональная эмиграция (включая межведомственное распределение молодых специалистов).
2. \Rightarrow Межпрофессиональная внутриведомственная иммиграция (включая внутриведомственное распределение молодых специалистов).
3. \leftarrow Межведомственная межпрофессиональная иммиграция.
4. \leftarrow Межпрофессиональная внутриведомственная эмиграция.
5. \Rightarrow Внутрпрофессиональная межведомственная эмиграция (включая межведомственное распределение молодых специалистов).
6. \Rightarrow Внутрпрофессиональная межведомственная иммиграция.
7. \Rightarrow Внутрпрофессиональная внутриведомственная миграция

Рис. 1. Виды миграционных процессов.

4. «Иммиграция» (досл.— вселение) означает въезд иностранцев в какую-либо страну на постоянное жительство, а «эмиграция» (досл. выселение, переселение) — это массовое переселение из какой-либо страны в другую страну.

5. Экзамен после экзаменов // Библиотекарь. 1981. № 11. С. 26—28.

ЧИТАТЕЛИ О БИБЛИОТЕКЕ И БИБЛИОТЕКАРЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В последнее время изучение отношения читателей к библиотеке, их мнений и представлений о ней является одним из активно разрабатываемых направлений социологии чтения и читателя (см., напр., 1, 2, 3, 4, 7). По мнению В. Д. Стельмах, изучение отношения читателей к библиотекам — это «органическая часть изучения общественного мнения, которое свидетельствует, что библиотека стала фактом общественного сознания, занимая место среди ценностей самого высокого уровня, наиболее всеобщих и безоговорочных» (7, с. 15).

Насколько возможно судить по материалам специальной библиотечной печати, на сегодняшний день собран довольно значительный банк данных по этому вопросу, сделаны некоторые теоретические обобщения.

Представляет интерес трактовка М. Д. Афанасьевым образа библиотеки в сознании читателей. Компонентами этого образа, по его мнению, являются:

- а) общее представление о библиотеках..., понимание (или непонимание) различий между ними;
- б) отношение к фондам библиотек;
- в) отношение к библиотекарю;
- г) отношение к массовым мероприятиям, формам пропаганды литературы (2, с. 79).

Среди этих компонентов наиболее изучены «а», «б», «г», поскольку очень многие социологические исследования чтения и читателей в своих программах предусматривали рассмотрение этих аспектов. Гораздо менее изучен компонент «в» — отношение к библиотекарю, несмотря на то, что он представляет несомненный интерес и имеет большое значение, по многим причинам, среди которых в настоящее время наиважнейшей является соответствие профессиональной подготовки, культурного уровня и человеческих качеств библиотечного работника современным требованиям и перспективам работы библиотек. Немаловажной представляется и дифференциация представлений, мнений читателей о библиотекарях различных типов библиотек, так как функционирующая в стране библиотечная система ориентирована на специализированное удовлетворение читательских потребностей и интересов.

Определенное место в этой системе занимают библиотеки высших учебных заведений. Несмотря на то, что они составляют лишь 0,3 % всех советских библиотек, по величине фондов, числу читателей, книговыдаче их удельный вес достигает 10—12 % (6, с. 67).

Вузовские библиотеки представляют собой сложное, многоаспектное явление, не имеющее, пожалуй, аналогов в библиотечной

практике. Эти библиотеки сочетают характерные признаки библиотек разных типов — учебных, научных, массовых. По характеру и формам организации значительные части фондов — фонды учебной литературы со всеми вытекающими отсюда особенностями: динамичностью, быстрой устареваемостью, рассредоточенностью этих фондов по структурным подразделениям библиотеки и т. п.; по формам и методам обеспечения учебного процесса, по составу читателей, большая часть которых — студенты, эти библиотеки могли бы быть отнесены к виду учебных. Однако, основную, «устойчивую», часть их фондов составляет научная литература, причем часто это редкие по полноте коллекции специальной литературы по той или иной отрасли знания. Если учесть при этом, что более половины ученых страны работают в системе высших учебных заведений, что с каждым годом увеличивается доля участия студентов в научно-исследовательской работе кафедр, лабораторий, возрастает уровень требований читателей к вузовской библиотеке, то станет ясно, почему правомерно будет отнести ее к числу научных библиотек.

Вместе с тем, современная библиотека высшего учебного заведения — не замкнутое учреждение, обслуживающее только студентов и сотрудников своего вуза. Как и универсальная библиотека, она открыта для всех категорий читателей, обеспечивая литературой специалистов всех отраслей народного хозяйства, науки, культуры, просвещения, искусства, выполняя при этом функции информационного, идейно-воспитательного, культурно-просветительного учреждения для широких кругов читателей.

Но наряду с этой полифункциональностью библиотека высшей школы имеет и свои особенности, свою специфику. К ней относится четкая специализация профиля работы обслуживаемого вуза (для университетов — многопрофильность, связанная с большим количеством и разнообразием специальностей), четко определенный типологический состав читателей (большая часть которых — студенты — находятся в вузе, а, следовательно, и в его библиотеке заранее известный период, ограниченный сроком обучения), специфика читательского спроса, характерный для вузовских библиотек высокий коэффициент использования фондов. К характеристике большинства библиотек высшей школы (особенно, крупных и средних) необходимо добавить, что работа в них построена по принципу функционального разделения труда, то есть большинство библиотечных работников имеют свою функциональную специализацию.

Все выше перечисленное, естественно, накладывает определенный отпечаток на содержание и формы работы, предъявляет определенные требования к квалификации библиотекарей вузовских библиотек.

В связи с этим следует отметить, что сегодня у нас не осуществляется профессиональная подготовка кадров для этих библиотек, что, в свою очередь, ведет к значительной пестроте профессионали-

но-образовательных характеристик штатов библиотек высших учебных заведений. По имеющимся у нас данным, в 29 библиотеках вузов Татарии, Башкирии и Удмуртии, объединенных в зону Верхнего Поволжья, на 1.01.1988 г. работало лишь 20,1 % сотрудников с высшим и 15,3 % со средним специальным библиотечным образованием. 33,1 % работников этих библиотек имеют высшее образование педагогического, филологического, исторического, юридического и других гуманитарных профилей, техническое, агрономическое, торговое и т. д. Причем, в Казани, где находятся 13 вузов, в том числе и институт культуры, готовящий библиотекарей, лишь 24,8 % библиотекарей высших учебных заведений имеют высшее библиотечное образование. В Башкирии их лишь 12,5 % в Удмуртии — 20,4 % (мы объясняем это близостью Казанского и Пермского институтов культуры).

Вопрос о соответствии профессиональной и общеобразовательной подготовки выпускников библиотечных факультетов вузов культуры требованиям библиотек этого вида не является в данном случае предметом нашего исследования. Заметим лишь, что по этому поводу высказывались разные мнения и, в частности, о переподготовке выпускников того или иного вуза для работы в его библиотеке. Но, в любом случае, прежде, чем говорить о подготовке, уровне квалификации и т. п., нужно знать, что представляет собой тот конкретный тип (вид) библиотечного учреждения, для которого требуется подготовить работника. В этом плане вузовские библиотеки находятся в несколько худшем положении, чем, например, универсальные научные библиотеки или централизованные библиотечные системы, так как целостная концепция вузовской библиотеки пока отсутствует.

Специфика деятельности библиотеки высшего учебного заведения не допускает противоречий между уровнем библиотечного обслуживания и требованиями, предъявляемыми к нему читателями. Эти библиотеки могут идти только в ногу со временем, с новейшими достижениями, по пути интенсивного развития, которое требуют постоянного совершенствования организации деятельности как всей библиотеки, так и отдельных ее звеньев. Следовательно, объективное знание о этих библиотеках будет складываться из многих составляющих, в том числе и из мнений читателей. В данном случае, на основе субъективных оценок библиотеки и библиотекаря читателями появляется возможность получения объективного представления об уровне работы библиотеки в целом, о качестве библиотечного обслуживания, возможность прогнозирования различных направлений работы библиотеки.

С целью изучения мнений, представлений, отношения читателей к вузовской библиотеке и ее библиотекарям, работающим, в частности, в отделах обслуживания читателей, нами было проведено анкетирование в библиотеках ряда вузов Казани и Ижевска. Среди этих вузов представлены учебные заведения различного профиля: университет, медицинский и педагогический, химико-

технологический и сельскохозяйственный, авиационный и консерватория. Нашими респондентами стали 241 студент (из них первокурсников — 26, студентов II курса — 69, III курса — 48, IV курса — 41, V курса — 49) и 93 сотрудника (из них — 63 преподавателя, 3 профессора, 32 доцента, 6 докторов наук, 30 кандидатов наук; 12 научных сотрудников, 7 аспирантов, 11 сотрудников) вузов — всего 334 человека. Все они, без исключения, являются читателями библиотеки своего учебного заведения, 20, 4 % пользуются республиканскими (АССР) научными библиотеками, которые находятся и в Казани и в Ижевске; 5, 7 % — читатели централизованных библиотечных систем; 15, 1 % пользуются другими библиотеками: предприятий, специальными (отраслевыми), органов научно-технической информации, домашними и библиотеками друзей; преподаватели назвали также библиотеки Москвы и Ленинграда — Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГПНТБ СССР и другие.

Подавляющее большинство читателей — 91, 3 % основной функцией вузовской библиотеки считают помощь учебному процессу, в чем с ними нельзя не согласиться. 67, 4 % отмечают необходимость помощи библиотеки в научно-исследовательской работе, проводимой в вузе. И лишь 34, 7 % отметили значение участия библиотеки в идейно-воспитательной работе высшей школы (большинство из этих респондентов — преподаватели) 30 участников опроса (9,0%) дополнили предложенный для оценки перечень функций вузовской библиотеки такими, как помощь гармоническому развитию личности, расширению кругозора, самообразованию, эстетическому воспитанию, повышению культурного уровня, удовлетворение познавательных потребностей читателей и др., то есть конкретизировали направления работы библиотеки.

Немаловажным для уточнения задач, функций, направлений, форм и методов работы с читателями является знание целей их обращения в библиотеку. Эти цели дифференцируются в зависимости от социального статуса, профессии, образовательного и культурного уровня, возраста и т. п. и могут удовлетворяться различными библиотеками. В результате нашего опроса подтвердились выше изложенные положения, что библиотека вуза выступает и как учебная, и как научная, и как универсальная. 80,2 % читателей при обращении в библиотеку своего учебного заведения преследуют цели учебные (студенты — изучение того или иного предмета, подготовка к занятиям, учебно-исследовательская работа, преподаватели — подготовка учебного процесса); 52, 1 % — научно-исследовательские; 34, 7 % — профессиональные (здесь следует выделить студентов-вечерников и заочников, которые работают в соответствующей отрасли и используют библиотеку не только в учебных, но и в профессиональных целях. Кроме того, есть и другие цели, выходящие, казалось бы, за рамки основных направлений работы вузовской библиотеки. К ним мы можем отнести любительские

увлечения — 40, 4 %, общее самообразование и самовоспитание — 33, 8 %, выполнение общественных поручений 15, 3 %. Такой широкий спектр запросов в библиотеку учебного заведения означает ее большую привлекательность для читателей, достаточную полноту фондов и компетентность библиотекарей, то есть библиотека вуза обладает высоким авторитетом (в скобках заметим, что, к сожалению, этот тезис относится не ко всем библиотекам, в которых проводилось анкетирование).

Что же ожидают читатели от библиотекаря? Конечно, помощи. Лишь 12 респондентов (3, 6 % — 10 студентов и 2 преподавателя) ответили, что не нуждаются в ней. Остальным же требуются и рекомендация — 39, 8 %, и совет — 31, 4 % — и, особенно, различного рода информация — 70, 4 %. Очевидно, поэтому, выражая свое мнение о функциях вузовского библиотекаря, читатели на первое место ставят информационную — 74, 6 %, а за ней подчеркивают важность учебно-вспомогательной — 45, 8 %. Преподаватели, научные сотрудники, студенты, занимающиеся научно-исследовательской работой, отмечают необходимость учебно-вспомогательной работы библиотекаря. Предложенная нами формулировка «функции пропагандиста, воспитателя» была принята лишь в первой части — 23, 4 %. Функции руководителя чтения были признаны только 8, 4 % респондентами. Такое распределение функций по их значимости для читателей подтверждает общепринятое ныне положение о приоритете информационных, пропагандистских методов работы с читателями в научных библиотеках. Читатели отвергают навязчивые рекомендации (возможно, и не достаточно компетентные), оставляя за собой право выбора, оценки предоставляемой им информации. К тому же, далеко не всегда читателей удовлетворяет компетентность вузовского библиотекаря: 72, 2 % респондентов оценили ее положительно, но при этом отметили, что удовлетворены не всегда. А 23, 7 % ответили однозначно «нет, не удовлетворены». Каковы же причины неудовлетворенности? Чаще всего это — незнание фондов, специальной периодики, незнание отрасли, в которой работает, нежелание знать это и помочь читателю, неумение выйти из положения, подобрать литературу, дать квалифицированную справку, совет. В этом же ряду негативных явлений оказались некоммуникабельность библиотекарей, отсутствие культуры общения, бестактность, даже грубость. Естественно, что подобные факты отрицательно сказываются на читательском мнении о библиотекарях в целом. Это достаточно ясно прослеживается в формулировках и тоне ответов.

Подобные оценки, в свою очередь, отразились и на мнении читателей об образовании библиотекаря, работающего в высшем учебном заведении. 61, 1 % читателей считают, что вузовский библиотекарь должен иметь высшее библиотечное образование. Неожиданным для нас явилось, что сторонниками отраслевой (по профилю вуза, факультета) подготовки библиотекарей стали лишь

17,7 % опрошенных читателей (29 сотрудников и 30 студентов), поскольку большинство претензий к библиотекарям касалось именно уровня их компетентности в той или иной отрасли знания. Много сторонников у среднего специального библиотечного образования — его считают достаточным для работы в библиотеке высшей школы 27,5% респондентов. Один читатель предложил сочетание библиотечной и отраслевой подготовки, а 24 (7,2 %) считают, что образование может быть любым, так как «важнее культура», «воспитание важнее», «лишь бы знал работу», «любил свое дело, читателей, книги», «главное — качества личности».

Особый интерес для нас представляет мнение читателей об образовании библиотекарей, работающих на обслуживании. Ответы отличны от предыдущих, но предпочтение так же отдается специальной библиотечной подготовке: сторонников высшего библиотечного образования — 29,3 %, среднего специального библиотечного — 22,8 %, отраслевого (по профилю обслуживаемого вуза или факультета) — 2,4 %, высшего (без дальнейших уточнений) — 1,5 %, любого (с замечаниями, изложенными выше) — 3,3 %.

Таким образом, подавляющее большинство читателей считают, что сотрудники библиотеки высшего учебного заведения должны иметь специальную библиотечную подготовку и обладать рядом необходимых качеств.

В анкете был предложен перечень из сорока качеств, которые предлагалось оценить по трехбалльной шкале по степени их важности для библиотекаря высшего учебного заведения. В этот перечень включены самые различные качества, которые и в совокупности и взятые отдельно могут быть рассмотрены для большинства профессий типа «человек — человек». Выбор именно этих качеств для оценки их важности применительно к библиотечной профессии объясняется тем, что в настоящее время не существует профессионального отбора, считается, что для работы в библиотеке все, за редчайшими исключениями, «профпригодны». Поэтому нас интересовало, какие качества из этого набора общих для многих профессий характеристик читатели выделяют как необходимые именно библиотекарям и именно в вузовской библиотеке.

В анкете без соблюдения какой-либо логической последовательности были перечислены личностные, профессиональные, психологические, морально-этические характеристики. Этот же перечень качеств был предложен для оценки экспертам, в роли которых выступали директора (заведующие) вузовскими библиотеками зоны Верхнего Поволжья.

Из представленной таблицы видно, насколько близки оценки читателей — студентов и преподавателей (несмотря на редкие полные совпадения), и как они отличаются от оценок экспертов, что подтвердилось и вычислением коэффициента корреляции Спирмена (5, с. 217) при сравнении оценок качеств, необходимых вузовскому библиотекарю, двух групп читателей и читателей и экспер-

**Оценка читателями и экспертами качеств,
необходимых вузовскому библиотечкарю,
и степени их важности для обслуживания читателей**

Качества	Оценка чита- телей	Ранги	Оценка студен- тов	Ранги	Оценка препо- дава- телей	Ранги	Оценка экспер- тов	Ранги
1. Профессиональный под- ход к делу	2,78	1	2,77	2	2,80	1	3,00	1
2. Профессиональная этика	2,77	2	2,79	1	2,72	2	2,52	18
3. Тактичность	2,72	3	2,73	3	2,69	3	2,96	2
4. Внимательность	2,71	4	2,71	5	2,72	2	3,00	1
5. Культура слова, интона- ции	2,67	5	2,69	6	2,54	9	3,00	1
6. Общительность	2,65	6	2,67	7	2,58	6	2,85	6
7. Потребность узнавать но- вое	2,63	7	2,66	8	2,58	6	2,67	15
8. Призвание	2,62	8	2,50	15	2,67	4	2,70	13
9. Ответственность	2,60	9	2,60	10	2,59	5	3,00	1
10. Быть чутким советчиком	2,58	10	2,65	9	2,37	12	2,92	4
11. Человеческое обаяние	2,57	11	2,58	11	2,56	7	2,81	7
12. Трудолюбие	2,58	12	2,52	13	2,55	8	3,00	1
13. Пунктуальность	2,51	13	2,53	12	2,45	10	2,62	16
14. Эстетический вкус	2,48	14	2,51	14	2,42	11	2,19	24
15. Правдивость	2,47	15	2,52	13	2,32	13	2,41	19
16. Мастерство	2,39	16	2,33	18	2,42	11	2,69	14
17. Критическая оценка своей деятельности	2,38	17	2,73	4	2,25	14	2,78	8
18. Чувство юмора	2,35	18	2,40	17	2,17	18	2,59	17
19. Искусство убеждения	2,29	19	2,41	16	1,91	27	2,76	9
20. Инициативность	2,28	20	2,29	19	2,25	14	2,96	2
21. Энтузиазм	2,24	21	2,25	20	2,22	16	2,92	4
22. Умение учиться у других	2,23	22	2,25	20	2,17	18	2,96	2
23. Дипломатичность	2,22	23	2,24	21	2,16	19	2,88	5
24. Чувство долга	2,21	24	2,21	23	2,23	15	2,93	3
25. Требовательность к ре- зультатам работы	2,20	25	2,24	22	2,15	20	2,96	2
26. Требовательность	2,14	26	2,13	24	2,18	17	2,31	22
27. Организаторские способ- ности	2,12	27	2,10	25	2,18	17	2,41	19
28. Принципиальность	2,10	28	2,09	26	2,12	21	2,37	20
29. Сознание необходимости черновой работы	2,10	28	2,01	28	2,17	18	2,70	12
30. Личный пример	2,09	29	2,09	26	2,08	22	2,85	6
31. Авторитетность	2,07	30	2,08	27	2,04	23	2,96	2
32. Художественное вообра- жение	2,00	31	2,01	28	1,94	25	1,88	27
33. Педагогические способ- ности	1,99	32	1,97	29	2,18	17	2,33	21

Качества	Оценка читателей	Ранги	Оценка студентов	Ранги	Оценка преподавателей	Ранги	Оценка экспертов	Ранги
34. Верность интересам общества	1,91	33	1,90	31	1,94	26	2,52	18
35. Склонность к массово-политической работе	1,79	34	1,83	32	1,68	29	2,71	11
36. Одаренность	1,73	35	1,96	30	1,59	28	1,88	27
37. Талант	1,73	35	1,65	35	1,96	24	1,96	26
38. Воля	1,71	36	1,74	33	1,62	30	2,20	23
39. Наличие чувства перспективы	1,57	37	1,73	34	1,18	32	2,74	10
40. Непокколебимая стойкость	1,54	38	1,53	36	1,60	31	2,17	25

Примечание: в данной таблице качества, необходимые вузовскому библиотечарю, расположены по степени их значимости в оценках читателей.

тов. В первом случае коэффициент ранговой корреляции был равен 0, 8816, во втором — лишь 0, 3425.

Этот факт настораживает, так как столь значительные различия означают несовпадение взглядов на библиотечаря как на профессионала и личность, ведь из сорока характеристик лишь две: «профессиональный подход к делу» и «общительность» получили одни и те же ранги, но при разных оценках. Близки ранговые положения таких качеств, как мастерство, тактичность, чувство юмора.

Подобные сравнения, как и анализ таблицы в целом, позволяет сделать вывод о единстве профессиональных и личностных качеств библиотечаря в представлениях читателей и о приоритете профессиональных характеристик в оценках экспертов. Говоря иными словами, в оценках экспертов преобладает прагматический подход руководителя к оценке качеств своих подчиненных с позиций достижения определенных результатов деятельности. Читатели же видят в «своем» вузовском библиотечаре не только исполнителя, но и личность, которую они представили в ответах на вопрос «Идеальный библиотечарь вузовской библиотеки... Опишите его, пожалуйста». В этих описаниях повторялось большинство из названных для оценки характеристик, но имеет смысл их здесь повторить, так как они занимают значительное место в гипотетическом портрете библиотечаря, написанном читателями вузовских библиотек: профессионал, работающий по призванию и компетентный в отрасли вуза (факультета), умный, высокообразованный, всесторонне развитый, знающий современную литературу, иностранные языки, ЭВМ, обладающий культурой речи, инициативный в приобретении новых знаний, имеющий творческие и педагогические спо-

способности, прогрессивно мыслящий, с активной жизненной позицией, с быстрой реакцией, инициативный в общении, внимательный, тактичный, вежливый, коммуникабельный, выдержанный, спокойный, ровный в общении со всеми, без исключения, читателями, доброжелательный, чуткий советчик, умеющий увлечь своей рекомендацией, обладающий эстетическим вкусом и чувством юмора, заинтересованный в результатах своего труда, с чувством сопричастности к работе вуза, пунктуальный, аккуратный в работе и в одежде, со вкусом одет, обаятельный и т. п.

Этот перечень может быть продолжен и далее, но подводя итог перечислению качеств идеального библиотекаря высшего учебного заведения, мы используем наиболее обобщенные характеристики, данные некоторыми читателями: интеллигентный, высокообразованный, эрудированный профессионал.

И в описании своих представлений вузовского библиотекаря читатели не разделяют профессиональные и личностные его качества. Поскольку эти характеристики являются, фактически, параметрами модели специалиста, которым должен соответствовать библиотекарь высшего учебного заведения, следовательно, о «всеобщей профпригодности» говорить не приходится, по крайней мере, в отношении сотрудников отделов обслуживания.

Не послужит ли это одним из ориентиров в разработке учебных планов и программ для библиотечных факультетов и системы повышения квалификации?

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов М. А., Третьякова Е. И. Мнения читателей о библиотеке вуза // Науч. и техн. б-ки СССР.—1985.— № 9.— С. 21—23.
2. Афанасьев М. Д. За книгой: Место чтения в жизни советского рабочего / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.— М., 1987.—128 с.
3. Афанасьев М. Д. Отношение читателя к библиотеке как предмет исследования // Сов. библиотековедение.—1981.— № 6.— С. 46—52.
4. Афанасьев М. Д., Родионов В. П. Работа библиотек в оценке читателей: По материалам опроса населения Воронежской области / Сов. библиотековедение.—1986.— № 3.— С. 36—44.
5. Библиотечное исследование: Методология и методика / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской.— М., 1978.—247 с.
6. Романовская К. М. О перспективах прогнозирования развития вузовских библиотек до 1990 года: По материалам предварительного прогноза // Научные основы организации исследований по прогнозированию и определению перспективных направлений развития библиотечного дела.— М., 1979.— С. 67—79.— Репрогр.
7. Стельмах В. Д. Библиотека в оценках и представлениях современного читателя // Сов. библиотековедение.—1987.— № 2.— С. 12—20.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

В современной социологии словосочетание «социальный портрет» используется довольно широко, но понимается не всегда однозначно, поскольку до сих пор не выработано общего научно обоснованного определения этого понятия. Наиболее распространено понимание социального портрета как некой интегральной характеристики, выражающей многообразие признаков и связей определенной социальной группы. Например, социальный портрет молодежи, советского рабочего, студента, инженера и т. п.

Социальная группа существенно влияет на формирование своих членов. По мнению известного социолога Я. Щепаньского, каждая группа в той или иной мере определяет моральный и даже физический образец, т. е. внешний вид членов группы и также их функции (1, с. 125). Это дает возможность типизации различных представителей социальных групп и их классификации в пределах одной группы на основе выделения сходных признаков и качеств, социально-психологических установок, профессиональной и творческой активности и ценностных ориентаций.

Классификация и типизация в науке ее объектов существует столько же, сколько существует и сама наука. Но изучение, анализ, типизация социальных объектов, т. е. отдельных людей, их групп и сообществ на научной основе приобретает свое самостоятельное значение лишь с появлением общественных наук и, в первую очередь, социологии, возникшей как самостоятельная наука в XIX веке, сравнительно недавно. Нельзя сказать, что изучением человека наука не занималась раньше, достаточно вспомнить античную философию, или восточную философию, которая обратилась к человеку еще раньше. Специальным же предметом исследования и объектом классификации, систематизации, типологизации человек становится лишь в социологии и социальной психологии. Основателем социологии считается Огюст Конт, но подлинный переворот в науке об обществе был совершен К. Марксом. Вот что писал об этом В. И. Ленин: «...Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно; и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс». В то же время, необходимо отметить, что в трудах К. Маркса отдельные люди редко становились предметом исследования, не рассматривался человек как социальный феномен и в работах В. И. Ленина.

Наиболее пристальное внимание человек в качестве предмета исследования получает, как ни странно, в буржуазной социологии и социальной психологии (3), которым как еще совсем недавно утверждалось, чужды интересы простых людей, а важны лишь интересы небольшой группы магнатов, правящих в своих странах. Допуская, что изучение социальных процессов, социальных групп и отдельных индивидуумов нужно лишь для манипуляции и модификации поведения рядовых членов буржуазного общества, для получения максимальной прибыли отдельными его членами, необходимо отдать должное тому высокому умению какого достигала буржуазная социология в регулировании и управлении сложнейшими социально-психологическими процессами и которые только начинают изучаться, сравнительно недавно получившей самостоятельный научный статус советской социологией. Особенно слабо пока еще развиты прикладные социологические исследования, изучение отдельных социально-профессиональных групп, в том числе и библиотекарей и здесь нам можно многому поучиться у буржуазной социологии. В частности, это касается и социального портретирования, которое как научное направление в советской социологии пока еще даже не оформилось, о чем свидетельствует его теоретическая и практическая неразработанность и отсутствие зафиксированного в самых новейших справочных социологических изданиях научного определения, дефиниции самого понятия «социальный портрет», а также принципов и методов его формирования и изучения. Все это вызывает необходимость нашего самостоятельного рассмотрения и оценки основных аспектов данного социального феномена.

Одна из интересных попыток классификации ученых была принята Гансом Селье. Нас интересует не сама классификация, а принципы ее построения, которые, очевидно, можно распространить и на другие социальные группы.

На примере медицины Г. Селье, как опытный врач и ученый, предлагает сначала рассматривать синдромы болезни в целом, т. е. сочетание симптомов данной болезни, а затем расчленять их на составные части, иначе говоря, сперва предлагается выделить наиболее характерные личностные типы ученых, а затем те качества, которые способствуют формированию этих типов. Причем Г. Селье призывает к объективности при анализе как типов личности ученых, так и качеств их определяющих, иначе по его словам эти «типы имеют тенденцию превращаться либо в карикатуры, либо в идеализированные портреты». (4, с. 35).

Очевидно, некоторые качества, выделенные Г. Селье имеют значение при формировании не только ученых, но и других социально-профессиональных категорий людей, в том числе и библиотекарей. Скажем, такие качества как интеллект, коммуникабельность чрезвычайно важны для представителей библиотечной профессии. Но как бы ни была интересна и оригинальна классификация типов личности ученых, предложенная Г. Селье,

она является во многом субъективной и непрофессиональной.

Рассмотрим некоторые профессиональные социологические классификации социальных общностей и индивидов, что позволит приблизиться к формированию общих теоретических и методических оснований, принципов и подходов к построению «социальных портретов». Прежде чем говорить о классификациях, которые так или иначе касаются социальных общностей, необходимо рассмотреть понятия, положенные в их основания. Такими понятиями являются, на наш взгляд, следующие: «социальный тип», «социальный элемент», «социальный круг», «социальная страта», «социальная когорта», «социальный образ», «социальный стереотип» и «социальный портрет». Все эти понятия и еще ряд близких понятий входит в более общую категорию «социальная структура», под которой в современной социологии понимается определенная «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, а также социальных институтов и отношений между ними» (5), или «сеть устойчивых и упорядоченных связей между элементами социальной системы, обусловленных отношениями классов и других социальных групп, разделением труда, характером социальных институтов» (6). Причем необходимо подчеркнуть, что марксистско-ленинская теория общественного развития в качестве определяющих социальную структуру выделяет экономические отношения. К. Маркс писал: «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества». (7, т. 13, с. 6). В буржуазной социологии понятием, характеризующим социальную структуру, является социальная стратификация. Поскольку мы будем пользоваться при социальном портретировании библиотекарей этим понятием есть необходимость рассмотреть его более подробно.

Социальная стратификация одно из основных понятий буржуазной социологии, обозначающее систему признаков и критериев социального расслоения, неравенства в обществе, социальную структуру общества — записано в авторитетном философском энциклопедическом словаре (6). Во всех современных социологических и философских изданиях сказано, что социальная стратификация, как отрасль буржуазной социологии, возникла в противовес марксистско-ленинской теории классов и игнорирует место и роль социальных групп в системе общественного производства и прежде всего отношения собственности, как главный признак классового деления общества. В социальной стратификации различают три направления. В первом направлении в качестве основного критерия выделяется социальный престиж, во втором — социальная позиция, в третьем такими критериями являются профессия, доход, образование и т. д. (6). Сегодня, когда «общечеловеческие ценности становятся выше классовых» идеи социальной стратификации представляются не столь уж чуждыми нашему обществу и научную нетерпимость должны сменить глубокое изучение процессов стратификации и использование приемлемых методик, в которых

так преуспела буржуазная прикладная социология. Тем более и в нашей стране процесс социального расслоения идет не только по классовому принципу, о чем свидетельствуют современные исследования, в частности Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной (3, 8). Широту марксистского подхода в оценке общественных явлений подчеркивает и В. А. Грушин, который пишет, что вопреки вульгаризаторам и критикам марксизма ни сами К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин ни их последователи никогда не утверждали, что при анализе общественных явлений нужно ограничиваться только классовой дифференциацией общества. Наоборот, марксизм впервые поставил задачу выявления и строго научного описания всех существующих в обществе видов общностей, их классификации, установлению иерархических отношений между ними, определению их места и роли в обществе. В. А. Грушин отмечает, что важной задачей является выявление специфики разнообразных типов группового сознания, различных с точки зрения их носителей (9).

Очень глубокие и неожиданные мысли о характере современного «массового общества» мы находим в ранее не опубликованной у нас в стране, но знаменитой во всем мире книге испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс» (10). В своей работе известный философ утверждает, что всякое общество — это динамическое единство двух факторов, меньшинства и массы. Под меньшинством он понимает незаурядные личности или группы личностей. Масса же — это множество средних заурядных людей, те, кого зачастую называют обывателями. «Такие люди ничем не отличаются от других, «как все», образуют особый социальный тип и изучив этот тип, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, можно понять происхождение и природу масс. Таким образом, предлагая разделить общество на массы и избранное меньшинство, Х. Ортега делит общество не на социальные классы, а на типы людей. Он утверждает, что в каждом классе можно найти и «массу» и «избранное меньшинство». И трудно в этом с ним не согласиться. По мнению Ортеги, «самым глубоким и радикальным делением человечества на группы было бы различие их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому («подвижники»), берет на себя труд и долг, и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто живет по течению» (10, с. 121). Какой благородный, идеальный принцип, но как он далек от реального, раздираемого противоречиями современного общества. Сегодня, когда человек перестает чувствовать себя социальным «винтиком» и все больше стремится осознать себя как личность, когда общество уже не рассматривает человека как средство и даже как «человеческий фактор», идеи Ортеги становятся не столь уж далекими и для социалистического общества и как нельзя лучше способствуют пробуждению «человека-массы» и переходу его в «человека-индивидуальность». По известному выражению И. Канта «человек не средство, а всегда цель».

Вернемся теперь к рассмотрению ранее уже названных понятий, наиболее близких к понятию «социальный портрет». Одним из основных понятий является «социальный тип» или «социально-исторический тип личности», под которым в современной марксистской социологии понимается некая совокупность характеристик личности, обусловленной той или иной исторической эпохой, социальной структурой общества. Западная социология и социальная психология более ориентированы на типичности, учитывающие индивидуальные свойства людей (5). Известны различные типологии. Наиболее ранние, ведущие свое начало еще со времен Гиппократа, физические типологии. Наиболее известными из них являются типологии Кречмера и Шелдона. Кроме того, широко распространенной стала психофизиологическая типология И. П. Павлова. Очень популярными в западной социальной психологии считаются психоаналитические типологии К. Юнга, Э. Фромма (11).

Другим, более всего на наш взгляд, близким к понятию «социальный портрет» является понятие «социальный стереотип». Этот термин был введен в социологию в 1922 году У. Липпманом, определяющим стереотип как «образ человека, принадлежащего к определенной группе, составленный из черт, считающихся характерными для этой группы». (12, с. 30). Стереотип как и всякий образ является психологической характеристикой, дающей определенное представление о каком-либо социальном объекте (человеке, группе, явлении), а не фиксированное описание данного объекта на основе его глубокого изучения и этим отличается, по-видимому, от «социального портрета».

Исследуя социальную структуру с точки зрения носителей и производителей массового сознания В. А. Грушин предлагает классификацию типов массового или группового сознания, которая может быть также полезна для разработки социальных портретов, определенных социально-профессиональных групп, в том числе и библиотекарей (9).

Весьма своеобразной и продуктивной является типология «жизненных миров», разработанная Ф. Е. Василюком, учеником известного советского психолога А. Н. Леонтьева и основанная на его деятельностной концепции (13). Для нас эта типология важна и с позиции методики ее построения и содержания самого понятия «жизненный мир». Как известно, человек — средоточие двух миров: внутреннего и внешнего. Именно содержание этих двух миров и представляет собой «жизненный мир», но у каждого человека свой неповторимый внутренний и внешний мир, т. е. жизненный мир. Жизнь и деятельность неразрывно связаны в концепции А. Н. Леонтьева (14) и на соотношении этих двух категорий основана типология «жизненных миров» Ф. Е. Василюка. Структура этой типологии такова: «жизненный мир» имеет внешний и внутренний аспекты, обозначенные соответственно как внешний и внутренний мир. Внешний мир может быть легким, либо трудным, внутренний — простым и сложным. Пересечение этих категорий и задает

четыре возможных состояния или типа «жизненного мира». Такая матричная структура может быть использована и при построении «социальных портретов».

Непосредственно изучению социального, точнее социально-психологического портрета инженера посвящено исследование под руководством В. А. Ядова (15). Оценим значение данного исследования в наиболее важных его аспектах.

Задачи, поставленные в этом исследовании, достаточно сложны и многообразны. Исследователи стремились выявить разнообразные личностные особенности инженера, главным образом те, которые определяют творческое отношение к своей профессии и характеризуют разносторонность досуга. Иначе говоря, инженер рассматривается как субъект производственной и внепроизводственной деятельности, поскольку именно деятельность определяет формирование социального субъекта. К. Маркс писал: «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами (7, т. 3, с. 19).

В исследовании использовались как традиционные, так и современные методы, связанные с применением ЭВМ. Назовем лишь некоторые. Для изучения деловых (профессиональных) и личностных качеств на каждого работника, заполнялись бланки по результатам экспертных оценок обследуемых, широко применялись опросные методы (анкеты, интервью), чтобы выяснить отношение инженеров к своей работе, профессии, занятиям на досуге, для фиксации досуговой деятельности использовались самофотографии недельного бюджета времени. Кроме того для изучения некоторых индивидуальных свойств применялось тестирование.

Особое внимание привлекают некоторые методики специально разработанные для данного исследования, в частности методика личностных диспозиций. Эта методика основана на гипотезе, выдвинутой в исследовании об иерархической системе предрасположенностей или диспозиций личности к различным способам и формам активности в трудовой и досуговой деятельности.

Теоретической базой для выдвижения гипотезы о системе личностных диспозиций является марксистская теория потребностей. Из нее следует, что глубинным источником мотивации деятельности являются потребности личности.

Научная школа психологической установки под руководством Д. Н. Узнадзе утверждает, что на стыке потребностей и условий их реализации формируются предрасположенности, установки к определенному способу поведения. Если такие состояния неоднократно повторяются в жизни человека, то они фиксируются в его сознании и затем как бы замещая саму потребность, определяет мотивацию той или иной деятельности. Именно на этих идеях и основана концепция личностных диспозиций В. А. Ядова, который предложил описывать субъект деятельности через систему основных его диспозиций — ценностных ориентаций, установок, интересов и других социально обусловленных побуждений к деятельности. Некоторые теоретические основы и методические приемы этой кон-

цепции могут быть положены и в методику социального портретирования библиотекарей.

Кроме названных, в исследовании ленинградских социологов была использована процедура факторного анализа (метод главных компонент) и метод автоматической классификации или таксономия. Как видим, исследование многомерно и методика его достаточно сложна и вследствие этого, очевидно, громоздка. И хотя в этой работе нашла свое подтверждение и дальнейшее развитие концепция личностных диспозиций В. А. Ядова, выводы, к которым приходят исследователи, достаточно тривиальны, в чем они признаются и сами (15, с. 226).

В этом исследовании мы также не находим конкретного определения понятия «социальный портрет». Не было обнаружено сформулированного в точную дефиницию понятия «социальный портрет» в изученной нами современной наиболее авторитетной социологической и социально-психологической литературе хотя она широко используется в различных социологических исследованиях. Такое положение дел вызывает необходимость сформулировать некое рабочее операциональное определение «социальный портрет» и некоторые основные принципы его построения. На наш взгляд «социальный портрет» — это результат проявления не столько личностных качеств, а в первую очередь это действие социальных условий и содержания труда людей. Именно деятельность формирует социальный портрет и делает его непохожим на другие. Исходя из этого можно предложить следующее определение: социальный портрет — это фиксированное описание типичных характеристик, присущих конкретной группе людей в условиях их социальной жизнедеятельности.

Исходя из философско-социологических оснований и реальной практики современной библиотечной жизни, можно попытаться также сформулировать основные требования к разработке социального портрета библиотекаря как феномена жизнедеятельности определенной социально-профессиональной группы. Такими требованиями будут очевидно следующие:

1. Социальный портрет должен отражать, по возможности, все стороны жизнедеятельности библиотекаря как представителя своей профессиональной группы и обладать определенной степенью абстракции.

2. Социальный портрет может, непосредственно, отражать типичные черты современных библиотекарей, и, опосредованно, через них — наиболее существенные и яркие признаки, характеризующие библиотекарей прежних поколений.

3. В социальном портрете необходимо учитывать самые различные признаки обследуемых: социально-демографические, психофизиологические, личностные, профессиональные и некоторые другие, наиболее точно характеризующие не отдельных индивидуумов, а социально-профессиональную группу в целом.

4. Социальный портрет не должен быть тождествен конкретному человеку или группе людей — это обобщенный образ определенной социальной группы.

5. Социальный портрет должен отражать сложившуюся культурную парадигму общественного развития, мировоззрения, идеологию, уровень знаний и практических достижений в конкретной социально-профессиональной сфере.

6. Социальный портрет должен характеризовать представителей конкретной профессии не только в условиях их трудовой деятельности, но и во всем многообразии их социальных, экономических, психологических, этических и других человеческих связей или во всей полноте их человеческой жизни.

Очевидно, могут быть выдвинуты и другие требования к разработке социального портрета, но и перечисленные позволяют утверждать, что социальный портрет представляет собой сложное, системное, интегральное образование. На основании выделенных требований можно предложить с позиций выдвинутой нами концепции библиовитализма, которая является предметом специального рассмотрения, следующее определение социального портрета библиотекаря. Социальный портрет библиотекаря — это результат изучения жизнедеятельности библиотекарей, зафиксированный в виде описания взаимосвязанных типичных признаков, присущих большинству представителей библиотечного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии.— М.: Прогресс, 1969.— 220 с.
2. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 1., с. 139.
3. Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа.— М.: Прогресс, 1989, с. 17—35.
4. Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. Пер. с англ.— М.: Прогресс, 1987.— 368 с.
5. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина.— М.: Политиздат, 1989.— 479 с.
6. Философский энциклопедический словарь.— М.: Советская энциклопедия. 1983.—840 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6; Т. 3, с. 19.
8. Заславская Т. И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано.— М.: Прогресс, 1988, с. 9—49.
9. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.— М.: Политиздат, 1987.— 368 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии, 1989, № 3, с. 119—154; № 4, с. 114—155.
11. Робер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. Пер. с фр.— М.: Прогресс, 1988.—256 с.
12. Цит. по Осовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. Пер. с польск.— М.: Прогресс, 1987.—528 с.
13. Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций).— М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1984.— 280 с.
14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.— М.: Политиздат, 1975.—304 с.

15. Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В. А. Ядова.— М.: Мысль, 1977.— 231 с.

Л. Д. ШЕХУРИНА

ОБРАЗ БИБЛИОТЕКАРЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Всестороннее исследование профессии библиотекаря немыслимо без анализа общественного отношения к профессии, выраженного в самых различных формах: в художественной литературе, в театральных постановках, в изобразительном и киноискусстве. В них, как в зеркале, отражаются все изменения отношения общества к профессии библиотекаря.

Наиболее яркое выражение образ библиотекаря нашел в произведениях И. Эренбурга, В. Каверина, Л. Борисова, Н. Чуковского, М. Прилежаевой, С. Георгиевской, А. Лиханова, Ю. Убогого, Л. Ошанина и многих других литераторов.

Облик библиотечного работника, получивший отображение в художественных произведениях, неоднозначен. Каждый исторический этап развития общества вносил свои коррективы в его трактовку. Менялся также взгляд на библиотечного работника по мере развития библиотечного дела, а также в связи с изменением социальной роли библиотеки. Известны опыты его изучения библиографами и книговедами. Одной из первых попыток воссоздать художественный образ библиотекаря в литературе XX века является статья А. Барсука и К. Секушкина¹. В ней выделены наиболее значительные произведения 30—нач. 50-х гг., в которых библиотекарь предстает не только как хранитель и собиратель, но и как личность социально активная, осознающая значимость своей профессии. Дополняют и хронологически продолжают эту работу два небольших обзора произведений Л. Первоушиной² и Н. Галкиной³, охватывающие произведения советских писателей до середины 60-х годов. Статья А. Блюма «Библиографы и библиография в русской художественной литературе XIX в.»⁴ дает интересный материал для изучения отношения общества к библиотечной профессии.

Таким образом, расширяется хронологический охват литературных источников, умножается число имен, возрастает жанровый диапазон литературных произведений. К библиотекарю обращен интерес прозаиков и поэтов, киносценаристов и драматургов. В их произведениях библиотекарь предстает не только в качестве одного из персонажей, а нередко и главного действующего лица. В анализе произведений, представленных в обзорах и статьях разного времени, со всей очевидностью проявилось специфическое отношение к профессии в конкретный исторический период. Четко просле-

живается эволюция в раскрытии его образа: от обобщенной характеристики библиотекаря, занятого лишь выдачей книг читателю до сложного характера во всем многообразии его личных и профессиональных качеств.

Более полное раскрытие существа библиотечной профессии достигается за счет дифференцированного подхода писателей к отображению деятельности современного библиотекаря. Перед нами уже не сотрудники библиотек вообще, а специалисты конкретных должностей различных типов библиотек: заведующие библиотек и их подразделений, работающие и в городских и в сельских, в научных и в массовых библиотеках, имеющие различную специализацию. Так, героиня повести С. Георгиевской⁵ Лера Соколова — методист, Анна Петровна из рассказа Н. Горбунова⁶ библиограф, Нина Дмитриевна, главный персонаж рассказа Л. Первомайского⁷ — работник абонеента.

Писательский интерес все глубже проникает в сферу библиотечной жизни. Это проявляется в том, что в произведениях литературы все более полно раскрывается содержание библиотечного труда. Библиотечные работники у писателей выполняют самые разные функции: ведение библиотечной документации, научная организация каталога, организация книжных выставок, подготовка списков литературы и проведение обзоров литературы, организация читательских конференций, обслуживание читателей, изучение читательских интересов и т. д. Особый интерес писателей вызывают взаимоотношения библиотекаря и читателя. Лучшими в повести С. Георгиевской являются страницы, в которых с жизненной убедительностью описаны сцены громкой читки в далекой оленеводческой бригаде, куда Лера Соколова приехала, чтобы организовать передвижку. Не сразу удалось ей заинтересовать оленеводов книгой. Не взволновало их первое чтение. Оказывается, чтобы дать людям нужную книгу, надо уметь чувствовать и понимать их душу.

Читатель и книга, читатель и библиотекарь — на этом фоне решается главная задача писателя: показать человеческие качества своих героев, их отношение к делу. При всем многообразии характеров, при всем различии их проявлений в профессиональной и жизненной ситуациях выделяются общие черты, позволяющие определить три основных типа библиотекаря, представленного в литературе. Первый — фанатики, кажущиеся порой чудаками, сосредоточившие все помыслы на охране книжных сокровищ (Илья Петрович Елов в рассказе И. Мусатова⁸ и библиотекарьша из рассказа И. Багмута⁹). Второй тип — активные натуры, энтузиасты своего дела, инициаторы новых форм работы (Санда в рассказе Е. Букова¹⁰, Женя в повести И. Муратова¹¹). Третий — скромные, незаметные труженицы, чьи теплота и сердечность в общении влекут читателей в библиотеку не меньше, чем книги. О них писал в своем стихотворении Л. Ошанин¹²:

Милые тихоголосые женщины,
В книгах — всеведущи, в жизни — застенчивы.
Душ человеческих добрые лекари,
Чувств и поступков библиотекари.

Перед читателями предстают образы скромных, но мужественных женщин, которые и в суровых условиях военных лет, порой рискуя жизнью, продолжали служить книге, читателю.

Замечательный образ библиотекаря создал А. Лиханов в повести «Детская библиотека»¹³. Эвакуированная вместе с больным внуком из блокадного Ленинграда в далекий тыл, Татьяна Львовна отдает все силы служению маленьким читателям. Испытывая голод и холод, она беспокоится не о себе, а о книгах, которые тоже «мерзнут». В это трудное военное время Татьяна Львовна смогла открыть ребятам прекрасный мир пушкинской поэзии, зародив в детских душах любовь к настоящей литературе. Встреча с таким человеком, как Татьяна Львовна, останется в памяти на всю жизнь.

Юлия Ивановна, библиотекарь Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вспоминает о жизни в блокадном Ленинграде, о работе в библиотеке, которая не закрывалась ни на один день, о коротких счастливых встречах с любимым человеком в осажденном городе. Е. Воробьев в своем рассказе¹⁴ показывает, как душевная доброта и отзывчивость Юлии Ивановны согрели душу юной Капы, читательницы библиотеки. Умного и чуткого друга нашла в ней Капа. Обрела теплоту и понимание, которых была лишена в родном доме. Встреча с Юлией Ивановной помогла Капе решить трудную задачу — выбор профессии.

Библиотекарь это, прежде всего, — педагог, — подчеркивает в своем очерке И. Эренбург. Он занимается формированием интересов, воспитывает любовь к настоящей книге — в этом писатели видят основное назначение библиотечной профессии. Но, чтобы воспитывать, надо быть образованным человеком. О таком библиотекаре-ученом, каким является герой повести В. Львова¹⁶, разумеется, можно только мечтать. Образованнейший человек (знал языки, историю, математику, физику), мыслитель Н. Федоров был принят в Чертковскую библиотеку по рекомендации Л. Н. Толстого. Главного библиотекаря, известного историка Бартенева он поражал быстротой, с которой освоил книжные и рукописные богатства библиотеки. «Удивлены были и читатели. Какой-нибудь юнец-гимназист или работяга-студент, посещавшие дом на Мясницкой, вдруг обнаруживали, что кроме выписанных ими изданий на номере у них числится еще стопка книг, и притом самых нужных, содержащих как раз те сведения, которых они искали!»¹⁷ Стремление Н. Ф. Федорова помочь своим читателям обратилось и к юному Косте Циолковскому, мечтавшему, как и Н. Федоров, об освоении космоса человеческим разумом. Прозэкзаменовав Костю, Николай Федорович обнаружил, что знания его были бессистемными и «зияли многочисленными пробелами». Надо было учиться. Но глухота и бедность были тому серьезным препятствием. Однако, поверив

в способности своего питомца и его «фанатический энтузиазм», Федоров разработал для Кости программу занятий, рассчитанных на несколько лет. Читая повесть, невольно задаешься вопросом, как сложилась бы судьба К. Циолковского, если б не его счастливая встреча с мудрым и щедрым библиотекарем.

Встретить в наше время библиотекаря-ученого, энциклопедиста нелегко. Однако эрудированных, образованных библиотекарей, готовых всегда прийти на помощь читателю, немало. Среди них и Вера Петровна, героиня повести Н. Чуковского «Неравный брак»¹⁸. Она заведовала фабричной библиотекой и считала главной своей задачей — помощь тем, кто учился или мечтал учиться. Без помощи библиотекаря они терялись в книжном океане, путались, блуждали, начинали со сложного, не имея представления о простом. Она беседовала с каждой учащейся работницей, выясняла, что ей нужно, подбирала для нее литературу, советовала, помогала заниматься.

Работа с читателями — самая сложная, но и самая интересная, работа в библиотеке. Самая творческая, но и чрезвычайно ответственная, так как «для многих читателей, еще не нашедших своего читательского пути, ответ библиотекаря на наивный вопрос: «Что мне почитать?» — зачастую играет решающую роль в формировке характера, в развитии культуры эмоций»¹⁹. Библиотекарь, который упрощенно, формально подходит к этой работе, потакая несовершенным читательским вкусам, плохой помощник.

Женя Крамарченко в повести И. Муратова «Окна, открытые настежь» работает в заводской библиотеке. Она любит и знает литературу. С особой любовью относится к поэзии. Своим читателям Женя стремится привить хороший вкус, требовательность к чтению. Энергично борется она с так называемым «чтивом», которого еще много на библиотечных полках. Это вызывает конфликт с зав. библиотекой, которая считает, что библиотекарь обязан безоговорочно удовлетворять запросы читателей.

А если они халтуру просят? — поинтересовалась Женя.

* * *

— Есть люди более компетентные, они лучше нас знают, где халтура, а где не халтура, — утверждает зав. библиотекой.

Формальное отношение к роли библиотекаря, отрицание или принижение роли рекомендательной работы в библиотеке еще нередко бытует в библиотечной работе.

Повесть Ю. Убогого²⁰ опубликована на 20 лет позже повести И. Муратова. Однако спор, возникший между Мариной Николаевной героиней произведения, и заведующей библиотекой Кузьминской очень напоминает прежний. Заведующей оказался несколько странным выбор писателей, сделанный Мариной Николаевной для литературных обзоров. В списке были и незнакомые ей имена. «Наши собственные вкусы не должны иметь значения, — заметила

Кузьминская.— Существенного, во всяком случае. Мы обязаны ориентироваться на место, которое писатель занимает в литературе, на мнение критики...». Однако Марина Николаевна не хочет, как и Женя, выступать в роли «механического передатчика информации».

Здесь уже не ставится вопрос, нужно ли руководить чтением, проблема в другом — как руководить чтением и какова роль библиотекаря в воспитании читательского вкуса. Может ли библиотечный работник брать на себя ответственную задачу — давать личную оценку труду писателей.

В своих очерках, посвященных труду библиотекаря, писатели немало уделяют внимания этому вопросу В. Канторович²¹ особо подчеркивает, что интерес библиотечного работника к литературной критике является показателем его читательской культуры. Ю. Яковлев в своем очерке²² раскрывает важность и значение личности библиотекаря, называя его «распорядителем судьбы книги», «первым стимулятором читательского интереса», «проводником, который помогает книге найти дорогу к читательскому сердцу».

Интерес писателя обращен, прежде всего, к лучшим представителям библиотечной профессии. Хороших библиотекарей всегда было больше, чем плохих. И среди настоящих библиотекарей есть истинные энтузиасты, новаторы своего дела, которых уже не удовлетворяют обычные формы работы с читателями. Они ищут новые средства, которые бы усилили тягу читателя к книге, помогли воспитать вкус к литературе.

Женя Крамарченко организовала при заводской библиотеке литературный кружок, участники которого читают и собственные стихи и обсуждают произведения лучшей классической поэзии²³. С помощью актива читателей библиотекари создают при библиотеках клубы любителей книги. В некоторых клубах не только обсуждают произведения литературы, но и организуют литературные инсценировки²⁴. Еще в 50-е гг. в одной из библиотек Томской области библиотекари с целью пропаганды книги организовали при библиотеке маленький агитационный театр, своего рода «Синюю блюзу». В выступлениях обыгрывались и литературные факты и события местной жизни. Живое слово связывалось с печатным — книгой. Благодаря этому резко возросла читательская аудитория библиотек. О многих интересных начинаниях в библиотеке сообщают в своих очерках писатели.

В то же время писатели отмечают, что среди библиотекарей немало еще и бездушных формалистов, бюрократов, наносящих вред читателю и библиотеке. Проводимые мероприятия нужны им лишь для отчетов. У них нет ни интереса к книге, ни любви к читателю. Как и в любой другой профессии, в библиотечной работе нужно призвание, подчеркивают писатели, — нужен талант, талант души.

Если в произведениях писателей 50—60-х гг., перед нами предстает идеальный образ библиотекаря бескорыстного, преданного делу служителя, «рыцаря» книги, то в литературе последнего десяти-

тилетия начинают появляться отдельные черты, характеризующие и негативные стороны библиотечной жизни. Наблюдается падение престижа библиотеки, престижа библиотечной профессии.

В стихотворении «Гимн читальням» Б. Куняев с грустью замечает:

Все меньше теперь
Посещают читальни:
Забывают дороги туда
мальчишки
А мы добрались с окраин
дальних
Чтоб лишний часок
посидеть над книжкой²⁵.

Как и в жизни, где не всегда человек находит себе место по призванию, так и в литературе, на страницах отдельных произведений появляются «героини нашего времени», вызывающие не только симпатию, но и жалость.

Дина Демьяновна, героиня повести Г. Семенова «Уличные фонари»²⁶, — умная, красивая, образованная женщина. Она работает в маленькой библиотеке без увлечения, не питая особой любви к читателям. К ним она относится снисходительно, а порой иронично. У нее есть чувство юмора и наблюдательность, но они лишь подчеркивают насмешливое отношение к отдельным посетителям библиотеки, чьи запросы не отличаются высокой требовательностью к литературе. Наиболее курьезные запросы Дина Демьяновна записывала в свою тетрадь, названную ею «скопием печальных и насмешливых своих наблюдений над людьми». Эти материалы могут дать интересный материал для изучения читательского спроса.

Дину Демьяновну не покидает ощущение собственной несостоятельности. Она чувствует себя неудачницей. «Почему я такая невезучая? Мне всегда хотелось пробиться в большие люди... Мне хочется делать великое дело... Неужели я всю жизнь буду торчать в этой библиотеке? Это ужасно!..» — восклицает она.

Минуты острого неудовлетворения испытывает и симпатичная Тоня из рассказа В. Резника «Радуга в марте». На свою маленькую зарплату (она имеет высшее библиотечное образование) ей трудно живется. Ведь приходится еще воспитывать маленького братишку. Вместе с героиней писатель задумывается о несправедливом отношении к столь важному и нужному труду библиотекаря. Отчего труд библиотекаря оплачивается много ниже труда таксиста и парикмахера. Недоумевает по этому поводу и милая, преданная делу заведующая Мария Леопольдовна, остро испытывающая недостаток кадров в библиотеке.

Множество проблем поднимают в своих произведениях советские писатели. Их волнует судьба библиотек, волнуют судьбы библиотекарей. Чем же объяснить этот неистощимый интерес писателей к библиотечной профессии? Никто, как писатели, не понимает, как много зависит в судьбах их книг от библиотекаря. Написав

книгу, писатель свою задачу выполнил. Но его труд может оказаться напрасным, незамеченным, если книга попадет в руки равнодушного библиотекаря.

Библиотека связывает писателя с тысячами людей. Через библиотекаря писатель узнает об оценках, суждениях читателя о прочитанном. «Верными друзьями» называют писатели библиотечных работников. Их сближает общая задача — воспитать человека, воспитать любовь к литературе. И в этом трудном деле велика роль и значение истинных «рыцарей книги».

«Библиотекарь в нашей стране не регистратор, не служащий, который смотрит, все ли книги на полках, — он участвует в формировании человека, его труд сродни педагога и писателя. Многие, очень многое зависит от него, и каждый писатель смотрит, на библиотекарей с надеждой, с ревностью, с любовью»²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсук А. и Секушкин К. Библиотекарь в советской художественной литературе // Библиотекарь.—1953.— № 8.— С. 34—38.
2. Первоушина Л. Образ библиотекаря в художественной литературе (Обзор произведений 1955—1965 гг.) // Библиотекарь —1966.— № 9.— С. 42—46.
3. Галкина Н. Люди высокого призвания // Клуб и худож. самодеятельность.—1970.— № 12.— С. 30—31.
4. Блюм А. В. Библиографы и библиография в русской художественной литературе XIX в. // Сов. библиогр.—1986.— № 3.— С. 50—55.
5. Георгиевская С. М. Серебряное слово.— М.: Сов. писатель, 1956.
6. Горбунов Н. К. Доклад // Горбунов Н. К. Минуты жизни. Повесть, рассказы, миниатюры.— М.: Сов. писатель, с. 121—123.
7. Первомайский Л. Материнский сладкий хлеб // Юность.—1959.— № 8.— С. 3—8.
8. Мусатов А. Острожская библия // Твердый шаг.— М.: Сов. Россия, 1963.
9. Багмут И. А. Драгоценное издание // Багмут И. А. Кусок пирога. Рассказы. М., 1969.— С. 155—162.
10. Буков Е. Библиотекарша // Сов. профсоюзы.—1963.— № 18.— С. 29—31.
11. Муратов И. Окна, открытые настежь.— М.: Сов. писатель, 1964.
12. Ошанин Л. И. Библиотекарям // Собр. соч. в 3 т. М., Т. 2, с. 124—125.
13. Лиханов А. А. Детская библиотека // Юность.—1985.— № 8.— С. 31—58.
14. Воробьев Е. З. Шелест страниц // Незабудка: Повести. Рассказы. М., 1977. С. 226—259.
15. Эренбург И. Г. Доверенное лицо читателя // Лит. газ. 1967. 20 дек.
16. Львов В. Загадочный старик // Нева.—1974.— № 5.— С. 65—122.
17. Там же,— С. 77.
18. Чуковский Н. Неравный брак. Повесть // Чуковский Н. Избранное.— М., 1963.
19. Эренбург И. Г. Доверенное лицо читателя // Лит. газ. 1967. 20 дек.
20. Убогий Ю. Что было, что будет // Подъем.—1984.— №10, 11.
21. Канторович В. Я. О библиотеке — друге, помощнике писателя // Канторович В. Я. Заметки писателя о современном очерке. М., 1962. С. 333—339.
22. Яковлев Ю. А. Рыцари книги // Библиотекарь.—1963.— № 11, с. 5—7.
23. Муратов И. Окна, открытые настежь.— М.: Сов. писатель, 1964.
24. Канторович В. Я. О библиотекаре — друге, помощнике писателя // Канторович В. Я. Заметки писателя о современном очерке. М., 1962, с. 335.
25. Куняев Б. Гимн читальням // Книжное обозрение.—1986.— № 3. С. 10.
26. Семенов Г. Уличные фонари // Наш современник, 1975, № 7, 8.
27. Эренбург И. Доверенное лицо читателя // Лит. газ. 1967. 20 дек.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

«Курс на ускорение социально-экономического развития,— отмечалось на XXVII съезде КПСС,— диктует необходимость... создания целостной, эффективной и гибкой системы управления... позволяющей полнее реализовывать возможности социализма» (2, с. 103). Одновременно было выдвинуто требование «улучшить научную разработку теоретических вопросов управления» (там же, с. 104).

Вопросы управления библиотечной деятельностью в настоящее время активно разрабатываются с различных позиций и, в первую очередь, с организационно-экономических и технико-технологических. Гораздо менее детально представлены в специальной литературе психологический, а также юридический аспекты управления, т. е. те, где основным объектом управления выступает библиотечный специалист. Однако, если посмотреть на процесс управления с психологической точки зрения, то можно выделить специфику многократной рефлексии, причем только в начале процесса мы имеем дело с отражением типа «факт действительности — образ в сознании», а затем место факта занимает целостный образ мира. Становится очевидно, что научное прогнозирование, суть которого — в анализе перспективных целей и проблем их достижения в различных системах, является важнейшей составной частью не только процесса управления, но в целом мышления. «Как на уровне познавательного, так и эмоционального отражения мы фактически имеем дело с отражением не столько настоящего, сколько будущего. В самом определении отражения в живой природе... содержится указание на прогноз как главную функцию психики» (18, с. 163). На эту особенность ранее указывали также такие известные психологи как П. К. Анохин и Б. Ф. Ломов.

В данной статье мы попытаемся выявить методологические основания и некоторые методические возможности научного прогнозирования состояния библиотечных кадров. Как известно любая теоретическая концепция строится на основе определенных методологических принципов и уточняется путем проверки выдвинутых гипотез. Гипотетические представления могут быть сформулированы описательно в терминах данной науки, так и выражены какой-либо математической структурой. В случае, если эта структура достаточно адекватно по отношению к целям ее создания отражает процесс, то она может служить моделью этого процесса. Вопрос об адекватности, т. е. о критериях соответствия модели процессу не имеет однозначного решения и рассматривается в различных

науках по разному. В последние годы в различных областях все шире в качестве общего типа теоретического анализа данных наряду с описанием применяется агрегирование. «Решение задачи агрегирования позволяет операционализировать многомерные теоретические конструкты. Не менее важным является то, что результат агрегирования более компактно описывает изучаемое явление и тем самым облегчает формирование гипотез» (16, с. 221). И. В. Бестужев-Лада предлагает называть парадигмой угол зрения, определяющий характер и направление анализа, диагноза и прогноза изучаемого объекта, а также принципы сведения выявленных проблем в систему. Отсутствие такой парадигмы, увязывающей воедино различные аспекты прогнозирования библиотечных кадров на различных уровнях проявления библиотечно-библиографической деятельности, тормозит, на наш взгляд, более эффективное управление в отрасли и, в частности, планирование кадровой динамики, что, в свою очередь, отражается на результатах всей библиотечно-библиографической деятельности.

«Деятельность по прогнозированию начинается с выявления исходного состояния, тенденций его развития и завершается прогнозическим моделью ожидаемого или необходимого состояния» (13, с. 105). Если мы ставим перед собой задачу прогнозировать изменения кадровой ситуации в библиотечном деле, нам необходимо установить сложность этого объекта, т. е. рассмотреть его с позиций системного подхода и выделить основания прогнозирования, т. е. факторы, существовавшие в прошлом, присутствующие в настоящем и определяющие будущее развитие. Другими словами должна быть выявлена парадигма кадровой ситуации и найден механизм ее развития или модель кадровой динамики. Только после этого возможно перейти к поиску способов прогнозирования, т. е. к методическим вопросам. О целесообразности такого подхода к анализу социальных явлений писал В. И. Ленин: «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего...» (1, с. 181).

В методологии системных исследований в качестве системы допускается рассматривать не только реально существующие объекты, но и самостоятельно под определенным углом зрения выделять свойства объектов и их отношения и изучать их, используя принципы теории систем. У В. Г. Афанасьева читаем: «Разрабатывая модель исследователь отвлекается от некоторых характеристик изучаемой системы» (5, с. 32). И далее: «...моделируются те свойства, которые могут быть исследованы эффективнее, нежели на оригинале» (там же, с. 33). «Модель,— отмечает он,— воспроизводит прежде всего отдельные компоненты целого, его функции, нередко вне связи с другими компонентами и функциями целого» (там же, с. 44). Поэтому под «системой» мы будем понимать общепринятое представление о комплексе взаимосвязанных элементов, предназначенных для достижения общей цели. Однако одни

и те же объекты действительности могут изучаться как различные системы и соответственно могут создаваться различные их модели. Упомянутая выше парадигма в наибольшей степени проявляется в отборе элементов системы и характере связей между ними, т. е. в структуре системы. Под «структурой» большинство исследователей понимает тип, порядок распределения элементов, способ их связи, соподчиненности, характер иерархии (19, с. 132). Но как быть с системами, элементы которых нельзя выделить в виде пространственных или временных структур? Воспользуемся предложением М. С. Кагана, утверждающего, что «структура идеальных систем, будучи ее внутренней формой, имеет не реально-пространственную, а квазипространственную природу» (12, с. 100). Для таких случаев он вводит понятие «концептуальной структуры», т. е. «строения интеллектуального содержания различных духовных систем: научно-теоретических, идеологических, художественно-образных» (там же, с. 90). Однако и в концептуальной структуре должны существовать какие-то связи между элементами системы и присутствовать иерархия хотя бы на двух уровнях: элемент — система. Характер связей может быть различным и, кроме того, меняться во времени. Специалисты выделяют следующие виды связей: причинные, соответствия, взаимодействия, генетические, преобразования и др. (10). Соответственно в зависимости от рассматриваемого вида связей можно выделить в системе самостоятельные структуры. Рассмотрим две концептуальные структуры в системе трудовых ресурсов библиотечно-библиографической деятельности: онтогенетическую (ситуационную) и филогенетическую (динамическую).

Дадим некоторые операционные определения. Под «кадровой динамикой» или движением понимают переход работников из одной категории в другую (20, с. 27), а под «состоянием» — «весь набор характеристик, описывающих различные свойства работников, коллективов и трудовых ресурсов отрасли в целом, их функционирование в социально-экономической системе отрасли» (там же, с. 25). В нашей парадигме кадровая ситуация выражается интенсивностью связей концептуальной структуры, отражающей качественно-количественную определенность системы трудовых ресурсов библиотечного дела в заданный момент. Исходя из приведенных методологических установок появляется возможность выявить концептуальную структуру кадровой ситуации, а затем описывать ее в виде целевого графа и получить базу для нормативного прогноза. Необходимо также эту структуру представить в виде проблемного графа, что вполне осуществимо в процессе поискового прогнозирования. Затем должен быть найден алгоритм сопоставления этих структур или модель управления кадровой динамикой. Позднее мы покажем принципиальную реализуемость перевода концептуальной структуры в методический прогнозный инструментарий, а сейчас проанализируем концептуальную структуру кадровой ситуации с точки зрения наличия у этого объекта систем-

ных свойств. Для этого представим концептуальную структуру кадровой ситуации в виде двумерной матрицы (см. Приложение 1). По горизонтали матрицы выделены аспекты прогнозирования кадровой ситуации: социальный, экономический, психологический, юридический. По вертикали — уровни исследования: общепрофессиональный, институциональный, личностный. На пересечениях образуются концепты*, каждый из которых может быть выражен группой предикатов, поддающихся относительному измерению. Будучи измеренными, предикаты становятся факторами развития кадровой ситуации. Так, на общепрофессиональном уровне концепт «статус» отражает позицию социальной роли библиотечной профессии на шкале этих ролей в обществе. Экономическая «эффективность» на этом уровне рассматривается в качестве степени удовлетворения соответствующих общественных потребностей и выражается в соотношении стоимости и себестоимости предоставляемых услуг. Этот показатель вплотную зависит от взаимной согласованности стадий профессионализации: профориентации, профотбора, профобразования, профадаптации, повышения квалификации. Историческое изменение роли профессии, вызванное в первую очередь соотношением успехов ее представителей в достижении общественных целей в сравнении с общественными затратами, влияет на ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. Это — отражение наиболее типичных позиций на нормативных шкалах отношения представителей данного вида деятельности к различным аспектам своей профессии. В то же время, наряду с формированием отношений (коммуникативная функция), профессиональное сознание, как известно, выполняет еще когнитивную функцию, т. е. вырабатывает общепрофессиональные ценностные ориентации. Эти процессы наиболее рельефно проявляются в престиже профессии (аксиологическая сторона профессионального сознания) и в профессиональной этике (деонтологическая сторона, культивирующая общепрофессиональные нормы служебного поведения). Эти процессы отражаются на корпоративности и способности к возникновению ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, призванных выступать в качестве общественного регулятора профессионализации и дополнять управленческие структуры. Такой орган общественного самоуправления объединяет представителей профессии на началах гласно обсужденных и принятых принципов, целей и задач данной организации.

На личностном уровне названные процессы также могут быть представлены определенными концептами. Так, профессиональные занятия библиотечной деятельностью предъявляют к субъекту этой деятельности конкретные ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, т. е. систему характеристик, соответствие которым предполагает достаточную социально-экономическую эффективность библиотечной деятельности. Эти характеристики фиксируются в про-

* Возможно, кто-то и упрекнет нас за использование этого термина, но здесь нет связи с концептуализмом П. Абеяра, Иоанна Солисберийского или Д. Локка

фессиограммах и проверяются профессиональной аттестацией. Общество заинтересовано в максимальной отдаче специалиста. Поэтому оно не может не уделять большое внимание профессиональной специализации, ускорению профессиональной адаптации и постоянному повышению квалификации работника. Это осуществляется посредством **ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ**, т. е. совокупности условий, побуждающих человека стать объектом отраслевой профессионализации. Однако стимулирование работников к продолжению профессиональной деятельности находится в тесной связи с уровнем мотивированности тех или иных профессиональных занятий и четкими **ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ГАРАНТИЯМИ**. В качестве **ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МОТИВОВ** мы рассматриваем совокупность условий, побуждающих человека выступать субъектом отраслевой профессионализации. Под профессиональными гарантиями мы понимаем зафиксированные социальные обязательства, во-первых, компенсировать работнику затраты вложенного им труда соответственно его уровню сложности и качеству и, во-вторых, предоставлять условия для восстановления и развития профессиональных возможностей работника.

С развитием видов профессиональной деятельности, ростом числа специальностей дифференцируются ее формы, усложняются функции, что институционализирует профессиональную деятельность, т. е. ведет к выделению самостоятельных учреждений, специально предназначенных для ее выполнения, а затем к их дальнейшей специализации. Влияние однородных профессиональных коллективов в обществе перестает измеряться суммой влияния отдельных специалистов. Приобретает самостоятельное значение целенаправленность воспроизводства в профессиональных коллективах ценностно-ориентационного единства, которое измеряется уровнем **СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ** коллективов. И от него сильно зависит общепрофессиональный статус. Эффективность их деятельности в значительной степени начинает определяться не столько профессиональными стимулами, сколько их управляемостью как сложной системой, четкостью технологических циклов и действенностью обратной связи. В свою очередь эти коллективы становятся зависимыми от процессов отраслевой профессионализации. Различия в удовлетворенности трудом, с одной стороны, и в степени развития профессионального сознания, — с другой, формируют неповторимый **СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ** и накладываются на распределение профессиональных ролей в коллективах. Процесс возникновения и решения всех вопросов, связанных с профессиональными гарантиями, а также спецификой профессиональной деятельности, приобретает форму **ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТРИБУНЫ**, т. е. информационной обеспеченности плюрализма профессиональных позиций и реализуется через передачу профессиональной информации по различным каналам.

Таким образом, мы, рассмотрев под определенным углом зрения структуру кадровой ситуации, имеем достаточно оснований для гипотетического предположения о целостности изучаемой системы, понимаемой как «внутреннее единство объекта, его отдифференцированность от окружающей среды» (21, с. 406). Однако целостность свидетельствует в основном о статической взаимосвязи структурных элементов системы, а в качестве динамического эквивалента этой характеристики анализируется устойчивость. Чем выше устойчивость системы, тем легче обеспечить ей самосохранение. Устойчивость системы можно измерять диапазоном гомеостаза, т. е. состояния относительного постоянства состава элементов и свойств системы. Если параметры состояния системы выходят за границы гомеостаза, система начинает разрушаться. Системы, в которых этого не происходит, часто называют целенаправленными. Однако и в гомеостатических границах, видимо, есть какая-то зона оптимальности, т. е. такие качественно-количественные характеристики состояния и взаимосвязей элементов, которые в наибольшей степени соответствуют целям системы. И такие системы, которые постоянно стремятся к данному состоянию реагируя на возмущающие воздействия внешней среды переформированием своей структуры и перенаправлением информационных потоков, называют самоуправляемыми. И целенаправленными и самоуправляемыми системы становятся в зависимости от действенности обратной связи. «Основная идея обратной связи — использование отклонений системы от определенного состояния с целью формирования управляющего воздействия, уравнивания системы со средой таким образом, чтобы система изменилась в соответствии с изменениями среды, не утрачивая своей качественной специфики» (6, с. 138—139).

Бросается в глаза катастрофически малое внимание не только руководства отрасли, но и библиотечной общественности именно к такому незаменимому компоненту любой информационной системы как обратная связь. А ведь без нее нет ни управления, ни развития. Достаточно лишь беглого взгляда на выделенную нами концептуальную структуру кадровой ситуации и становится очевидной нечеткость, прерывистость, а то и полное отсутствие обратной связи в большинстве процессов профессионализации.

В настоящее время децентрализация управления рассматривается как один из резервов оптимального преобразования сложившихся структур деятельности. В этой связи трудно переоценить значение своевременного сбора, анализа региональной профессиональной информации и принятия на основе этого научно обоснованных управленческих решений. Для таких целей становится возможным и необходимым дополнять использование больших ЭВМ, размещенных в крупных центрах, активным применением мини- и микро-ЭВМ, которые могут стать здесь большим подспорьем.

На этапе перехода от концептуальной структуры к динамической модели управления процессами профессионализации могут

быть использованы различные методы. Рассмотрим такую последовательность: кластерный анализ и фреймовое моделирование. Представим каждый признак концепта в виде фактора, выраженного условной частотой. Эта частота рассматривается в рамках детерминационного анализа как интенсивность некоторого соответствия, индуцированного ею. Фиксируя эти показатели для каждой серии измерений, различаемых в зависимости от целей исследования и выбора базовых концептов, мы получаем возможность построить ориентированные графы с весовыми коэффициентами связи. Подставим полученные значения так называемых квази-функций в программу кластерного анализа в качестве мер близости. Таким образом мы можем проверить некоторые гипотезы и обнаружить заранее непредсказуемые взаимосвязи факторов, отраженные результатом разбиения на кластеры. Используя результаты кластерного анализа, можно перейти к представлению полученной информации в виде фреймов. Во фреймовой модели каждый фрейм содержит информацию, относящуюся к определенному объекту, верхние уровни фреймов фиксированы и представлены сущностями, всегда истинными в описываемой данным фреймом ситуации. Нижние уровни фреймов состоят из слотов, идентифицирующих признаки концептов, отраженных фреймами. Это реальный путь к управлению профессионализацией на основе экспертных систем. В базе знаний такой системы содержатся: а) фрейм-структуры (т. е. знания о структурах каждого концепта и связях его составных частей); б) фрейм-процедуры (т. е. знания об отношениях между наборами фреймов и правилами отбора отношений). Программа интерпретатор организована таким образом, чтобы при вводе дополнительных условий постепенно осуществлялся отбор соответствующих данной ситуации отношений с другими фреймами. Целью моделирования в данном случае является построение сетей фреймов с фиксированными связями и прогнозирование ситуаций на основе вероятностных критериев. Выразив эти зависимости математически, мы получим возможность производить экстраполяцию (и получать поисковые прогнозы) и аппроксимацию (и получать нормативные прогнозы). Причем «нормативный подход в социальном прогнозировании обязательно должен сочетаться с поисковым во избежание односторонности оценок и дезорганизации управления» (15, с. 6). Требование взаимодополняемости прогнозов объясняется различием в конечных результатах. Так, если «при поисковом прогнозировании конечным результатом научных изысканий оказывается перспективная проблемная ситуация, которая иерархически формализуется в виде «дерева проблем»,... при нормативном прогнозировании «дерево целей» задается нам целеполаганием» (8, с. 38—39). Естественно, в реальной действительности обе ситуации взаимосвязаны, т. к. для достижения цели необходимо решить определенные проблемы.

Посмотрим на примере социального аспекта прогнозирования кадровой ситуации вызывает ли дрейф (изменения) целей в мета-

системе (для нас таковой является библиотечно-библиографическая деятельность) какие-либо изменения в целях и функциях изучаемой нами системы. Как следует из «Положения о библиотечном деле в СССР» (4), библиотека, выполняя свои социальные функции, должна предоставлять документальную информацию, удовлетворяя как профессиональные, так и непрофессиональные мотивы читателей. Будучи социальным институтом нашего общества, библиотека не только призвана удовлетворять эти мотивы, но и влиять на их структуру в целях ее большего соответствия социально выгодным доминантам, а в конечном итоге ускорению общественного развития. В настоящее время нет четких критериев эффективности библиотечной деятельности в удовлетворении непрофессиональных мотивов и потребностей читателей. Однако отдельные библиотековеды предлагают в качестве такого критерия рассматривать «время, затраченное библиотекой на осуществление социально-коммуникативной деятельности, составляющей ядро индивидуальной и массовой работы с читателями» (7, с. 57). Но и время, даже в расчете на одного абонента мало чем отличается от таких промежуточных показателей эффективности как книговыдача и посещаемость, которые не выдерживают критики. Безусловно временной критерий косвенно отражает внутреннюю противоречивость современной библиотечной практики, в которой удовлетворение профессиональных запросов характеризуется стремлением к оперативности, т. е. снижению времени, а для социально-коммуникативного компонента библиотечной деятельности такой цели не ставится. Этот факт дополнительно свидетельствует о расслоении целей библиотечной деятельности и, соответственно функций библиотечных систем как банков данных с одной стороны и как досуговых центров — с другой. Очевидно, различия в социальных функциях библиотек разных типов будут расти, меняя заказ для изучаемой нами системы, что вызовет дальнейшее расслоение не только в специальной части профессиональной подготовки, но и в базовом образовании.

Выявив вертикальную зависимость кадровой ситуации (по аспекту) от метасистемы, рассмотрим теперь горизонтальную зависимость (по уровню) на примере влияния дрейфа целей метасистемы на процесс институционализации и, соответственно, специализации библиотечных кадров.

Увеличение доли свободного времени и использование его обществом как поля развития личности наряду с профессиональной деятельностью является одновременно и результатом и целью дальнейшего прогресса социалистического общества. Соответственно в мотивационных структурах людей более явно, чем в потребностях досуговые компоненты все отчетливее оформляются в самостоятельную группу. Следствием данного процесса, одновременно свидетельствующем о его нарастании, является дифференциация форм досуговой деятельности. Эта тенденция ставит перед обществом задачу выбора социально выгодного направления фор-

мирования, удовлетворения и развития досуговых компонентов структуры личности. Поиски обществом путей решения этой задачи проясняют две стороны данного процесса: а) специализацию социальных институтов на обслуживании и развитии определенной формы досуговой деятельности (это и учреждения по видам искусств — существующие многие века театры и музеи, многие десятилетия — кинотеатры, и возникшие недавно дискотеки, видео-теки и игротеки); б) возникновение полуфункциональных институтов (например, культурно-спортивных комплексов, досуговых центров).

Психологически обоснованная характеристика отдыха как смены форм деятельности гарантирует приоритет второй из названных тенденций. Однако это не означает, что такие полифункциональные институты должны возникать путем приращения функций в рамках уже имеющихся учреждений. В этой связи библиотековедам, видимо, еще потребуются более детально анализировать генеалогию объединения функций библиотек как информационных учреждений и как культурно-просветительных в одном социальном институте. На первый взгляд, в основе такого развития лежит, во-первых, представление о том, что ядром познавательных и коммуникативных потребностей является обмен информацией, а во-вторых, далеко не полная реализация досуговых функций другими культурно-просветительными учреждениями. В результате многие клубные функции передаются библиотекам, что вызывает цепную реакцию возникновения новых форм библиотечной деятельности, содержанием которых стало (точнее, должно стать общение). Постепенно клуб теряет свое лицо, и теоретики этого направления культпросветработы перестают связывать характер клубной деятельности с клубом как с учреждением. С другой стороны теоретики библиографического дела находят все новые обоснования развития библиотеки как досугового центра. Однако, эта, казалось бы, не вызывающая сомнений прогрессивная тенденция в науке, далеко не везде подкреплена практикой, что наводит на размышления об определенной искусственности в передаче библиотечным системам функций организации досуга. Неполная реализация досуговых функций клубными учреждениями (в основном из-за отсутствия материальных возможностей) и передача части этих функций библиотекам совсем не гарантирует компенсации на уровне социального результата. И это не крамольные заявления (как может кому-то показаться), а лишь призыв к более детальному анализу. Погоня многих библиотечных работников за увеличением процента охвата населения, ростом количества массовых мероприятий при полном отсутствии научно-обоснованных показателей их эффективности и совсем недавние примеры сдачи библиотеками своих читальных залов в аренду хозрасчетным кооперативным объединениям (типа «Клуб знакомств», кружок «Вяжем сами» и т. п.) и даже предприятиям общественного питания подтверждают преимущественную ориентацию взрослого населения на использование библиотеки в

первую очередь в качестве источника документальной информации. Другими словами: не имея возможности познакомиться с новинками литературы, читателя не привлекает и разговор о них. Исключения здесь не отменяют правила. Но именно в последние годы удовлетворение и развитие библиотекой мотивации общения читателей стало трактоваться гораздо шире, чем только предоставление соответствующей документальной информации. Однако, как показывают исследования библиотковедов, современная библиотечная система не обеспечивает коммуникативными услугами даже реальных читателей, не говоря о потенциальных.

Поэтому в плане удовлетворения как профессиональной, так и непрофессиональной мотивации читателей с помощью документальной информации библиотека (в условиях слабой конкуренции со стороны других документальных информационных источников) видимо, будет еще долгое время сохранять высокий ранг в ряду других учреждений и служб. А ее возможности в предоставлении коммуникативных услуг либо должны непрерывно расширяться даже для сохранения современного уровня удовлетворения коммуникативных потребностей, не говоря о существенном повышении этого уровня, либо эти функции должен будет взять на себя другой социальный институт. Кстати говоря, отдельные тенденции в этом направлении уже заметны.

Итак, возникает проблемная ситуация, когда необходимо на основе прогностических исследований выявить социально выгодные пути дальнейшей дифференциации функций библиотечных систем. Либо в основе этого процесса ведущую роль будет играть обособление профессиональных и непрофессиональных компонентов структуры личности читателя, либо различия документальных и недокументальных форм удовлетворения этих мотивов, потребностей, интересов. Может быть и то, и другое, но тогда — в каком соотношении? Соответственно нужны и исследования структуры функций в библиотеках разных типов. В то же время нормативные прогнозы будут особенно полезны в приложении к поисковым прогнозам, уточняющим и экстраполирующим уже имеющиеся тенденции в дифференциации социальных функций библиотек. Поэтому детальное изучение соответствия структуры функций библиотечных систем меняющимся целям библиотечно-библиографической деятельности и экстраполяция (в том числе и с построением трендовых моделей) должны стать предметом поисковых прогнозов в целом библиотечно-библиографической деятельности и кадровой ситуации в частности. В то же время у трендового моделирования имеется ряд методологических недостатков, затрудняющих его использование для долгосрочного прогнозирования. Они аргументированы в ряде работ по прогнозированию. Это и инерционность трендов, и невозможность полностью учесть факторы прогнозного фона и независимые переменные, которые трудно формализовать, чисто технические трудности измерения. Кроме того, само время, в которое мы живем, ставит под сомнение целесообразность долгосрочной экс-

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СИСТЕМЫ «КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ»**

Уровень управления	Аспект управления			
	СОЦИАЛЬНЫЙ	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ	ЮРИДИЧЕСКИЙ
ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ	статус	эффективность	профессиональное сознание	профессиональная организация
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ	социальное развитие коллективов	организационно-функциональная структурированность	социально-психологический климат	профессиональная трибуна
ЛИЧНОСТНЫЙ	профессиональные требования к специалисту	профессиональные стимулы	профессиональные мотивы	профессиональные гарантии

траполяции тенденций, сложившихся в последние десятилетия в любой сфере, в том числе и в сфере формирования библиотечных кадров.

Таким образом, можно заключить, что в современном библиотековедении объективно существует необходимость шире развернуть профессионалогические исследования и, в частности прогнозные, как поисковые, так и нормативные. Их результаты безусловно укрепят научную обоснованность решений, принимаемых не только в управлении библиотечными кадрами, но развитием отрасли в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 125—346.
2. Материалы XXVIII съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1986.—352 с.
3. Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.— М., 1987.—40 с.
4. Положение о библиотечном деле в СССР // Сов. библиотековедение.—1984— № 4.— С. 3—15.
5. Афанасьев В. Г. Моделирование как метод исследования социальных систем // Системные исследования. Ежегодник.— М.: Наука, 1982.— С. 26—46.
6. Ахлибинский Б. В. и др. Понятие «система» и его методологическое значение // Методологические аспекты материалистической диалектики.— Л., 1974.
7. Басов С. А. Методологическое значение категории цели в исследованиях библиотечной деятельности // Вопросы управления библиотечными системами: Сб. науч. тр. / Гос. публ. б-ка РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Л., 1986.— С. 46—64.

8. *Бестужев-Лада И. В.* Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества / ИСИ АН СССР.— М., 1977.—212 с.
9. *Бестужев-Лада И. В.* Поиск социального прогнозирования: перспективные проблемы общества / ИСИ АН СССР.— М.: Наука, 1984.—271 с.
10. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования.— М.: Наука.— 1980.— С. 43—46.
11. *Долныкова Р. Н.* Методология и методика прогнозирования внешней политики несоциалистических государств: опыт системной организации понятий.— М.: Наука, 1986.—253 с.
12. *Каган М. С.* Система и структура // Системные исследования. Ежегодник.— М.: Наука.—1983.— С. 86—106.
13. *Кемкин В. И.* Категория «состояние» в научном познании.— М., 1983.—120 с.
14. *Лисеев И. К.* К вопросу о классификации материальных систем // Методологические вопросы системно-структурного исследования: Тез. докл.— М.— 1987.— С. 103—106.
15. Методологические проблемы социального прогнозирования (ИСИ АН СССР.— М. 1984.— (Препр.).
16. *Миркин Б. Г.* Моделирование многомерной социально-экономической информации // Математическое моделирование в социологии.— Новосибирск: Наука. Сб. отд-ние.— 1977.— С. 210—225.
17. Модели социально-экономических процессов и социальное планирование.— М.: Наука, 1979.—212 с.
18. *Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения.— М.: Наука, 1979.—212 с.
18. *Сороко Э. М.* Структурная гармония систем.— Минск: Наука и техника, 1984.—264 с.
20. *Сулицкий В. Н.* Организационно-экономические проблемы управления кадрами в отрасли.— М.: Наука, 1986.—154 с.
21. *Философский словарь* / Под. ред. И. Т. Фролова.— М.: Политиздат, 1980.— 444 с.

И. И. ТИХОМИРОВА, Т. А. АВИДОН

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТСКОГО БИБЛИОТЕКАРЯ*

В условиях социального обновления общества развитие детских библиотек среди библиотек всех других типов приобретает первостепенное значение. В материалах ГРДБ РСФСР «Пути перестройки работы детских библиотек РСФСР: состояние, проблемы, перспективы» (М., 1988) отмечается: «Новое мышление, которое только пробивает путь к сознанию зрелых поколений, может и должно стать исходной позицией, точкой отсчета для тех, кто вступает в жизнь именно сейчас. Из этой предпосылки однозначно

Статья написана по материалам пилотажного анкетного опроса детских библиотекарей, проведенного в Ленинграде в рамках исследования «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» в сентябре 1988 года, анализа карт наблюдений за общением библиотекарей с детьми в процессе обслуживания, разработанных на кафедре детской литературы, а также письменных работ и собеседований со студентами заочного отделения по курсу «Работа с читателем».

вытекает вывод: в процессе перестройки библиотечного обслуживания населения приоритетное внимание должно быть детским библиотекам».

По утверждению Н. К. Крупской, детская библиотека — учреждение педагогическое. Библиотекарь, как она считала, в значительно большей степени, чем учитель, имеет возможность, опираясь на интересы детей, учить их читать, рекомендовать им лучшие книги, которые пробудят новые запросы, вызовут потребность в самообразовании и творчестве. Необходимость такого рода влияния, как и влияния самой книги, по ее мнению, усиливается в переходные периоды, когда меняется общественный уклад и в связи с этим меняются старые, привычные взгляды на явления, на взаимоотношения людей¹. Именно такой период переживает наша страна в настоящее время. Именно сейчас она более чем когда-либо нуждается в том, чтобы «сила великая» (Н. Рубакин), хранящаяся на библиотечных полках, была пущена в ход.

Педагогическая сущность библиотечной работы в целом, а с детьми в особенности, подтверждена опытом. Она включает в себя элементы образования (информационная, просветительная и иная деятельность библиотеки), привития умений и навыков (в пользовании библиотекой, справочным аппаратом книги и др.) воспитания (формирования средствами книги и чтения отношений, мотивов, потребностей, ценностных ориентаций, увязывания книги с жизнью), развития (совершенствование читательской деятельности, литературное развитие и др.). Библиотекарь, работающий с детьми, должен в большей степени, чем работающий со взрослыми, обладать личностными душевными качествами, способными увлечь ребенка, повести его вперед; ему должны быть присущи психологическое чутье, педагогический такт, которые немыслимы без знания законов дидактики, возрастной психологии, без понимания специфики библиотечных воспитательных средств и возможностей, без ориентации в тенденциях современного образовательного процесса, без умения соотносить передовой педагогический опыт в стране с конкретной деятельностью в библиотеке, без способности соединять книги с жизнью, с опытом читателя.

В какой мере педагогическая сущность своей профессии осознается детским библиотекарем, как она реализуется в сегодняшней практике работы с детьми?

Эти вопросы в косвенном виде были заложены в программу исследования: «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы». Предполагалось, что противоречия современной библиотеки определенным образом сказались на осознании детским библиотекарем педагогической сущности своей профессии. Речь идет о противоречиях

— между количественными критериями оценки деятельности библиотеки и требованиями неформального общения между библиотекарем и читателем, лежащего в основе педагогического процесса;

— между тенденцией библиотеки к удовлетворению читательских запросов (обслуживание) и необходимостью развивать эти запросы, совершенствовать их;

— между внедрением разного рода стандартов и ГОСТов в библиотечное дело, увеличением роли нормативов, инструкций и Положений и стремлением библиотекаря к творчеству, к индивидуализации своей работы, как неотъемлемой части педагогики детского чтения;

— между массовым характером обслуживания читателей (целыми классами, преобладание массовых форм пропаганды книги) и необходимостью индивидуального руководства чтением детей как главного фактора воспитания.

Названные противоречия в последние десятилетия обнажились с особенной резкостью, о чем свидетельствуют дискуссии и публикации критического характера в адрес детских библиотек². Своеобразным концентратом критики явилось письмо детских библиотекарей Ленинграда и области, выпускников ЛГИК им. Н. К. Крупской, в газету «За кадры советской культуры», опубликованное 30 сентября 1988 года под названием «Наша боль и тревога». В нем, в частности, говорится: «Фетишизация количества в детской библиотеке обрекает ее только на выполнение служебных функций по налаживанию конвейера обязательного чтения поголовно всеми школьниками, обязательного количества литературы, с соблюдением обязательного процента выдачи ее разных видов и жанров, установленных Министерством культуры. Конвейеру удобен только стандарт. Духовное общение библиотекаря и ребенка — нарушение стандарта». Такое положение не могло не сказаться на профессиональном сознании детского библиотекаря.

На прямой вопрос анкеты: «Различно ли профессиональное сознание у библиотекаря-библиографа массовой, детской, научно-технической библиотеки?» — подавляющее большинство библиотекарей всех типов библиотек (кроме детских) ответили, что «имеет определенное сходство» и «скорее сходство, чем различие». Что же касается детских библиотекарей, то они за малым исключением подчеркнули уникальный характер своего профессионального сознания. Свою уникальность они видят прежде всего в педагогическом характере библиотечной работы с детьми. Педагогическая доминанта в их профессиональном сознании явно выражена. Но она оказалась противоречивой. Большинство детских библиотекарей Ленинграда номинально относят свою профессию к педагогической, именно в этом плане видят специфику детской библиотеки, но одновременно признают, что престиж их в этой области очень невысок и как воспитатели они чувствуют себя далеко не уверенно. Об этом противоречии стоит задуматься. Терминология, пришедшая из сферы услуг, стала привычной для нынешних библиотекарей. Термины «обслуживание читателей», «отделы обслуживания», «библиотечная услуга», «технология обслуживания» и т. п. вошли в обиход не только взрослых библиотек, но и детских. Они стано-

вятся расхожими в названиях статей и книг, посвященных руководству чтением детей, пронизывают собой методическую литературу, входят в профессиональный лексикон библиотекарей, формируют их профессиональное сознание. Попытки отдельных библиотекведов протестовать против такой подмены понятий и отнесения детских библиотек к сфере обслуживания³ оказались неспособными повернуть процесс вспять. Он зашел далеко. И дело, разумеется, здесь не в терминах. Дело в объективно сложившемся положении в библиотеке.

За годы социального застоя библиотека всецело сориентировалась на удовлетворение запросов читателя, на «охват», на «проценты», на «книговыдачу». В Проекте документа «Основные направления развития библиотечной работы с детьми и подростками в РСФСР до 2005 года» (М., 1988) констатируется: «В сознании библиотекарей внедрялась подмена целей деятельности. Незаработанность качественных критериев оценки работы библиотек, нормирование всех процессов вплоть до беседы с читателями, чрезмерная ориентация результатов труда на количественные показатели привели к погоне (иногда к конкурентной борьбе между библиотеками) за количеством читателей, за количеством книг, за массовостью посещений мероприятий в ущерб содержательной стороне работы». На педагогической стороне деятельности детской библиотеки отрицательно сказалась централизация. В библиотеках-гигантах стало превалирующим массовое обслуживание, тяготеющее к стандартизации действий. Отдельный читатель в нем затерялся — он стал мешать выполнению плана. Уменьшились личные контакты библиотекаря с читателем, выросла отчужденность.

Беда, которую переживала вся страна: засилие бюрократизма, формализма, диктаторства, гигантомании — все это порочным образом сказалось на детской библиотеке. Одни библиотеки, чтобы выжить, стали «делать» читателей, другие — заманивать: создавать увеселения, приманивать занимательностью, а подчас и чтивом. Даже лучшие библиотеки вынуждены признать, что их влияние на выбор книг ничтожно мало. Да никто с них этого и не спрашивал. Спрашивали цифры, мероприятия. Все это вело к эмоциональной инфляции у самого библиотекаря, к обезличиванию библиотек. Библиотека превращалась в сферу услуг и в глазах читателей. «Долго стоял я, — пишет один из них в „Советскую культуру“, — не замечаемый молодой женщиной, выдававшей книги в абонементе одной из московских библиотек. Ни однообразие читательских запросов, ни раздраженные ехидные реплики главным образом молодых посетительниц ее, по-видимому, нисколько не волновали. Роняя стереотипный ответ, когда спрашиваемой книги не оказывалось, или расторопно оформляя выдачу, она сохраняла полную бесстрастность, которой наверняка позавидовали бы железнодорожные кассирши или продавцы обувных магазинов»⁴. «Обслуживание» стало в значительной мере показателем кризиса библиотеки, отстраненности ее от формирования личности. От

прежних педагогических позиций, чем когда-то гордилась детская библиотека, она вынуждена была отступить. О библиотекаре — «душе дела», советующем, предлагающем, терпеливо формирующем читателя, оставалось только вспоминать. Исследование «Библиотечная профессия: состояние и перспективы» показало, что каждый третий детский библиотекарь не признает сегодня за собой реальной возможности воспитания читателей, полагаясь всецело на книгу.

Творческий профессиональный потенциал библиотекаря как руководителя чтением остался по-существу невостребованным. Особенно в трудном положении оказались выпускники вузов, специализировавшиеся по библиотековедению и библиографии детской литературы. Их психолого-педагогическая подготовка и профессиональная установка на неформальное общение с юными читателями, которым много внимания уделяется в курсе «Руководство детским чтением детей в библиотеке», вошли в противоречие с критериями оценки деятельности библиотеки. О нереализованных возможностях библиотекарей высшей квалификации заявили почти 90 процентов опрошенных. Характерно и то, что у подавляющего большинства библиотекарей главные профессиональные обязанности не совпали с привлекательными для них. Профессиональная деятельность, как видно, по существу оторвалась от личности библиотекаря. Произошло своего рода разращение библиотекарей, несмотря на их большую нагрузку: «Легче обслужить 80 человек, чем ломать голову над одним».

Ежегодный опрос студентов-заочников — какие проблемы библиотечной работы с детьми им представляются наиболее сложными и важными, какие конкретные жизненные ситуации, складывающиеся в библиотеке, их беспокоят, о чем бы они хотели услышать и что обсудить при изучении курса «Руководство чтением детей в библиотеке», что радует и что огорчает их в работе с читателями — показывает, что основное внимание нынешних детских библиотекарей сосредоточено, увы, не на беседах с детьми о книгах. Они вынуждены думать прежде всего о сохранности фонда, борьбе с задолжниками, стопроцентном «охвате» и т. п. В психолого-педагогическом курсе «Руководство чтением детей в библиотеке» их интересует прежде всего массовая работа, дающая прирост цифровых показателей. Они вынуждены внедрять платные услуги и заниматься несвойственными для библиотек видами работ. Речь идет о дискотеках, о видеозалах, платных кружках, поскольку материальная обеспеченность большинства из них ниже черты бедности. Все это мешает главному — индивидуальной работе с читателем, неудивительно поэтому, что библиотекари не могут вспомнить ни одного факта общения с ребенком, которое потребовало бы от них душевных затрат, использования своего читательского и жизненного опыта в беседе с читателем. Анализ карт наблюдений за общением библиотекаря с читателем показал, что лишь 2 из 10 случаев общения носят для ребенка положительный характер, остальные —

1

негативный (выговоры, упреки, назидания: потерял книгу, задержал книгу, взял не ту и т. д.). Не случайно, очевидно, что нынешние библиотекари свое представление о библиотечной профессии связывают преимущественно с возможностью знакомиться с новой литературой, быть в курсе событий в стране и за рубежом. Что же касается любви к детям, знания их психологии, возможности передавать им свой читательский опыт, то эти качества профессии почти не упоминаются. Начитанность библиотекаря, его эрудиция, его культура, его творчество, любовь к литературе, в которой признаются все опрошенные, оказались вещью для себя, а не для читателя. Надо ли удивляться, что 89 процентов опрошенных не удовлетворены своей профессией, что 66 процентов считают, что для выполнения их каждодневной работы не нужны ни способности, ни талант, достаточно задатков, которые разовьются в ходе профессиональной деятельности. 65 процентов библиотекарей детских библиотек не считают нужным повышать свою квалификацию, хотя среди детских библиотекарей много молодых специалистов, только начинающих свой профессиональный путь. Сфера услуг, как видно, диктует свои законы. Объективное нередко сливается с субъективным: библиотека подчас уже не может работать по-другому⁵.

Судьбы перестройки библиотечного дела во многом зависят от творческой активности библиотекаря, его готовности к преобразующей работе.

Пытается ли современный библиотекарь что-либо изменить в библиотечной работе с детьми? 82 процента опрошенных на вопрос: «Хотели бы вы что-либо изменить в вашей библиотеке?» — ответили утвердительно. Большинство из них подчеркнуло: «Не слишком много, но и не мало». Однако 71 процент никогда не выдвигали никаких предложений. Остальные — лишь изредка. Налицо инертность библиотечных работников, стремление к непротивлению сложившимся стереотипам. Вместе с тем надо отметить, что их отношение к новаторству, творческому беспокойству, поискам нового вполне положительное. С этими качествами они связывают свое представление о профессиональном мастерстве библиотекаря. Подлинный мастер своего дела, классный специалист является, по их мнению, одновременно и новатором. Совпадение в ответах фамилий мастеров своего дела и новаторов — красноречивое тому доказательство. Среди новаторов названо много рядовых сотрудников. Не раз упоминались имена В. К. Кузнецовой, придумавшей систему библиографической ориентации школьников, Е. Николаевой — мастера индивидуального общения с читателями, Т. Акуловой, за которой гурьбой ходят подростки, чтобы «поговорить о жизни», И. Черняк, ведущей цикл занятий с родителями и др. Задача состоит, видимо, в том, чтобы разбудить творческие силы библиотекаря, создать условия для стимулирования изобретательности и инициативы, состязательности, конкурсности, соревнования идей. Потенциал здесь большой: половина библиотекарей ощуща-

ет в себе нереализованные личностные и профессиональные возможности, утверждает, что они способны на большее, чем от них требуется в библиотеке. Можно надеяться, что подъем общественной активности, происходящий в стране, коснется и библиотекарей. Коэффициент активности в детских библиотеках Ленинграда, являющихся методическими центрами — 46 %, а в лучших достигает до 60 %. Это значит, авангардная сила в этих библиотеках преобладает, профессиональный «балласт» отмечается лишь в единичных случаях.

Сложившиеся в последние десятилетия представления о руководстве чтением детей в библиотеке как воздействию на содержание, характер и качество чтения ребенка предполагают определенную авторитарность во взаимоотношениях библиотекаря и читателя. Первый — субъект, второй — объект. С точки зрения современной педагогической науки такая система отношений антипедагогична и явно устарела.

Еще Н. Рубакин писал, что ребенок прежде всего человек, а не объект для педагогических манипуляций. За ним тоже необходимо признать своего рода гражданскую свободу и право на самоопределение, а не только вменять ему в обязанность довольствоваться тем, что ему дают старшие, слушаться и повиноваться им — и это как по отношению ко всему поведению, так и по отношению к выбору книг. Наступательный характер руководства чтением в современной библиотеке проявляется часто в навязывании книг ребенку, в насильственной переориентации его интересов, в насаждении искусственной разносторонности чтения. Саркастический пример такого рода руководства чтением со стороны библиотекаря дал писатель Ф. Искандер в своих рассказах «Чик и Пушкин» («Октябрь», 1987, № 4). «Эту старушенцию, — пишет он, — и другие не любили. Она всегда ухитрялась всучить не ту книгу, которую сам хочешь прочесть, а ту, которую она тебе хочет дать. Она всегда ядовито высмеивала попытку Чика отстаивать свой вкус. Бывало, чтобы она отвязалась со своей книгой, скажешь, что ты ее читал, а она заглянет в глаза и спросит: «А о чем там рассказывается?» — А ты бубнишь что-нибудь, а очередь ждет, а старушенция, покачивая головой, торжествует свою победу и записывает на тебя дважды опостылевшую книгу».

Руководство чтением скомпрометировало себя до такой степени, что многие библиотекари считают более педагогичным отказаться от него полностью. В этом плане в «обслуживании» они видят свои плюсы — в нем больше демократизма. Чтобы выйти из плена «педагогички указательного пальца» в руководстве чтением, современному детскому библиотекарю необходимо пересмотреть свои педагогические позиции, вооружиться в своей практике прогрессивными идеями, использовать в работе опыт учителей-новаторов. Без изучения их идей, без внедрения их принципов в библиотечное дело невозможно говорить о перестройке в руководстве чтением детей. Не случайно в опросных листах, разработанных в

исследовании «Библиотечная профессия: состояние и перспективы» включены вопросы следующего содержания: «Кого из педагогов-новаторов вы знаете?», «Какие их идеи вы считаете целесообразным использовать в своей работе?» К сожалению, большинство библиотекарей, работающих с детьми, высоко оценивая опыт учителей новаторов, поставлены в условия, которые не способствуют внедрению их идей в практику. Нужно заново, шаг за шагом, на новой основе восстанавливать педагогические позиции, утерянные библиотекой за последние десятилетия. Сейчас, когда идет разработка концепции детской библиотеки, самое время определить ее изначальные цели, принципы, возможности с учетом достижений передовой педагогической мысли и тенденций социальной перестройки страны, заострить вопрос о воспитательных функциях руководства чтением детей. Нужны дискуссии на эту тему, надо разбудить в данном направлении профессиональную мысль библиотекаря.

Как уже говорилось, профессиональное сознание современного детского библиотекаря оравлено в последние десятилетия цифровыми планами: «книговыдачей», «охватом», «посещаемостью». Вместе с «обслуживанием» эти слова стали принадлежностью библиотечной профессии. Сотни статей написано об этом недуге. Казалось бы, нынешний библиотекарь должен критически отнестись к существующему положению дела и единогласно отвергнуть погоню за количеством читателей как основу своей деятельности. Однако этого не случилось. На вопросы: «Нужно ли стремиться к увеличению числа читателей в вашей библиотеке?» — половина детских библиотекарей ответила: «Да, безусловно». А ведь план на каждого библиотекаря — 1000 читателей. Можно ли при таких условиях говорить серьезно о руководстве чтением? Успеть бы обслужить. Вполне удовлетворяют современных библиотекарей и нормы на выполнение ими рабочих процессов. Хотя треть опрошенных отметила, что нормы устарели, но ни один из респондентов не указал, что нормы завышены. Здесь мы опять сталкиваемся с противоречиями профессионального сознания детского библиотекаря. С одной стороны, он признает за собой педагогические функции, а с другой, он сам же утверждает условия, при которых выполнение этих функций невозможно. Налицо инертность мышления, ориентация на инструкции, неспособность в самом себе преодолеть силы, тормозящие обновление. Показательно негативное отношение к теории библиотечного дела. Здесь сказались недостаточная подготовка библиотекарей к профессиональному самообразованию. Есть, очевидно, и вина самой теории, не учитывающей реальных противоречий и нужд библиотеки, но главное, по-видимому, в отсутствии у библиотекарей реальных стимулов для размышлений по поводу своей деятельности, своих профессиональных проблем.

Настало время обратиться к личности детского библиотекаря, его потенциальным духовным возможностям. Вопреки нормативам и другим тормозящим творчество библиотекаря факторам, живое

начало библиотечной профессии окончательно не погибло. Даже в годы застоя находились люди, которые работали с душой и к которым тянулись дети. Они находили возможность поговорить с ребенком о прочитанном, предложить ему то, что соответствует его интересам, увлечь за собой читателя, разбудить его мысль, жизнью оживить книгу. Невзирая ни на какие цифры, они выступали за сотрудничество с читателем, отстаивали свой педагогический статус. Сегодня мы имеем пусть не слишком многочисленную, но авангардную группу библиотекарей, достойных продолжателей лучших педагогических традиций детской библиотеки. В исследовании названы их имена. Об этих людях надо говорить особо, раскрывая перед молодым поколением библиотекарей привлекательность их духовного богатства и педагогического мастерства. Сейчас, как никогда раньше, нам необходимо воспроизводство библиотекарей-личностей, их нужно защитить от командных указаний сверху, дать право на эксперимент по выработке новых критериев оценки библиотечной работы с детьми, на личностную реализацию себя в общении с читателями. Надо объединить усилия этих библиотекарей по примеру Ассоциации творческих библиотекарей, созданной при Областной детской библиотеке Ленинграда⁶, чтобы они собственным примером увлекли тех, чье сознание не разбужено, инертно, отравлено стереотипами. Надо шире привлекать их к обучению студентов — будущих библиотекарей.

По данным исследования большинство детских библиотекарей любит свою работу и почти никто из них не планирует с ней расстаться, она входит в число самых важных жизненных ценностей. И в то же время большинство детских библиотекарей не довольны существующим положением дела в библиотеке. Здесь мы сталкиваемся с очередным противоречием в профессиональном сознании библиотекаря. Залогом позитивного разрешения этого противоречия опять-таки является разбуженная социальная активность специалистов. Дело за их доброй волей, за перестройкой профессионального мышления и социального поведения, за новым осознанием своих конечных целей и задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении.— М., 1979.— С. 81.
2. См., например, «Библиотекарь», 1988, № 4; Львова Т. Читательский вал // Вечерний Ленинград.—1987.—2 сент., и др.
3. Полозова Т. Д. Библиотечная работа с детьми — дело педагогическое // Советская педагогика.—1986.— № 12.
4. Идашкин Ю. Круг чтения // Сов. культура.—1986.—10 июля.
5. См. для сравнения: Пуриня А. Э. Готов ли библиотекарь руководить массовым чтением // Сов. библиотековедение.—1988.— № 4.— С. 54—59.
6. См. подробнее: Тихомирова И. И. Ищем единомышленников.— Библиотекарь, 1989, № 1.

ОБ ОТРАСЛЕВОЙ СПЕЦИФИКЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ТРУДА И О ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ КАДРОВ

Начатая по инициативе ЛГИК им. Н. К. Крупской НИР «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы» заставила ее участников задуматься над рядом непростых вопросов, давно требующих решения:

— каковы место и роль библиографа в системе книжного и библиотечного дела, каковы права и функции этой социально-профессиональной группы;

— существует ли отраслевая специфика библиографического труда, нужны ли отраслевые библиографы или следует готовить библиографов-универсалов *;

— как дифференцируются библиографические кадры определенной отраслевой специализации в зависимости от типа учреждений, где они работают (как библиотечных, так и неблиотечных);

— каковы реальные потребности общества в библиографических кадрах той или иной отраслевой специализации;

— какие требования предъявляются к ним в современных условиях развития науки, производства, культуры;

— в чем состоят единство и дифференциация библиографической специальности;

— как готовить высококвалифицированных библиографов: отраслевая или функциональная подготовка должны преобладать в их образовании?

Рассмотрим некоторые из этих вопросов на примере литературной библиографии.

Особая роль библиографии для развития литературной науки, обусловленная их тесной функциональной и генетической связью, неоднократно отмечалась как литературоведами, так и библиографами (В. Г. Анастасевич, А. А. Котляревский, А. Н. Пыпин, К. Н. Дерунов, В. Н. Перетц, М. К. Азадовский, С. Д. Балухатый, Н. В. Здобнов, П. Н. Берков, Н. Ф. Бельчиков, Б. Я. Бухштаб, С. А. Трубников).

История литературной библиографии в нашей стране теснейшим образом связана с историей историко-литературной науки. Эти явления имеют единые истоки — словари писателей, где элементы литературной библиографии были соединены с элементами

* Ответ на этот вопрос однозначен практически для любого отраслевого библиографа, однако даже такими библиографами не всегда осознается полностью отраслевая специфика их труда. Кроме того, мы ставим этот вопрос потому, что существующая система подготовки библиографических кадров не решает проблемы отраслевой (да и функциональной) дифференциации библиографов.

будущей истории литературы. Поэтому в XVIII — начале XX века вопрос о взаимосвязи литературной библиографии с литературоведением вообще не стоял. Лишь затем процесс дифференциации литературоведения и литературной библиографии заставил определить их общие и специфические признаки. Во второй половине XIX века появились первые высказывания о том, что литературная библиография является вспомогательной литературоведческой дисциплиной.

В 20—30 годы, когда происходили глубокие изменения в библиографии, когда зарождалась общая теория библиографии, были впервые поставлены проблемы «библиография — наука», «научные функции библиографии» (Н. В. Здобнов). Это дало возможность поднять теоретико-методические проблемы литературной библиографии (А. Г. Фомин, С. Д. Балухатый).

В 50-е годы к изучению теоретических проблем вспомогательных дисциплин обращаются крупнейшие литературоведы — Д. С. Лихачев, П. Н. Берков, Н. Ф. Бельчиков.

Интенсивное развитие общей теории библиографии в 70-е годы дало ключ к решению проблемы предмета литературно-библиографического изучения. Была раскрыта сущность библиографии как общественного явления.

Предмет изучения литературной библиографии — это соответствие публикаций по отрасли потребностям литературоведения. Однако подобный предмет изучения у любой отраслевой библиографии. Вместе с тем, как справедливо утверждает И. С. Шишкин в своей диссертации (1986), в настоящее время лишь литературная и историческая библиография являются вспомогательными научными дисциплинами.

Причина этого заключена в объектах их отражения. Библиографы физики, химии, математики и др. отражают публикации по этим отраслям знания. Объекты библиографирования совпадают с объектами изучения истории физики, химии, математики и т. д. Функциональное своеобразие научно-вспомогательной библиографии заключается в наличии у нее подытоживающей, историографической и пропедевтической функций. Библиограф решает в данном случае библиографические и историко-научные задачи, не требующие применения физических, химических, математических методов исследования материала.

Литературная научно-вспомогательная библиография специфична тем, что она отражает не только публикации по литературоведению, но и сам объект его изучения. Первым это отметил А. Г. Фомин: «Библиография не только облегчает работу литературоведа, помогая ориентироваться в трудах по данной области, найти нужные материалы по интересующему вопросу, т. е. не только играет ту же роль, что в других областях знания, но предоставляет основной материал, выявляя сами объекты изучения»¹.

Затем в работах Е. И. Рыскина и Н. Ф. Бельчикова было конкретно показано: объект литературной библиографии — тексты ху-

дожественных произведений и литературоведческих трудов, т. е. письменные источники науки о литературе. Составляя научно-вспомогательные литературные пособия, библиограф часто решает не только библиографические, но и литературоведческие задачи: устанавливает и вводит в научный оборот факты литературного процесса, выявляя таким образом сам объект науки о литературе. Научно-вспомогательные литературные пособия поэтому являются летописями истории текста, литературы в целом, науки о ней.

С. А. Трубников указывал, что литературная библиография, критика, история литературы являются относительно самостоятельными этапами отражения единого объекта. На библиографическом этапе происходит выявление объекта, его первоначальная научная обработка и информирование о нем. Не случайно многие литературоведы указывали на то, что без литературной библиографии и ее методов литературоведение не может овладеть своим объектом. В частности, на наличие у литературной библиографии историко-литературной, историографической, текстологической и источниковедческой функций указывалось в работах С. Д. Балухатого, П. Н. Беркова, Е. И. Рыскина, Н. Ф. Бельчикова и С. А. Трубникова.

Н. Ф. Бельчиков, разрабатывая теорию вспомогательных дисциплин, доказал существование методологического единства всех наук и дисциплин литературоведения. К очень важному выводу пришла Н. А. Сляднева: неправомерно само ведомственное разграничение методов литературной библиографии, так как уже отбор, систематизация и аннотирование есть элементы научного литературоведческого анализа библиографируемого материала. Этот вывод Н. А. Слядней полностью подтверждается, например, сравнительным методом в литературоведении, где воедино слиты элементы теории и истории литературы, библиографии, текстологии и историковедения.

Анализ значения литературной библиографии для литературоведения убедительно свидетельствует о неправомерности отнесения литературно-библиографической информации к информации вторичной, не несущей нового знания. Это убедительно показал И. С. Шишкин², который считает, что классификация информации по признаку первичной и вторичной информации является условной, «рабочей» классификацией, и применение ее в отраслевых библиографиях, обслуживающих науки, неправомерно.

Особые задачи литературной библиографии привели к возникновению и развитию специфических, характерных лишь для данной отраслевой библиографии типов библиографических пособий (указателей текстов, указателей переводов, указателей мемуаров, писем, семинариев, описаний библиотек писателей, хроник жизни и творчества писателей). Создание такого рода библиографических пособий требует от их составителей глубокой филологической подготовки, свободного владения навыками литературоведческого анализа.

Не случайно многие блестящие ученые-литературоведы, такие

как В. Н. Перетц, Б. Л. Модзалевский, С. Д. Балухатый, П. Н. Берков, Л. М. Добровольский, Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Н. К. Пиксанов, К. Д. Муратова, Б. Я. Бухштаб и др., вошли в историю науки не только как историки литературы, но и как библиографы. Пожалуй, ни в какой другой отраслевой библиографии вклад ученых не был столь весом и существенен. Существует даже особый тип литературно-библиографических пособий — семинарии, авторами-создателями которых должны быть именно ученые. По существу любой ученый-филолог не может обойтись в своей исследовательской работе без серьезных занятий библиографией. Вместе с тем нельзя не признать, что несмотря на высокое библиографическое мастерство и огромную заинтересованность в библиографической работе, представители славной плеяды литературоведов-библиографов были в первую очередь литературоведами, а лишь потом библиографами. К библиографическим занятиям их приводили исследовательские интересы. Отметим также, что, как правило, деятельность ученых в области библиографии не была напрямую связана с библиотеками, скорее наоборот: в научных учреждениях, где они работали (государственный институт истории искусств — ГИИИ, Институт русской литературы АН СССР — ИРЛИ, Пушкинский дом; Толстовский музей АН СССР и др.), создавались библиографические бюро, сектора, кабинеты. Развитие научно-вспомогательной литературной библиографии вплоть до 30-х годов XX века происходило в основном вне библиотек, как учреждений, эту работу организующих.

В настоящее время ученые-литературоведы продолжают оказывать заметное влияние на развитие литературной библиографии. Как правило, библиографические исследования ученых, если они получают свое завершение в опубликованном виде, во многом определяют состояние научно-вспомогательной библиографии, оказывая стимулирующее воздействие на развитие науки. Примерами тому могут служить работы В. Н. Баскакова, М. Я. Мельц, Н. Ф. Дробленковой и др., созданные сравнительно недавно.

Помимо ученых-литературоведов обращаются к библиографической работе в области художественной литературы и литературоведения работники литературных музеев и архивов, издательские работники. Однако библиографическая деятельность для них не является основной, поэтому нет оснований причислять их к кадрам литературных библиографов. Эпизодические занятия литературной библиографией названных выше групп специалистов не решают задач, стоящих перед литературной библиографией в целом, что ясно сознается впрочем представителями этих групп. Так, отмечая библиографическую неразработанность истории русской литературы начала XX века, критик и литературовед Н. А. Богомолов на страницах журнала «Советская библиография» пишет: «Нужной библиографией никто не занимается. А если и занимается, то по какому-то своему, частному заданию», имея в виду создание «доморощенных», дублирующих друг друга указателей. «Ведь

достаточно посадить за эту работу одного библиографа, и он за полгода сделает указатель, выверенный, к тому же по всем библиографическим канонам... Но пока мы занимаемся библиографической кустарщиной»³ — сетует автор, явно отдавая предпочтение работе, выполненной профессиональными библиографами.

Очевидно, что обеспечить планомерное развитие научно-вспомогательной литературной библиографии в современных условиях могут лишь профессиональные литературные библиографы, основные кадры которых сосредоточены в библиотеках и специальных библиографических учреждениях. Очевидно и другое: специфические черты и значение литературной библиографии для науки обуславливают исследовательский, подлинно научный характер работы библиографа. Однако библиографическая деятельность в нашей стране научной не признается. Плодотворный, на наш взгляд, путь разрешения этого противоречия еще в 1967 году был предложен Д. Д. Ивановым. Размышляя о кадрах для научно-вспомогательной библиографии, он приходит к выводу, что научно-вспомогательная библиография должна развиваться в библиотеках, и следовательно «вопрос о кадрах для научной библиографии должен разрешаться как вопрос о библиотечных кадрах. Необходимо, чтобы сгладилась резкая противоположность между ученым-исследователем и библиографом научной библиотеки, чтобы в библиотеки пришло работать больше ученых, чтобы библиография стала одним из профилей ученого, причем полноправным»⁴.

Вопрос об оценке библиографической работы ученых, как работы научной, особенно остро стоит в литературной библиографии, где до сих пор живет плодотворная традиция участия ученых в библиографических исследованиях.

Существует и обратный процесс, когда литературные библиографы занимаются собственно исследовательской литературоведческой работой, не переставая при этом быть и библиографом. Появление научных работ библиографов, на наш взгляд, является мериллом их профессиональной квалификации и мастерства. Кроме того, работы эти интересны своим библиографическим подходом: наблюдения и выводы исследователей строятся на анализе определенным образом организованной библиографической информации⁵

Стремление к «чистоте библиографических рядов», искусственное разделение работы библиографической и работы научной в крупных научных библиотеках вряд ли принесет пользу библиографическому делу⁶.

В специальной литературе больше исследована отраслевая специфика научно-вспомогательной литературной библиографии, однако рекомендательно-библиографическая деятельность в области литературной библиографии не менее специфична.

Проблемы специфики литературной рекомендательной библиографии рассматривались С. А. Трубниковым, Ю. С. Зубовым, М. И. Давыдовой и др., но специфика эта еще до конца не выявлена. Теоретически пока не осмыслены роль и значение библиографической

пропаганды художественной литературы и литературоведческих материалов в формировании эстетической культуры личности и общества в целом.

М. И. Давыдовой принадлежит заслуга в привлечении внимания библиографической общественности к роли личностных характеристик литературного библиографа, в утверждении права библиографа на личностный подход к оценке литературных явлений⁷. Эта мысль чрезвычайно важна, так как долгое время бытовало, да и сейчас еще бытует представление о библиографе только как о посреднике между литературой или наукой и ее выводами и читателем. «Роль библиографа — автора рекомендательного пособия — это роль обладающего специальными знаниями в области литературы, эстетически подготовленного читателя, человека своего времени, способного... дать обоснованную оценку произведениям литературы, стремящегося утвердить и передать читателю свой взгляд на художественные ценности»⁸.

Действительно, все крупные явления в области рекомендательной литературной библиографии проникнуты личностным началом. Вспомним работы И. В. Владиславлева, поставившего перед собой в начале XX века благородную задачу — раскрыть народу богатство отечественной литературы. Обратимся к лучшим образцам литературной рекомендательной библиографии, созданным в ГБЛ и ВГБИЛ. Среди таких работ можно назвать серию рекомендательных пособий в помощь самообразованию молодежи, работы А. М. Горбунова о зарубежной поэзии. Пособия А. М. Горбунова «Сквозь даль веков», «Поэтические голоса столетия» показали огромные возможности рекомендательной библиографии в свертывании информации при показе явлений мировой художественной культуры. При составлении этих пособий библиограф не мог опереться на соответствующие литературоведческие исследования — они еще не созданы. То есть и рекомендательная библиография иногда прокладывает путь научным исследованиям.

Достаточно серьезной литературно-библиографической подготовкой должен обладать и библиограф сети массовых библиотек, причем задачи библиографического обслуживания так называемого массового читателя не менее ответственны, чем обслуживание специалистов. Пропаганда художественной литературы и литературоведения является основным средством эстетического воспитания в массовой библиотеке.

Общественная роль и культурно-воспитательное значение рекомендательной библиографии состоит в активном влиянии на содержание чтения. Это влияние проявляется не только в использовании библиографических пособий. В процессе пропаганды книги и руководства чтением находят применение сами принципы и методы рекомендательной библиографии. Теоретиками-библиографами давно осознано, что рекомендательная библиография — это не только средство, но и основной метод пропаганды художественной литературы, наиболее полно выражающий основные принципы

отбора художественной литературы и ее рекомендации в целях эстетического воспитания. В этом аспекте следует обратить внимание на совершенствование рекомендательно-библиографической характеристики художественной литературы как необходимой предпосылки формирования литературно-художественного вкуса.

Рекомендательно-библиографическая характеристика может применяться в самых различных формах и обстоятельствах: в аннотациях, обзорах, беседах в т. ч. на радио, телевидении.

Ясно, что пропаганда художественной литературы, в первую очередь лучшего в ней, может вестись специалистом с серьезной литературоведческой подготовкой. Наш выпускник сегодня в большинстве случаев не готов руководить чтением художественной литературы.

И массовая библиотека, призванная быть одним из центров духовной жизни нашего общества, утрачивает свои позиции и свой престиж. В настоящее время сложился целый ряд негативных явлений в работе библиотек с художественной литературой: формализм, увлечение количественными показателями, неспособность полностью реализовать потенциал в эстетическом воспитании. Многие массовые библиотеки в области пропаганды художественной литературы находятся в кризисном состоянии. К этому привело многолетнее предпочтение массовых форм эстетического воспитания индивидуальным и индивидуально-групповым. Вывести библиотеки из этого состояния может только активизация человеческого фактора, реализация возможностей индивидуальностей и читателя и библиотекаря-библиографа как личностей творческих.

Не следует забывать, что массовые библиотеки посещают специалисты всех отраслей знания. Большинство из них ходят в эти библиотеки для чтения художественной литературы.

Многоаспектность, многофункциональность художественной литературы, роль литературной культуры как и роль гуманитарного образования в целом у нас в обществе многие годы недооценивалась, да и сейчас пока признана только на словах. Между тем художественная литература не только является одним из видов искусства, с одной стороны самым сложным, а с другой стороны наиболее доступным и демократичным, но она еще и очень активно влияет на формирование мировоззрения человека его философских и исторических представлений. Психологи, литературоведы много писали о многослойности высокохудожественных произведений, об индивидуальности восприятия художественной информации. Весьма актуальна сейчас проблема взаимопроникновения результатов различных дисциплин. Интересное исследование было проведено Э. М. Румянцевой по изучению использования специалистами разных отраслей знаний информации⁹. Исследование показало, что в жизни специалиста художественная литература может иметь особое значение, кроме обогащения духовности, нравственного становления. Оказывается для успешной работы любому специалисту необходима не просто широкая информация, а та-

кое ее сочетание, которое обеспечивает взаимодействие научного и художественного осмысления действительности, являющееся неотъемлемой частью процесса научного творчества. такое взаимодействие осуществляется на основе восприятия и переработки идей, заложенных в художественной литературе и своеобразного синтеза их с научной идеей.

Одной из характерных тенденций развития литературной рекомендательной библиографии является ее сближение с популярным литературоведением, что проявляется в создании пособий комплексного, синтетического характера, рассчитанных на сплошное прочтение. Создание такого рода пособий требует от библиографа владения жанрами критики и литературоведения, навыками популяризаторской работы, глубоких знаний в области художественной литературы, литературоведения и критики. Отметим с сожалением, что такими знаниями и навыками выпускники библиотечных факультетов не обладают. Не подготовлены они и к рекомендательной библиографической работе в системе средств массовой информации. При всеобщем интересе к художественной литературе пропаганда литературной библиографической информации средствами радио, телевидения, периодической печати может быть очень действенной.

Участие библиографов в журнале «Литературное обозрение», имеющем подзаголовок «журнал критики и библиографии», скорее номинально. Это тоже объясняется отчасти отсутствием библиографов, профессионально заинтересованных в развитии журнальной рекомендательной библиографии.

Широкое распространение библиографической деятельности вне библиотек, характерное для литературной библиографии, позволяет ставить вопрос и о кадрах литературных библиографов для издательств, редакций, литературных музеев, архивов.

Сегодняшнее время выдвигает перед литературной библиографией новые, не решавшиеся ранее задачи и открывает вместе с тем большие перспективы. Это прежде всего связано с огромным массивом публикаций художественных произведений так называемых «возвращенных авторов» и литературоведческих исследований об их творчестве, с предстоящими в ближайшие годы первыми изданиями собраний сочинений многих советских писателей и поэтов, с большей открытостью нашей культуры в целом.

Становится принципиально важным своевременное библиографическое освоение целых пластов в истории советской литературы; создание указателей текстов, без которых невозможно издание собраний сочинений; широкое международное сотрудничество в деле библиографического отражения публикаций писателей русского зарубежья.

С другой стороны, сложившаяся в нашем обществе ситуация, когда изымались из обращения, из чтения целые явления литературной жизни, вызывало к жизни бурный творческий подъем в среде специалистов и большое число неудовлетворенных эстетических

потребностей читателей. Новая ситуация в литературном процессе ведет к созданию новых шкал ценностей, возрастает роль критерия художественности, эстетической ценности явлений литературы¹⁰. Задачи литературоведов, литературных критиков и литературных библиографов в самостоятельной, личностной оценке этих явлений неизмеримо усложняются.

Сложность сегодняшних задач, многообразие функций требуют высокой профессиональной квалификации литературных библиографов. Библиотечные факультеты институтов культуры, имеющие специализацию «Библиотекарь-библиограф по художественной литературе и литературе по искусству», при современном содержании и организации обучения не могут обеспечить соответствующий уровень литературоведческой и библиографической подготовки. Ориентация на специалиста широкого профиля приводит к тому, что библиотекаря-библиографа готовят в конечном итоге валовым методом, не ориентируя на конкретную область деятельности. Доводы об универсализации подготовки этих специалистов не могут быть признаны состоятельными, так как ни один библиотекарь-библиограф не может овладеть всеми отраслями знания. И сегодня актуально утверждение С. Д. Балухатого: «...Тип библиографа-универсалиста, библиографа-кустаря, дилетанта, библиографа-летуна, легко меняющего темы своих работ, или даже тип библиографа-профессионала, освоившего лишь технические признаки регистрации, должны исчезнуть из научных рядов»¹¹

Абитуриенты, предпочитающие названную выше специализацию, надеются получить гуманитарное образование. Однако содержание их общенаучной подготовки практически не отличается от всех других специализаций, равно как и обилие специальных предметов, зачастую дублирующих друг друга, не дает возможности для углубленной собственно библиографической подготовки. Лишь очень немногие выпускники вузов культуры, благодаря счастливому сочетанию объективных и субъективных факторов, готовы к работе в качестве литературных библиографов.

Не решают проблему квалифицированных кадров для литературной библиографии и другие гуманитарные вузы, где практически не читаются библиографические и общекниговедческие курсы, отсутствует установка на профессиональную библиографическую деятельность. Специалисты-филологи, оказавшись в сфере библиографии, нуждаются в глубокой библиографической подготовке. Овладение навыками библиографической работы, формирование библиографического мышления, осознание профессиональной причастности к библиографии затрудняется сложившимися в небиблиографической среде стереотипами восприятия библиографии как суммы прикладных знаний.

Приходится признать, что вопрос о подготовке кадров библиографов для нужд научно-вспомогательной и рекомендательной библиографии, о специфике их профессиональных знаний и умений не решается в настоящее время ни на научном, ни на практи-

ческом уровне. Хотя потребность в подготовке кадров профессиональных литературных библиографов была создана еще в 20-е годы. В 1922 году при ГИИИ было создано своеобразное учебное заведение — Высшие государственные курсы искусствознания (ВГКИ). Отделение словесных искусств этих курсов имело целью подготовку «литературных критиков, редакторо-текстологов, литературных библиографов, работников литературных музеев и архивов»¹².

Особенности подготовки литературных библиографов в ГИИИ заслуживают специального рассмотрения. Показательно однако, что литературные библиографы здесь готовились в ряду других специальностей, предметом деятельности которых была литература.

Данное учебное заведение сыграло заметную роль в развитии советской литературной библиографии. Достаточно сказать, что выпускницей этих курсов была К. Д. Муратова, впоследствии долгое время возглавлявшая библиографическую работу в ИРЛИ и сумевшая передать лучшие традиции ленинградской библиографической школы последующим поколениям литературных библиографов.

Позднее подготовкой литературных библиографов ни одно учебное заведение в нашей стране специально не занималось. Состав кадров библиографов, работающих в области литературной библиографии, формировался по преимуществу стихийно. В настоящее время профессионально литературной библиографией занимаются: специалисты-филологи (выпускники университетов и педагогических вузов), библиотекари-библиографы (выпускники библиотечных институтов, сейчас — институтов культуры), специалисты книжного дела (выпускники полиграфических и историко-архивных учебных заведений).

Итак, по какому пути и на какой базе должно идти совершенствование образования литературных библиографов (мы считаем, что такие специалисты нужны массовым библиотекам, научным универсальным и специальным библиотекам, а также ряду учреждений, о которых шла речь выше). Делать серьезный прогноз пока преждевременно: это позволит завершено исследование. Выскажем лишь предварительные предложения. Анализ подготовки библиографических кадров показывает, что система их подготовки требует коренного пересмотра. В то же время следует использовать сложившиеся традиции. Специальность библиографа существует не только в библиотечной сфере, но в настоящее время наиболее распространена она именно в библиотеках. Думаем, что готовить библиографов следует на библиотечных факультетах (не исключая возможности создания в библиотечном институте специального библиографического факультета). Мы полагаем, что выход состоит в большей дифференциации и индивидуализации обучения. Известно, что в СССР по сравнению с рядом развитых стран наблюдается самая слабая дифференциация дипломов и соответственно работников по уровням образования и квалификации. Это происхо-

дит из-за отсутствия промежуточных степеней и дипломов. По этой причине в одних случаях неоправданно увеличены сроки и стоимость образования, в других — напротив, снижены. Другими словами, большое многообразие сфер деятельности библиографов, в том числе и литературных, требует более строгого следования социальному заказу. Представляется, что подготовка литературных библиографов внутри отраслевой специализации должна дифференцироваться и в функциональном плане, и в зависимости от типа учреждения, где будут работать библиографы. Специализации должны быть очень мобильными в зависимости от реальной потребности в кадрах. Социальный заказ позволит определить и перечень специализаций и количество студентов на них. Не должно быть жесткого планирования. Библиографов для различных целей можно готовить 4, 4,5, 5 лет.

До того, как давать рекомендации о том, какие предметы должны изучать все будущие библиографы, а какие — по отраслевым и функциональным специализациям, требует решения проблема общего и особенного библиографической специальности, иными словами проблема ее единства и дифференциации. Мы пока не можем вычленить те функции, набор которых является необходимым и достаточным для того, чтобы назвать специалиста именно библиографом.

Одно мы считаем несомненным: этот специалист должен обладать глубокой исторической и историко-литературной подготовкой. Для высококвалифицированных специалистов-филологов, готовящихся к выполнению особо ответственных литературно-библиографических задач, возможно и такое решение: организация 1—2-годичных курсов на базе библиотечного факультета. На практике не так уж редко встречается ситуация, когда человек с высшим гуманитарным образованием занимается библиографией. Специфику библиографического труда он осваивает на практике иногда заочно учится на заочном или вечернем факультете — 5 лет, так как нет иной возможности теоретически овладеть этой специальностью. Не нужно доказывать, что в таком случае расточительно расходуются средства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Фомин А. Г.* Избранное. — М., 1975. — С. 127.
2. *Шишкин И. С.* Развитие взглядов на отраслевую специфику научно-вспомогательной литературной библиографии: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. / МГИК. — М., 1986. — 16 с.
3. *Богомолов Н. А.* О том, что необходимо // Сов. библиогр. — 1988. — № 3. — С. 82.
4. *Иванов Д. Д.* О научных методах библиографии. // Научная библиография. — М., 1967. — С. 33.
5. Работы *О. В. Миллер*, например, в области лермонтоведения, публикации о Блоке явились результатом библиографического изучения.

6. Нельзя разделять пафос сотрудников ВГБИЛ, ратующих за развитие в этой библиотеке гуманитарных наук.— См.: Библиогеки и наука. // Лит. газ.— 1989.— 11 янв.— С. 5.

7. См.: *Давыдова М. И.* Роль личности библиографа в пропаганде художественной литературы. // Сов. библиогр.— 1972.— № 4.— С. 33—44.

8. Там же, С. 33.

9. *Румянцева Э. М.* Взаимодействие научной и художественной информации в профессиональной деятельности специалиста. // Общее и специфическое в информационных потребностях и условиях их удовлетворения.— Л., 1988.— С. 82—112.

10. См.: *Гунгнус А.* На руинах позитивной эстетики. // Новый мир.— 1988.— № 9.— С. 147—163.

11. *Балухатый С. Д.* К пересмотру принципов литературной библиографии. // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова.— Л., 1934.— С. 462—463.

12. Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств: план преподавания и условия приема на 1927—1928 гг.— Л.: Academia, 1927.— 21 с.

А. Г. СТРЕЛЬНИКОВА, А. А. ВИКУЛИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Высшая школа — сильнейший фактор профессионализации личности. В ней человек приобщается к профессии, приобретает умения и навыки, необходимые для выполнения своих профессиональных обязанностей. С первых дней пребывания в вузе студент осваивает общие нормы и правила, предъявляемые к нему как к члену общества и учащемуся высшей школы. Под воздействием системы обучения и воспитания в конкретном учебном заведении, а также личного участия в учебном процессе происходит развитие самосознания студента, способности к саморегулированию собственных действий, происходит изменение его профессионально значимых личностных качеств, т. е. профессионально-личностное развитие студента.

Овладевая социальной ролью студента, учащийся занимает определенную позицию, которая выражается в индивидуальном избирательном отношении его к избранной специальности, к учебному процессу, к будущей профессиональной деятельности.

Процесс изменения профессионально значимых личностных качеств студента зависит от довольно сложной системы факторов: индивидуальных познавательных способностей к обучению, памяти, сообразительности, трудолюбия, воли, увлеченности учебной работой в институте; от степени идентификации студента с профессией; от определения роли, принятой в студенческой академической группе, от структуры группы, ее внутренней сплоченности и др.

Вместе с тем, важно иметь представление о том, влияют ли на процесс профессионализации студента различные формы обуче-

ния: дневная, вечерняя, заочная. Хорошим инструментом такого анализа служат социологические исследования.

Изучение процесса профессионализации студентов библиотечных факультетов институтов культуры и университетов, учащихся библиотечных техникумов и КПУ с учетом форм обучения — одна из задач исследования по проблемному направлению «Студенты и учащиеся» являющемуся частью Всесоюзной НИР «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы».

С целью верификации гипотез исследователями темы были разработаны опросники, предназначенные для анкетирования студентов дневной (опросники О, Т, Х, Э), вечерней и заочной форм обучения (опросник З). Работоспособность опросников проверялась пилотажным путем осенью 1988 года в ЛГИК им. Н. К. Крупской среди студентов библиотечного факультета всех трех отделений.

Путем анализа учебной документации деканата дневного отделения для исследования были отобраны студенты второго-четвертого курсов (студенты первого курса в период проведения опроса находились на сельхозработах). В выборку студентов заочной формы обучения попали только студенты третьего курса, находившиеся в этот период на сессии. Поэтому решено было ограничить опрос студентов вечернего отделения также только третьим курсом.

В целом в пилотажном исследовании приняли участие 262 студента. Из них: 111 студентов дневного отделения, 61 — вечернего отделения и 90 — заочного отделения.

Проведенное исследование позволило не только апробировать подготовленные для проведения широкомасштабного исследования опросники, внести в них соответствующие коррективы, но и получить определенный фактографический материал, дающий возможность сделать предварительные выводы о профессионально-личностном развитии студентов в зависимости от форм обучения.

Анкетирование показало, что студенты в массе своей любят избранную профессию. Она привлекает их тем, что дает возможность общения с людьми, доступа к книгам, возможность развивать свою личность, быть полезным людям и т. д.

Большинство опрошенных свой выбор профессии сделали самостоятельно, однако, определяющую роль сыграл интерес к литературе. Об этом написали студенты дневного, вечернего и заочного отделений (соответственно, 36,9 %, 30,5 % и 42,2 %) *.

Для студентов дневного и вечернего отделений (11,7 %, 13,8 %) определенное значение имело мнение родителей и друзей, а для вечернего и заочного отделений — знание сути своей будущей профессии (11,1 %, 10,8 %).

* Здесь и далее приводятся данные в процентах к числу опрошенных студентов каждой формы обучения.

К сожалению, при выборе профессии у студентов всех трех отделений отмечен и фактор случайности. На это указали 9,9 % студентов дневного отделения, 8,8 % — заочной и 11,1 % — вечерней формы обучения.

Какие процессы библиотечной работы предпочитают студенты? На этот вопрос анкеты студенты ответили следующее (см. табл. 1):

Как видно из приведенных примеров, студенты заочного отделения оказались наиболее осведомленными о всех процессах библиотечной работы, хотя отдали предпочтение обслуживанию читателей, справочно-библиографической работе и организации читательских конференций, выставок, обзоров литературы. Студенты дневного отделения проявили интерес к научно-исследовательской и административной работе. К сожалению, студенты дневного и вечернего отделений не проявили интереса ни к работе по консервации и реставрации библиотечных фондов, ни к работе по материально-техническому обеспечению библиотек. Думается, что причиной этому является просто незнание таких важных, жизненно необходимых для библиотек процессов работы.

Таблица 1

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Процессы библиотечной работы	Дневное отделение	Вечернее отделение	Заочное отделение
1	Комплектование фонда	0,9	5,5	6,6
2	Организация фондов, работа с фондами	4,5	13,8	14,4
3	Транспортировка литературы и читательских требований	—	5,5	2,2
4	Создание каталогов и картотек	8,1	8,3	13,3
5	Обслуживание читателей, регистрация читателей, выдача-прием литературы	43,2	55,5	62,2
6	Организация читательских конференций, обзоров литературы; выставок литературы	32,4	33,3	32,3
7	Справочно-библиографическая работа	21,6	22,2	33,3
8	Составление библиографических списков и указателей	4,5	2,7	7,7
9	Дифференцированное библиографическое информирование	6,3	2,7	3,3
10	Обслуживание по МБА, ВСА	—	5,5	10,0
11	Консервация и реставрация библиотечных фондов	—	—	11,1
12	Управление, административное руководство	11,7	—	2,2
13	Методическая работа	6,3	8,3	13,3
14	Автоматизация и механизация библиотечных процессов	3,6	—	2,2
15	Материально-техническое обеспечение	—	—	2,2
16	Научно-исследовательская работа	14,4	—	11,1

Анкетирование показало, что в отношении студентов к своей профессии проявляются определенные противоречия. Несмотря на самостоятельность выбора профессии, ее привлекательность, студенты откровенно написали о том, что им не нравится в профессии библиотекаря-библиографа. Это — низкая оплата труда, плохая техническая оснащенность, монотонность труда, неудобные часы работы, бумажный бюрократизм, зачастую большой объем работы и др.

Вместе с тем, на вопрос «Смущает ли Вас разговор с посторонними о Вашей будущей профессии?» 63,9 процентов студентов дневного отделения, 55,5 процентов — вечернего и 63,9 процентов — заочного отделения ответили, что «нисколько не смущает». Однако, примерно 40 процентов студентов всех форм обучения затруднились ответить на вопрос об увлеченности своей будущей профессией, а 33,3 процента — вечерников и 24,6 процентов — очников на вопрос «Можете ли Вы назвать себя человеком, увлеченным своей будущей профессией?» ответили отрицательно.

Весьма категоричны были ответы студентов всех форм обучения на вопрос «Повторили бы Вы теперь сделанный выбор специальности?». Об этом говорят такие цифры (См. табл. 2):

Часть вопросов анкет дает представление об отношении студентов к учебному процессу, их готовности самостоятельно организовать свой труд.

Отношение студентов к учебному процессу в избранной специальности определяют различные факторы, но многое зависит, как показало анкетирование, от способов и качества обучения в вузе, организации учебной деятельности. Мотивировки, объясняющие то или иное отношение к учебным дисциплинам у студентов разных форм обучения, находятся в разном соотношении. О степени удовлетворенности студентов преподаванием учебных дисциплин можно судить по таблице 3.

Что же не удовлетворяет студентов в вузе? (см., табл. 4):

Как видно из приведенных данных, прежде всего, это однообразные формы обучения. Вечерники отметили, что учебные дисциплины имеют недостаточную актуальность, мало связаны с жизнью, т. е. с библиотечной практикой. Низкий научный уровень, примитивизм не удовлетворяет как студентов вечернего отделения, так и дневного. По этой причине, видимо, у студентов-заочников вызвано отсутствие интереса к учебным дисциплинам. Студенты всех

Таблица 2

(В % к числу опрошенных)

№ п/п		Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Безусловно, да	43,6	27,7	48,8
2	Ни в коем случае	41,4	55,5	47,7
3	Затрудняюсь ответить	4,5	16,6	3,3

Таблица 3

(В % к числу опрошенных)

Учебные дисциплины	Вполне удовлетворен (а)			Отчасти удовлетворен (а)			Не удовлетворен (а)			Затрудняюсь ответить		
	Д/о	В/о	З/о	Д/о	В/о	З/о	Д/о	В/о	З/о	Д/о	В/о	З/о
Специальные дисциплины	28,8	22,2	34,4	48,5	55,5	45,5	19,8	8,3	10,1	10,8	13,8	10,0
Общественные дисциплины	30,6	47,2	30,0	27,8	41,6	37,0	8,0	5,5	5,4	5,4	5,5	15,5
Общенаучные дисциплины	38,7	33,3	32,0	34,2	22,2	27,2	10,8	5,5	6,6	25,2	11,1	33,3

форм обучения одним из мотивов, неудовлетворенности учебной деятельностью, назвали отсутствие учебников и учебных пособий.

Студенты ощущают неудовлетворенность организацией учебного процесса, высказывают свое мнение о его формализме и бюрократизации. Так, студенты дневного отделения видят формализм в учебном процессе в строгом посещении всех лекций, в засилии бесполезных рефератов, в недостаточном времени на изучение иностранных языков, в формальной, очень поверхностной оценке знаний на экзаменах, в расписании, в слабом контроле за учебной деятельностью студентов и др.

Студенты вечернего отделения на вопрос «В чем Вы видите формализм и бюрократизацию учебно-воспитательного процесса?» отметили такие явления, встречающиеся в учебном процессе, как обязательное посещение всех занятий, проверки посещаемости, необходимость сдачи зачетов и экзаменов определенному преподавателю, недостаточное доверие студентам, «наличие заезженных штампов в лекциях» и др.

Таблица 4

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мотивировки	Дневное отд.	Вечернее отд.	Звочное отд.
1	Недостаточная актуальность, мала связь с жизнью	19,5	38,8	25,5
2	Нет интереса, скучно	30,6	25,0	16,6
3	Не понятно содержание курса	7,2	5,5	7,7
4	Однообразные формы обучения	40,5	41,6	44,4
5	Занятия не связаны с профессией	20,7	8,3	12,2
6	Отсутствие учебников и учебных пособий	25,2	30,5	33,3
7	Низкий научный уровень, примитивизм	12,6	16,6	1,1

Мнения студентов заочного отделения во многом совпадают с мнением студентов очной и вечерней форм обучения, которые также считают, что проверки посещения лекций, неудачно составленное расписание в период сессии, невозможность выбора студентами преподавателя, «много ненужных бумажек», «трудности со сдачей зачетов и экзаменов в более удобные для студентов сроки», «бесполезность практических работ» и др. — все это явления формализма и бюрократизации в учебном процессе.

При всей субъективности мнений очевидно, что на отношение студентов к учебной деятельности влияют многие обстоятельства, среди которых важнейшими являются вопросы организации учебно-воспитательного процесса.

Студенты дневного и вечернего отделений назвали дисциплины, в которых имеется дублирование материала. Список таких дисциплин не очень большой и особой разницы во мнениях студентов двух отделений нет. Студенты отметили в анкетах, что во многом совпадают курсы «Работа с читателями» и «Работа с читателями детьми», которые читаются студентам, специализирующимся в области библиотековедения и библиографии детской литературы. Частично повторяется материал в курсах «Библиотечные каталоги», затем в курсах «Основы НИР» и позже «Информатика». Среди дисциплин, в которых есть дублирование названы: «Библиотековедение. Общий курс» и «История библиотечного дела в СССР», «Общая библиография» и «Методика и организация библиографической работы», «Педагогика» и «Психология» и др.

Весьма важным при анализе степени удовлетворенности студентов преподаванием учебных дисциплин является распределение показателей внутренних мотивов негативного отношения к нему молодежи. Не секрет, что у части студентов старших курсов, особенно дневного отделения, падает интерес к учебе.

В чем причины такого явления? Представляет интерес мнение самих студентов, поскольку оно уточняет и помогает понять их позицию. Как написали в анкетах студенты, причин для этого много. Среди них: отсутствие связи с практикой, порой низкий уровень преподавателя, недостаточная актуальность, разочарование в избранной профессии, личные обстоятельства, собственная лень, неорганизованность.

Весьма показательным является отношение студентов различных форм обучения к лекции. Ответы на вопрос «Ваше мнение относительно посещения лекций» распределились следующим образом (см., табл. 5):

Как видно из приведенных данных, а также их оценок студентов, высказанных ими в ответ на этот вопрос, они проявляют большую требовательность к качеству лекций, высоко ценят образованность лектора, хорошее знание своего предмета, аргументированность позиции, стремятся услышать больше нового, разобраться в полемике и противоположных точках зрения. Они высказываются против догматического подхода к преподаванию отдельных наук,

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мнение студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Необходимо посещать все лекции	19,8	22,2	22,2
2	Следует посещать лишь те лекции, которые сообщают что-то новое о будущей специальности	25,2	8,3	22,2
3	Необходимо посещать только те лекции, которые интересны по форме и содержанию	58,4	36,1	51,1
4	Если есть учебник, посещать лекции не обязательно	2,7	2,7	2,2
5	Следует посещать лишь лекции преподавателей, которые отмечают присутствие учащихся	1,8	5,5	2,2

против «поверхностных лекций, которые не заставляют мыслить», которые «скучны, неинтересны», «зачастую повторяют учебник». Это вызывает внутреннее противоречие и эмоциональную оппозицию части студентов, отождествляющих плохую подачу предмета с ненужностью его для избранной профессии.

Анкетирование позволило выявить позицию студентов по отношению к перестройке библиотечного образования. Среди опрошенных не оказалось ни одного равнодушного к этой проблеме. По мнению студентов дневного отделения основными направлениями перестройки являются усиление общенаучной подготовки и обеспечение методической помощи со стороны преподавателей, сближение образования с практикой, усиление специальной подготовки, компьютеризация учебного процесса. Важным для студентов представляется и уменьшение аудиторных занятий и замена их самостоятельной работой студентов (см. табл. 6).

Студенты вечернего отделения важным при перестройке образования считают сближение образования с практикой, обеспечение методической помощи со стороны преподавателей, усиление специальной подготовки, а также решение вопроса о свободном посещении лекций.

Студенты заочного отделения отметили важность сближения образования с практикой, усиления специальной и общенаучной подготовки, обеспечения методической помощи со стороны преподавателей и увеличение числа консультаций для студентов.

Студенты двух отделений высказались за введение ряда новых дисциплин. Список этих дисциплин достаточно большой. Так, студенты дневного отделения предлагают ввести такие дисциплины, как эстетика, история культуры, культура общения, культура речи, оформительское искусство. Студенты-вечерники высказали желание в более углубленном изучении общественных и общенауч-

**Студенты об основных направлениях перестройки библиотечного образования
(В % к числу опрошенных)**

Основные направления перестройки	Очень важно		Важно		Трудно сказать		Не очень важно		Совсем не важно					
	д/о	з/о	д/о	з/о	д/о	з/о	д/о	з/о	д/о	з/о				
1. Уменьшение аудиторных занятий и замена их СРС	11,7	6,6	38,7	17,1	25,0	17,1	45,5	30,5	21,6	12,2	2,7	10,0	16,6	11,1
2. Свободное посещение лекций	21,6	1,7	25,0	24,3	41,6	10,8	11,1	22,2	4,5	11,1	11,2	4,5	10,0	—
3. Обеспечение методической помощи со стороны преподавателя	33,3	37,7	33,3	49,5	46,6	50,0	11,7	12,2	5,4	—	—	—	—	—
4. Сближение образования с практикой	47,7	66,6	50,0	26,1	17,7	41,6	—	11,1	—	—	—	—	—	—
5. Обучение по инд. планам	18,0	6,6	11,1	26,2	22,2	13,8	39,6	48,8	14,4	14,4	13,8	—	7,7	—
6. Усиление общенаучной подготовки	18,0	7,7	22,2	49,5	31,1	50,0	11,7	40,0	8,3	23,4	18,8	11,1	—	—
7. Усиление специальной подготовки	27,9	52,2	30,5	40,5	33,3	38,8	15,3	11,1	19,4	18,0	3,3	8,3	—	—
8. Увеличение числа консультаций	25,2	11,1	—	27,9	36,6	25,0	18,0	34,4	30,5	22,5	33,3	7,2	5,5	—
9. Компьютеризация учебного процесса	39,7	7,7	2,5	28,8	21,1	30,5	34,2	50,0	25,0	9,0	14,4	13,8	4,5	6,6
10. Расширение УИРС	8,1	3,3	11,1	31,5	15,5	13,8	35,1	52,7	24,3	15,5	13,8	—	—	—

ных дисциплин в связи с актуальными проблемами сегодняшнего дня, в увеличении часов на изучение литературы и иностранных языков, истории как русской, так и всеобщей, изобразительного искусства.

Студенты заочного отделения были осторожны в своих предложениях, так как все предложенные ими дисциплины они должны будут изучать самостоятельно.

Представляет интерес мнение студентов относительно распределения учебного времени между специальными и общественно-научными дисциплинами. Большинство студентов дневного отделения предпочли распределить учебное время между названными циклами дисциплин поровну. Студенты заочного отделения высказались за увеличение времени на специальные дисциплины в период сессии. Студенты вечерники, наоборот, отдали предпочтение общественно-научным дисциплинам (см. табл. 7):

Стремление студентов расширить свои знания в литературе и истории подтверждается их ответами на вопрос «Если бы нужно было выбирать, что бы Вы предпочли?». Преимущественное большинство студентов дневного (88, 2 процента), вечернего (91, 6 процента) и заочного отделений (66,6 процента) отдали предпочтение курсам литературы и истории перед курсами лекций по библиотековедению и библиографии.

Профессиональное развитие личности обеспечивается процессами самовоспитания и самообразования, без наличия которых и не мыслится целостный процесс формирования личности библиотекаря-библиографа высшей квалификации. Студенты всех форм обучения высказали желание иметь большую самостоятельность в учебном процессе. Но вместе с тем, как показало пилотажное исследование, наши студенты еще не готовы самостоятельно осваивать учебные предметы и не умеют организовать рационально и самостоятельно свою учебную деятельность. Около 40 % заочников заявили, что хотели бы научиться рационально построить свой учебный процесс, но не знают как это делается. Часть студентов-вечерников (11, 1 процент) считают, что это им совсем не нужно, а часть — затруднилась ответить на вопрос (13,8 процента). Правда, одна треть студентов дневного отделения от курса к курсу, по данным анкет, становится все более организованнее.

Таблица 7

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мнение студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Поровну	49,5	36,2	37,7
2	Отдать преимущество специальным дисциплинам	18,9	51,1	16,6
3	Отдать преимущество общественно-научным дисциплинам	32,4	47,2	18,8

Значительная часть студентов дневного и вечернего отделений, треть студентов заочного отделения убеждены в том, что нет никакой особой «техники» подготовки к зачетам и экзаменам (см. табл. 8).

Каждый четвертый студент дневного и вечернего отделений и большой процент студентов заочного отделения выразили желание овладеть ею.

Большинство же указали, что не все предметы можно освоить самостоятельно без преподавателя, так как нуждаются в его руководстве.

Нас интересовал вопрос владеют ли студенты методами и приемами самостоятельной работы, т. е. умеют ли они конспектировать, делать выписки, подбирать литературу по заданной теме, составлять обзор и др. На сегодняшний день вопрос этот чрезвычайно актуален, поскольку часть занятий на дневном отделении, кроме общественных дисциплин, заменена самостоятельной работой студентов под руководством преподавателя.

Ответы студентов распределились следующим образом. (См. табл. 10).

Таким образом, исследование показало, что существуют большие резервы активизации самостоятельной учебной деятельности студентов всех трех отделений.

Таблица 8

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мнение студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Да, владею	25,7	22,2	16,6
2	Думаю, что никакой особой техники нет	41,4	50,0	41,1
3	Первый раз об этом слышу	4,5	8,3	14,4
4	Не владею, но хочу научиться	25,2	22,2	37,7

Данные анкет свидетельствуют и о том, что сегодня лишь небольшая часть студентов способна сдать экзамены экстерном (см. табл. 9):

Таблица 9

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мнение студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Безусловно, и с тем же успехом	16,2	13,8	13,3
2	Оценки были бы похуже	13,5	22,2	21,1
3	Не все предметы можно освоить самостоятельно	48,6	50,0	48,6
4	Без руководства преподавателя не обойтись	23,4	11,1	21,2

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Ответы студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Владею хорошо	23,4	30,5	23,3
2	Владею частично	72,0	55,5	70,0
3	Не владею совсем	—	5,5	—
4	Не владею, но хочу научиться	2,7	11,1	6,6
5	Мне никто о них не говорил	—	—	—

Студенты весьма самокритичны в анализе причин, мешающих в организации самостоятельной работы. Среди объективных причин названы отсутствие нужной литературы, нехватка свободного времени, отсутствие интереса к некоторым дисциплинам, большая загруженность на работе, частые командировки, наличие семьи, бытовые условия. Четко организовать самостоятельную вне-аудиторную работу мешают студентам такие личные качества, как неорганизованность, лень, неумение распределить свое время, отсутствие умения самостоятельно работать с учебными заданиями, несобранность, плохая память и др.

Профессиональное в развитии личности характеризуется ее стремлением и готовностью трудиться в избранной специальности. На вопрос «Где бы Вы хотели работать?» ответы были даны такие. Из перечисленных мест работы 25, 2 процента студентов-очников и 34, 5 процента — вечерников выразили желание работать в массовой библиотеке. Студенты дневного отделения отметили также научно-технические библиотеки (15, 3 %), универсальные научные библиотеки (13, 5 %) и детские библиотеки (11, 7 %). Те же библиотеки, только в другой пропорции, отметили и студенты-заочники. Студенты вечернего отделения подчеркнули только научно-технические библиотеки и центры НТИ, т. к. большинство опрошенных — студенты групп технической специализации.

Часть студентов откровенно призналась, что не хочет работать нигде из перечисленного. На дневном отделении таких студентов 11 процентов.

Для успешной работы в библиотеке студенты должны обладать такими видами деятельности, как умение управлять различными коллективами, умение общаться с людьми, организовать массовые мероприятия, выполнение намеченного плана работы в библиотеке. Хотят ли наши студенты работать на руководящей должности после получения диплома? На этот вопрос получены следующие ответы.

Из таблицы видно, что большая часть студентов дневного и вечернего отделений выразили готовность занять руководящие должности в библиотеке. Одна треть студентов этих отделений уверен-

(В % к числу опрошенных)

№ п/п	Мнение студентов	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1	Думаю, что справлюсь с должностью руководителя отдела или небольшой библиотеки, если потребуется	44,1	61,0	33,3
2	Думаю, что смогу, но не хочу	27,9	30,5	44,4
3	Боюсь, что не смогу	18,2	2,7	18,8
4	Не могу и не хочу	9,8	5,5	3,3

но ответили, что не хотят быть руководителями. Об этом же заявило большинство опрошенных студентов — заочников. Почти каждый четвертый студент дневного отделения и каждый пятый — заочного признались, что не смогут быть руководителями из-за чувства неуверенности в себе, боязни.

Наконец, пилотажный опрос позволил выявить мнение студентов о том, какими качествами должен обладать библиотекарь-библиограф высшей квалификации. К сожалению, остались неясными мотивы полученных оценок. Возможно, что при крупномасштабном исследовании будут получены действительные оценки. О качествах, которыми должен обладать библиотекарь-библиограф говорит ранжированное мнение студентов (см. табл. 12). Из таблицы видно, что лишь студенты-заочники на первое место по важности для специалистов библиотечной профессии поставили высокий профессионализм. Все остальные на первое место поставили высокую общую культуру.

Таблица 12

Ранжированная оценка важности качеств,
которыми должен обладать библиотекарь-библиограф

Качества, которыми должен обладать библиотекарь-библиограф	Дневное отд.	Вечернее отд.	Заочное отд.
1. Высокая общая культура		I	
2. Активность в общественной жизни	VIII	VIII	VIII
3. Знание отраслевой литературы	VI	VI	V
4. Умение работать с книгой	V	IV	IV
5. Глубокие социально-политические знания	VII	VII	VII
6. Самостоятельность и оригинальность мышления	IV	V	VI
7. Высокий профессионализм	II	II	I
8. Умение работать с читателями	III	III	III

В данной статье предпринята попытка проследить влияние форм обучения на профессионально-личностное развитие студентов. Объективное, точное знание механизма формирования профессионализации личности студенческой молодежи в зависимости от определенных условий и факторов воздействия позволит результативно управлять данным процессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берак О. Л., Тугорская Н. В. Пути формирования эмоциональной регуляции личности студента // Вестник высш. школы. 1987. № 1. С. 33—38.
2. Брудный В. И. Профессиональная и социально-психологическая адаптация студентов и молодых специалистов.— М., 1976.—44 с.
3. Вопросы психологии личности и деятельности студентов: Сб. ст.— Иркутск, 1986.—112 с.
4. Дусавицкий А. К. Мотивы учебной деятельности студентов.— Харьков, 1987.—53 с.
5. Кудрявцев Т. В., Сухарев А. В. Влияние характерологических особенностей личности на динамику профессионального самоопределения // Вопр. психологии. 1985. № 1. с. 86—93.
6. Прыгин Г. С., Степанский В. И., Фарютин В. П. Влияние особенностей саморегуляции деятельности на профессиональное самоуправление старшекурсников // Вопр. психологии, 1987, № 4. С. 45—51.
7. Фаткин Л. В., Петросян Д. С. Диагностируем личностные качества студентов. // Вестник высш. школы. 1987. № 1. С. 42—45.
8. Фридман Л. М. Изучение личности учащегося и ученических коллективов.— М., 1988.—207 с.

Р. А. ТРОФИМОВА

УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ НА БИБЛИОТЕЧНУЮ ПРОФЕССИЮ

Решение задачи повышения качества подготовки библиотечных кадров предполагает перестройку учебно-воспитательного процесса на библиотечных факультетах по многим предметам, в т. ч. (и не в последнюю очередь) в направлении максимального учета профессиональных установок абитуриентов и студентов с целью оптимизации этих установок в процессе обучения.

Ныне в сознании многих преподавателей институтов культуры господствует представление, согласно которому все студенты разделяются на две полярные группы — на осознанно избравших будущую профессию и на случайно попавших в вуз лиц. Исходя из этого, вузовские педагоги и строят свою учебно-воспитательную работу, применяя разные формы и методы к студентам, по их мнению, относящимся к названным группам. При этом кое-кто считает, что сделать хороших специалистов из «случайных» студентов практически невозможно.

Проводимое на библиотечном факультете Алтайского государственного института культуры педагогико-социологическое исследование побуждает усомниться в истинности подобных рассуждений и оправданности вышеозначенной дифференциации студентов.

Наш главный вывод — реальные профессиональные установки студентов гораздо сложнее кажущихся априори. Недоучет этой сложности, грубо упрощенное понимание профустановок студентов — существенный порок вузовской педагогики и одна из причин недоработки вузов культуры в деле подготовки высококвалифицированных кадров.

Если под профустановкой понимать состояние predispositions субъекта к определенной профессиональной деятельности (а именно так ее следует понимать в соответствии со сложившейся в советской педагогике традицией) и социологическими методами выявить реальные контуры этого состояния у каждого студента, то очевидным станет то, что:

— во-первых, профустановки студентов выступают в разнообразных, зачастую противоречивых формах, выражающих разную степень психологической готовности трудиться по избранной специальности;

— во-вторых, среди первокурсников практически нет лиц, как с вполне сформированной профустановкой, так и не имеющих никакой профустановки;

— в-третьих, профустановки студентов меняются от курса к курсу (то развиваясь, то затухая, то стабилизируясь в определенной форме) под воздействием изучаемых дисциплин, личностей преподавателей и своей системы учебно-воспитательного процесса.

В нашем исследовании встретилось десять разновидностей профустановок, которые мы разбили на четыре качественно отличных типа.

Первый тип объединяет три формы установок, роднящихся тем, что их носители имеют неосознанное и потому маловыраженное желание стать библиотечными работниками.

Одну из этих разновидностей представляют студенты, не могущие объяснить свой профвыбор, хотя подспудное желание стать библиотекарем у них есть. Назовем такую установку немотивированным влечением. Она свойственна 6 % первокурсникам (1984 г.); 8 % поступившим к нам в 1985 г. и 12 % первокурсникам 1986 г. Среди первокурсников 1987 г. эта установка не встретилась, но в 1988 г. она вновь проявилась у 5 %.

Второй разновидности первого типа установок свойственно сочетание слабо выраженного желания овладеть нашей профессией с элементами принуждения («заставили родители», «настояли знакомые», «командировали от района» и т. п.). В такой ситуации было 10 % первокурсников 1984 г., 13 % — в 1985 г., 12 % — в 1986 и 1987 гг., 10 % — в 1988 г.

Третья разновидность характеризуется сочетанием мало выраженного стремления к профессии со случайными жизненными обстоятельствами. Речь идет о мотивировках типа: «живу рядом с институтом», «есть удобный транспорт», «здесь меньше конкурс», «так сложились обстоятельства», «поступила после неудачи в другом вузе» и т. п., дополняемыми такими ответами на другие вопросы анкеты, которые свидетельствуют о наличии у студентов некоторого интереса к библиотечной работе. Обращает на себя внимание факт стабильности представительства первокурсников с такой установкой (в 1984 г.—15 %, 1985 г.—17 %, 1986 г.—15 %, 1987 г.—14 %, 1988 г.—15 %) *.

В начале исследования мы (по укоренившейся в сознании вузовских педагогов привычке) оценивали первокурсников трех охарактеризованных групп как случайных для факультета людей, из которых вряд ли получатся толковые специалисты. Но проследив за их студенческой жизнью, мы отказались от старой оценки, признав ее ошибочным стереотипом мышления вузовских педагогов. Оказалось, что все три формы первого типа профустановки (точнее предустановки) довольно легко перерастают при нормальном учебно-воспитательном процессе в профустановки высшего типа. Видимо, так называемые «случайные жизненные обстоятельства» реально не случайны, в них проявляется закономерность формирования и развития профессиональных установок, от неявного (интуитивного, подспудного) желания к осмысленному практическому действию.

Второй тип объединяет установки, которым свойственно явное желание стать библиотекарем в сочетании с разного рода превратными представлениями о сути библиотечного труда. Все разнообразие ошибочных представлений студентов о библиотечной работе сводится к трем основным вариантам, поэтому во втором типе установок резонно вычленять тоже три формы.

Первая установка этого типа — позитивная аспектация. Речь идет о ситуации, когда выбор библиотечной профессии делается на основе знания только привлекательных ее сторон при полном игнорировании ее трудностей и объективно обусловленных минусов. Это довольно распространенная в среде первокурсников установка (от 10 до 30 % в разные годы). Именно среди ее носителей чаще всего встречаются срывы в учебе на старших курсах и разочарование в профессии после окончания института.

Вторая форма — негативная аспектация. Оказалось, что часть студентов выбирает библиотечную профессию только за то, что объективно характеризует ее с негативной стороны. При этом позитивные характеристики нашей профессии либо игнорируются, либо оцениваются как негативные. В исследовании 1984 г. такая

* Показательно и то, что опрос первокурсников библиотечного факультета Кемеровского института культуры, проведенный по нашей методике в конце 1987 г., выявил тоже 15-процентное представительство данной установки.

установка не проявилась. В 1985 г.—2 % первокурсников избрала библиотечную профессию только за то, что она (как им кажется) не требует больших интеллектуальных и физических затрат и не связана с высокой ответственностью за просчеты в работе. В 1986 г. эта установка была свойственна 7 % первокурсников, в 1987 г.—5 %, в 1988 г.—9 %.

Третья разновидность второго типа — это установка на библиотечную профессию как средство удовлетворения только сугубо личных, эгоистических интересов. В отличие от ранее охарактеризованных, этой установке свойственно довольно полное знание и позитивных и негативных сторон библиотечного труда. Превратность представлений о профессии здесь вызвана незнанием и непониманием общественного предназначения библиотечного труда, его истинной роли в жизни общества и личности библиотекаря.

Отмечу два тревожащих обстоятельства.

Во-первых, число первокурсников с индивидуалистической установкой из года в год растет (в 1984 г.—4 %, в 1985 г.—7 %, в 1986 г.—16 %, в 1987 г.—18 %, в 1988 г.—22 %).

Во-вторых, эта установка в студенческие годы не ослабевает, а наоборот, усиливается. В среде третьекурсников ориентировка на профессию как средство достижения сугубо личных интересов давит над прочими не только у тех, кто ее имел на первом курсе, но и еще у 8 %.

Третий тип заслуживает особого внимания. Речь идет о странной, на первый взгляд, невозможной установке, когда желание получить профессию библиотекаря сочетается с нежеланием работать в библиотечных учреждениях.

На первом этапе исследования мы рассматривали эту профессиональную ориентировку как разновидность второго типа, полагая, что она вызвана незнанием содержания библиотечного труда и что в ходе усвоения этого содержания данная установка перерастает в другую, более совершенную. Но сравнительный анализ установок одних и тех же лиц на первом и третьем курсах убедил нас в самостоятельном характере и довольно сложной структуре этой установки. Особым типом ее следует оценивать и потому, что она весьма распространена среди абитуриентов. В 1984 г. 30 % поступивших на наш факультет не имело намерения работать в библиотеке. В следующем году таковых было 26 %, в 1986 г.—25 %, в 1987 г.—27 %, в 1988 г.— более 30 %. К третьему курсу доля носителей этой установки повышается на 8—12 %.

Но и этих студентов не стоит оценивать как случайных для библиотечного дела людей. Подавляющее их большинство (около 2/3 — умные, хорошо подготовленные, способные к учебе и практической библиотечной работе, общественно активные юноши и девушки). Они болезненно осознают проходящий процесс падения престижности библиотечной работы. По мере овладения профессией, ознакомления с практикой библиотек, они все больше поражаются углубляющемуся противоречию между высоким общест-

венным предназначением и низкой оценкой деятельности библиотек со стороны общества. Поэтому они начинают видеть свое будущее вне связи с библиотеками. Это основная причина, объясняющая распространенность установки третьего типа и тенденцию роста числа ее носителей от курса к курсу.

Основная, но не единственная, ибо почти третья часть нежелающих работать в библиотеке руководствуется иным соображением — признанием своей профессиональной непригодности. Эти студенты не хотят работать в библиотечных учреждениях прежде всего потому, что расценивают свои способности, знания и практические умения как несоответствующие профессиональным требованиям. Более всего они боятся перспективы публичных выступлений, организации массовых мероприятий, а также работы с техникой (проекционной, множительной и др.). Динамика этой установки весьма интересна. Примерно у половины ее носителей она к третьему курсу исчезла, точнее переросла в установку высшего типа. Но у другой половины установка — боязнь — окрепла. Эта вторая половина целиком входит в разряд задолженников третьего курса. Надо признать, что преподаватели допускают серьезные просчеты в работе с этой категорией студентов, так как не учитывают повышенной неуверенности их в собственных возможностях и силах. Вместо того, чтобы вселять в них уверенность, мы зачастую, усугубляем их боязнь профессии своими попреками.

Теоретически можно предположить, что установка на неработу в библиотеке может быть частью заранее задуманной стратегии поведения, сводящейся к получению любого образования из соображения выгоднее устроиться в жизни. Но на практике такая установка встречается крайне редко. Возможно, это объясняется спецификой периферийного вуза, его малой ценностью в сознании таких «стратегов». Возможно тем, что анкетированием эту установку уловить нельзя. Но использование других методов (длительных наблюдений, изучения личных дел абитуриентов, студентов и выпускников, собеседований) привело к выводу, что число выразителей такой установки столь мало, что практически во внимание может не браться. Это, естественно, не исключает общеизвестных фактов, когда замужество не редко меняет жизненные планы студентов и выпускниц. Но подобного рода перемены планов происходят с представительницами всех типов и разновидностей профессиональных установок.

Четвертый тип установок включает в себя, на наш взгляд, две следующих разновидности.

Первая — осознанное желание. Она имеет место, когда явное стремление овладеть библиотечной профессией сочетается с принципиально правильным, хотя и недостаточно полным, знанием ее плюсов и минусов, ее основных запросов к личности библиотечного работника. Среди первокурсников она встречается лишь у тех, кто уже работал в библиотеке. У нас их было в 1984 г.—9 %, в 1985 г.—10 %, в 1986 г.—13,5 %, в 1987 и 1988 гг.—15 %. Установка —

осознанное желание играет особую роль во всей динамике профессиональных установок. Это своеобразный и обязательный этап в развитии профустановок, который нельзя перескочить, обойти или миновать каким-либо другим путем. В идеале осознанное желание должно прийти на смену всем вышеохарактеризованным установкам. И именно с него начинается формирование установок высшего типа.

В соответствии с нашей рабочей гипотезой, осознанное желание формируется у большинства студентов к концу II курса. В общем и целом гипотеза подтвердилась. Эта установка свойственна, примерно, 55—70% третьекурсников. Она практически полностью вытесняет все установки I типа, первую и вторую разновидности второго типа и первую разновидность третьего типа. Однако, каждый восьмой третьекурсник руководствуется индивидуалистической целью выступает не профессия, а получение диплома), что свидетельствует о существенных учебно-воспитательных недоработках.

Кроме того, у третьекурсников мы встретили еще одну профессиональную установку, которую назвали жизненной потребностью. Под ней мы понимаем такое состояние субъекта, когда овладение профессией и работа по этой профессии становится важнейшей задачей студента, без решения которой он не мыслит своей жизни. При этом студент верно, полно и глубоко знает все профессиональные требования и старается максимально соответствовать им. Эта установка развивается из осознанного желания и выступает по отношению к последней как педагогическая ценность более высокого порядка. Она присуща, примерно, 10 % третьекурсников (плюс-минус 3 % в разные годы). Это, как правило, отличники, но не все отличники входят в данную категорию.

Характер и содержание профустановок студентов, по нашим данным, зависит от многих факторов: престижности библиотечного труда, его оплаты, качества профориентационной работы, школьного и семейного воспитания абитуриентов, их социального и половозрастного состава, национальных и региональных особенностей (в т. ч. числа и профилей вузов в регионе), качества учебно-воспитательной работы на библиотечных факультетах, содержания и методики преподавания и многого другого. В разных институтах культуры, по всей видимости, должна проявиться неодинаковость степени распространенности тех или иных профустановок и их динамики. Поэтому желательно проведение исследования механизма формирования установок на библиотечную профессию в разных институтах культуры. Лишь на основе обобщения выводов, полученных во многих местах, можно будет сформулировать безошибочные рекомендации по оптимизации механизма формирования студенческих профустановок, реализация которых должна быть частью комплекса мер по перестройке работы библиотечных факультетов.

ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ, КАК МЕТОД АКТИВИЗАЦИИ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

Педагогика высшей школы за последние годы обогатилась новыми активными методами обучения, среди которых особой популярностью пользуются деловые игры. В Челябинском государственном институте культуры деловые игры в течение нескольких лет используются в преподавании курса «Организация и методика библиографической работы в библиотеке». Методика игр, разработанных преподавателями кафедры библиографии ЧГИК, имеет существенные отличия от методики деловых игр, о которых уже рассказывалось в печати.

До введения курса «Организация и методика библиографической работы в библиотеке» на практических занятиях общего курса библиографии студенты, в основном, занимались анализом библиографических пособий и разысканиями. Эти формы занятий позволяют изучить библиографические источники и освоить методику поиска информации на их основе. Но ряд процессов (текущее библиографическое информирование, прием запроса и выдача ответа в справочно-библиографическом обслуживании, подготовка инструктивно-методических материалов в библиотечно-библиографическом обучении читателей и организации работы библиографического отдела) изучался студентами только теоретически. Овладение этими процессами откладывалось до производственной практики, но так как многие из них в библиотеках отсутствуют или слабо развиты, то случалось, что выпускник выходил из вуза со смутным представлением об этих видах работ.

При разработке курса «Организация и методика библиографической работы в библиотеке» была поставлена задача не только наполнить его содержанием достижениями библиографической науки и передовой библиотечной практики, но и сделать обучение студентов более демократичным, изменить взаимоотношения между преподавателем и студентом, направить преподавание на развитие самостоятельного мышления студентов, активное применение на практических занятиях знаний, полученных ими во время лекций. Деловые игры, моделирующие производственные и практические ситуации, помогают решить эти задачи. Поэтому, не исключая форм практических занятий, традиционных для библиографических курсов, мы избрали деловые игры в качестве основной формы практических занятий нового курса.

В литературе по методике активных форм обучения, в основном, описываются игры, рассчитанные на людей, уже имеющих опыт практической работы. Для их подготовки и проведения требуется длительное время: 10—15 и более учебных часов. Нам нуж-

но было самостоятельно разработать игры, рассчитанные на студентов, не имеющих практического опыта и требующих максимальных затрат учебного времени для их проведения. Из всех разновидностей «деловых игр» наиболее удачно помогают решать задачи нашего курса игры, направленные на овладение студентами технологией библиографической работы.

Для проведения технологической деловой игры необходимо создать типичную проблемную ситуацию работы библиотеки, сделать ее как можно конкретней, приближенной к реальной практической деятельности.

Для этого нужно воспроизвести действующих лиц в данной конкретной ситуации и обеспечить «играющих» необходимыми материалами для проведения технологического процесса каждой игры.

В ходе деловых игр по каждой теме в виде задания воспроизводится проблемная ситуация работы библиографического отдела ЦБС. Участники игры — подгруппа, которая делится на два библиографических отдела двух массовых ЦБС. На заключительном этапе игры создается экспертная комиссия. В нее входят директора обеих ЦБС и руководитель игры, которого мы провозглашаем заведующим отделом культуры. Деловая игра складывается из 3-х этапов: подготовительного, игрового и заключительного.

Подготовительный — включает выступление руководителя игры с разъяснением ее целей, задач, порядка проведения и объяснениями по каждому заданию. Игровой этап — выполнение заданий, на которые отводится до 70—80 % всего времени игры. Заключительный этап — защита выполненных заданий, определение победителей, подведение итогов, выводы и замечания руководителя.

По окончании игрового этапа участники обмениваются подготовленными материалами, просматривают их и готовят вопросы, которые зададут «противникам» при защите. Наиболее напряженным является заключительный этап. В процессе защиты участники вправе задавать вопросы, но не должны выносить прямой оценки действий «противника». Студентов на такое поведение надо специально нацеливать, объяснить, что их оценка должна заключаться в вопросе, а представитель данной команды в экспертной комиссии учтет ее. При защите по каждому заданию отчитываются по очереди представители данной команды. Это могут быть рядовые библиографы или заведующие библиографическим отделом. В выступлении обосновываются принятые решения. Затем задают вопросы «противники» и эксперты. Основную оценку в баллах с обязательной ее мотивировкой выносят эксперты. Причем, первым это делает эксперт — директор данной ЦБС, затем — директор ЦБС «противника», последним ставит оценку руководитель игры, при необходимости и неверных оценках студентов, корректируя своей оценкой общую. На основе представленных оценок — высчитывается средний балл. Сумма средних баллов по всем заданиям данной игры выявляет команду-победителя. (Судейство организовано

аналогично судейству КВН). Таблица для оценок вычерчивается заранее на доске и заполняется в процессе защиты.

В целях активизации защиты могут быть использованы дополнительные оценки за умение четко обосновать свои решения, за умение формулировать и задавать вопросы. Кроме того, за нарушение правил игры и неэтичное поведение может быть наложен штраф.

Руководитель игры и участники должны стремиться к стабильному составу работников библиографического отдела на протяжении хотя бы одной игры. На роли заведующего отделом, директора ЦБС студенты выбираются участниками игры или назначаются руководителем игры. Заведующий библиографическим отделом должен организовать работу отдела, распределить задания между участниками, обеспечить их необходимыми материалами и документами, организовать выступления на защите. За ним в спорной ситуации во время выполнения заданий или при защите закрепляется право принятия решений.

Директор ЦБС входит в экспертную комиссию только на заключительном этапе. На игровом этапе он, как и рядовой работник, участвует в выполнении заданий. Во время проведения первых деловых игр — директор ЦБС не входил в состав библиографического отдела. Студенты, выполняющие роль директоров бездействовали во время самого большого игрового этапа, не осваивали технологию процессов, а на заключительном этапе в связи с этим им было сложно оценивать работу участников игры.

Обязанности рядового библиографа определяются в зависимости от задания. Это может быть подготовка одного из элементов модели справочно-библиографического аппарата библиотеки, документов по текущему библиографическому информированию и т. д. Каждый библиограф участвует в коллективном обсуждении и принятии решений по заданиям игры, по поручению заведующего отдела он может докладывать по тому или иному пункту заданий на защите, имеет право задавать вопросы «противникам», дополнять ответы любого участника игры на заключительном этапе.

Перечислим обязанности руководителя игры. На подготовительном этапе руководитель проводит инструктаж всех участников игры и выборы заведующих библиографическими отделами и экспертов-директоров ЦБС. На заключительном этапе он организует защиту, выступает в качестве эксперта. В процессе игры руководитель осуществляет контроль за регламентом игры, следит, чтобы участники укладывались в расчетное время каждого этапа.

Между всеми играми есть преемственность, которая обеспечивается стабильным составом участников и единой основой всех игр, проводимых в рамках курса. Такой основой является — модель библиотеки и контингента читателей. Эта модель создается в процессе игры и включает следующие характеристики:

1. Характеристика ЦБС по типу (городская, районная, профсоюзная, государственная).

2. Структура ЦБС (отделы, филиалы, специализированные подразделения).

3. Экономический профиль региона (указать 2 учреждения, 2 производственных предприятия, находящихся в зоне обслуживания библиотеки).

4. Библиотечная ситуация в регионе (наличие или отсутствие ОНТИ, специальных отраслевых библиотек, других массовых библиотек — указать не более 4 учреждений).

5. Профессионально-отраслевой состав читателей (не более 4 групп).

6. Возрастной состав читателей (взрослые, дети).

7. Социальное и должностное положение читателей (научные работники, специалисты предприятий и учреждений, рабочие, студенты, учащиеся ПТУ и школ — выбрать 3—4 группы).

8. Общественная деятельность читателей (депутаты местных Советов, руководители партийных и общественных организаций, агитационно-пропагандистский актив; участники художественной самодеятельности и т. д. — выбрать не более 4 групп).

В процессе решения всех последующих заданий участники опираются на данную модель, она для них является той конкретной ситуацией, которая определяет их решения, а для «противников» и экспертов она — основа проверки правильности решений играющих и оценки их действий.

На проведение одной деловой игры тратится от 4 до 6 академических часов аудиторных занятий студентов. В деловой игре по теме «Справочно-библиографический аппарат библиотеки» студенты готовят модель справочно-библиографического фонда, системы каталогов и картотек ЦБС. В игре по теме «Справочно-библиографическое обслуживание» играющие осуществляют прием и выполнение библиографических запросов читателей. В игре по теме «Текущее библиографическое информирование» — разрабатываются инструктивно-методические материалы по организации этой формы обслуживания, а также готовится библиографическая информация для индивидуального и группового абонентов. Разработка инструктивно-методических материалов — содержание заданий игр по библиотечно-библиографическому обучению читателей, по научной организации труда в библиографическом отделе и по методическому руководству библиографической деятельностью в ЦБС.

Каждое общее задание игры конкретизируется в частных заданиях. Например, по теме «Справочно-библиографический аппарат ЦБС» играющим предлагается:

1. Составить фрагмент тематико-типологического плана комплектования библиографических и справочных изданий.

2. В соответствии с тематико-типологическим планом выявить библиографические пособия и справочные издания на основе тематических планов издательств и выявленные издания отразить в картотеке справочно-библиографического фонда.

3. Перечислить обязательные и факультативные каталоги и картотеки каждого структурного подразделения ЦБС.

4. Составить схему одной из тематических картотек.

В результате выполнения таких заданий у студентов появляются практические навыки выполнения многих процессов и операций. Это происходит даже в том случае, если некоторые из этих процессов пока не внедрены или внедрены не полностью в практику ЦБС, где наши студенты обычно проходят производственную практику. Здесь в проводимых нами деловых играх есть момент опережающего обучения.

Деловые игры требуют определенного методического обеспечения. До проведения любой игры по данной теме обязательно читается лекция. Для более четкого проведения деловых игр нами подготовлены к печати специальные методические указания. В комплекс методических рекомендаций к каждой деловой игре входит памятка руководителю с указанием расчетного времени по ее этапам: тема игры и задания; индивидуальные задания участникам игры в соответствии с возложенными на них ролями; список источников, которые могут быть использованы участниками во время игры; перечень необходимых материалов материально-технического обеспечения — карточки, разделители и т. п.; перечень документов, которые должны подготовить участники к заключительному этапу. Кроме того, в зависимости от темы каждая разработка включает ряд схем, которые заполняют участники в процессе игры и затем представляют «противникам» и экспертам для проверки.

Во время деловой игры студентам не возбраняется обращение к любым источникам: лекциям, учебникам, учебным и методическим пособиям. При необходимости они во время учебных занятий обращаются в кабинеты и читальные залы вузовской библиотеки.

Определяющим в создании обстановки активности, заинтересованности студентов в процессе проведения деловых игр является поведение и роль руководителя. Педагог, проводящий игру, не должен сдерживать самостоятельность студентов. При принятии решений у играющих часто возникают споры. Не надо торопиться подсказывать им верное решение. Лучше это сделать на заключительном этапе во время защиты. Иначе теряется творческая атмосфера игры, авторитет руководителя гасит инициативу и самостоятельность играющих, порождает неуверенность в оценках экспертов. На игровом этапе руководитель вмешивается в работу только в том случае, если студенты не укладываются в расчетное время. Очень важно для педагога во время занятий четко выдерживать расчетное время основных этапов игры. Важно оставить достаточно времени на заключительный этап, так как именно на этом этапе разрешаются все сомнения играющих, выявляются их ошибки. Во время игрового этапа руководитель наблюдает за играющими, отмечает для себя их трудности, результаты наблюдений использует для формулировки вопросов при защите. На игровом и, особенно, на заключительном этапе преподавателю необхо-

димо уметь вести дискуссии, распределять свое внимание на обе команды играющих и экспертов.

В время защиты руководитель также фиксирует недостатки, неточности для того, чтобы затем задать вопросы, которые уточнят позицию играющих. Естественно, что во время защиты вопросы он задает последним. После проведения нескольких игр у педагога накапливается опыт, появляется знание типичных ошибок, вырабатываются типичные вопросы. Однако, важно каждый раз улавливать и необычность ситуации, созданной играющими и заметить оригинальность принятых ими решений. Все это заслуживает поощрения при оценке отдельных заданий и заключительном разборе игры.

Поведение студентов в процессе проведения игр на 2—3 курсах заметно изменяется. Второкурсники во время первой игры по созданию модели справочно-библиографического аппарата чувствуют себя неуверенно и некоторые из них заметно нервничают, при затруднениях или ошибках не всегда могут сдержать свои отрицательные эмоции. Большинство из них в непривычной обстановке самостоятельности плохо используют имеющиеся у них знания, трудно решают поставленные перед ними задачи. Они не умеют обосновывать и защищать принятые ими решения. Со временем обстановка деловой игры для студентов становится привычной. На третьем курсе, особенно после прохождения производственной практики, игры проходят более профессионально. Студенты в большинстве случаев не только правильно решают стоящие перед ними задачи, но и умеют обосновать выбранные решения, ответить на вопросы «противников» и экспертов, объективно оценить полученные результаты и свое поведение во время выполнения заданий и их защиты. Обстановка на занятиях на 3 курсе при проведении деловых игр творческая и деловая. Занятия нацелены на коллективный поиск решений, хотя каждый из играющих может иметь свое индивидуальное задание и при защите высказать свое собственное мнение. Самые робкие студенты в процессе игры раскрепощаются и участвуют в обсуждении тех или иных положений, возникающих в ходе игры. Обычно на занятиях удается утвердить дух состязательности, взаимопомощи, объективности и взаимопонимания. В результате проведения деловых игр многие студенты более трезво оценивают свои личностные качества, свою подготовленность к общению с читателями и коллегами, к роли руководителя и подчиненного, свое умение объективно оценивать ошибки и достижения товарищей.

Деловые игры помогают студентам получать практические знания по курсу, видеть его взаимосвязи с другими специальными дисциплинами. В процессе подготовки к играм и их проведению студенты более активны, чем при других формах занятий. На заключительный этап даже при резерве времени они чаще всего приходят уже подготовленные к защите, выполнив все необходимые задания дома. При выборочном опросе о наиболее интересных формах заня-

тий студентов в большинстве своем называют деловые игры.

В течении 4 лет проведения деловых игр мы постоянно ищем возможности их совершенствования. За это время не раз уточнялись ролевые задания, изменялись их формулировки, разрабатывались дополнительные схемы, вносились новые издания в списки литературы, рекомендуемой для использования во время игр. В последний год мы смогли перенести занятия по теме «Справочно-библиографическое обслуживание» в Челябинскую ЦБС. Запросы читателей и поиск ответов на них студенты проводили на базе СБА этой библиотеки.

Однако, у деловых игр, разработанных нами, есть и недостатки, которые мы не можем устранить в силу объективных причин. Из-за ограниченного времени проведения занятий мы не можем проигрывать ситуации с перераспределением ролей. По этой же причине наши «игровые» библиографические отделы ЦБС имеют гораздо больший штат (5—7 библиографов), чем это есть в большинстве реально существующих массовых библиотеках (1—2 библиографа). Не всегда удается создать ситуацию, полностью воспроизводящую условия работы библиотеки. Так, несмотря на то, что в игре по теме «Справочно-библиографическое обслуживание» происходит смена ролей, выполнение студентами роли читателя является определенной «натяжкой». Подобные моменты есть и в играх по другим темам. Кроме того, не всегда удается предоставить студентам на время игры в достаточном количестве карточки, разделители, пособия, инструктивно-методические документы по библиографической работе ЦБС.

И хотя все игры были разработаны для студентов дневного отделения, большинство из которых не имеет практического опыта работы в библиотеке, они с успехом используются и на заочном отделении. Там нам удается «проиграть» темы «Справочно-библиографический аппарат ЦБС», «Текущее библиографическое информирование». Заочники с самого начала держат себя заметно увереннее, чем студенты дневного отделения. Во время игры они более активны, часто воссоздают проблемные ситуации из опыта работы своих библиотек, используют знания из других дисциплин и свой практический опыт.

Разработанные нами игры можно использовать и в системе повышения квалификации библиотекарей-практиков. Так, по теме «Текущее библиографическое информирование» прошли игры на семинаре библиографов Челябинской ЦБС и среди библиотекарей юношеских отделений профсоюзных библиотек на областных курсах повышения квалификации. Интерес, проявляемый педагогами и практиками библиотечного дела к вопросам методики разработки и проведения деловых игр, позволяет нам надеяться, что опыт кафедры библиографии Челябинского института культуры может быть полезен преподавателям институтов культуры и культпросветучилищ, а также методистам и библиографам — практикам библиотек, выполняющих функции методических центров.

СОДЕРЖАНИЕ

Чачко А. С. (Киев). Разработка библиотечной профессиологии: основные этапы, итоги, и пробелы	3
Соколов А. В., Чачко А. С. (Киев). Методологические проблемы библиотечной профессиологии	17
Зазерский Е. Я., Соколов А. В., Афанасова Л. И. Исследовательский инструментарий для изучения библиотечной профессии	27
Архипова М. К., Боголюбова М. М., Миронов В. С., Ипатова И. И., Туровская А. А. Педагоги высшей и средней библиотечной школы	39
Голубев Л. К., Кочетков И. Ю., Порошин С. А., Соколов А. В., Чагина И. Г. Мобильность и стабильность библиотечных кадров	48
Савич Л. Е. (Казань). Читатели о библиотеке и библиотекаре высшего учебного заведения	58
Грачев В. И. (Кемерово). Социологические аспекты портретирования библиотекарей	67
Шехурина Л. Д. Образ библиотекаря в художественной литературе	75
Каптерев А. И. (Москва) Прогнозирование состояния библиотечных кадров: методологические основания и методические возможности	82
Тихомирова И. И., Авидон Т. А. (Орел). Об особенностях профессионального образования детского библиотекаря	93
Гутман Н. Н., Ильина О. Н. Об отраслевой специфике библиографического труда и о подготовке библиографических кадров	102
Стрельникова А. Г., Викулин А. А. Профессионально-личностное развитие студентов различных форм обучения	113
Трофимова Р. А. (Барнаул). Установки студентов на библиотечную профессию	125
Матвеева Т. Ф. (Челябинск). Деловые игры как метод активизации работы студентов на практических занятиях	131

**БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИОЛОГИЯ
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

**Сборник научных трудов
Том 136**

**Редактор Т. И. Проскурякова
Техн. редактор В. П. Галанова
Корректор Л. О. Смышляева**

Темплан 1990 г. (поз. У1/14)

Сдано в набор 29.03.91. Подписано к печати 8.05.92. Бумага для множит. аппаратов. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем 8,75 п. л. Тираж 500 экз. Заказ 540. Цена 3 р.

С.-ПбГИК им. Н. К. Крупской. 191065. С.-Петербург, Дворцовая наб., 2

ПО-3. 191104. С.-Петербург, Литейный пр., 55